1712

Арх. № 25309

032642

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ КАРЬКОВСКОЙ ОБЛ.
Ф. № 6452 Оп. № 6 Дело № 229

наименование органа КГБ

УГОЛОВНОЕ ДЕЛО №

по обвинению Купферова
Эрвина Эрвиновича

Аннотация: в деле имеются документы о реабилитации за 1956 г.

Начато „3" ноября 1933 г.
Окончено „19" мая 1934 г.

В 1 томах
Том № 1

Арх. № 032642 на 229 л.

Архив ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛ. Ф. № 6452 Оп. № 6 Дело № 229
(наименование учетно-архивного отдела отделения)

Сдано в архив „ ___ " ___ 19 ___

032642

АРХИВ УКГБ при СМ СССР
по Харьковской области
Арх. № 25309

602 ЖБ

S-61209

ОБЪЕДИНЕННОЕ

Государственное Политическое Управлен

2-00 в УГБ Хорошов

ДЕЛО №

О. Г. П. У.

Уничтожено в 19

По обвинению гр. ДЕЛО № 134

НАЧАТО 22/V 1934 г.

ОКОНЧЕНО 19 г.

ДЕЛО ДОЛЖНО БЫТЬ ДОЛОЖЕНО НА СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ НЕ ПОЗДНЕЕ

Начато 21/V 1934 г. 19 г.

Окончено

На листах

ВАИНВЕНТАРИЗ

АРХ Б при СМ УССР по [illegible] области

Арх. № 25309

АРХИВНЫЙ №

Про наслідки Судової п
обов'язково повідомляти
присуду—відповідний ор

У. С. Р. Р.

ДЕРЖАВНЕ ПОЛІТИЧНЕ УПРАВЛІННЯ

ГПУУССР Сектор
ООУЗО Рай(Міськ)Відділок

СПРАВА № 100

По обвин. Купферовой Эрн
Эрвиновны по 54-6 ст. 2

Речові докази №

ПОЧАТО Ноября 3 1933 р.
СКІНЧЕНО Мая 19 1934 р.

Здано в архив
дня 193 р.
за №

оп/ 25309

Ніяких слідсправ ніхуди не на
інакше як через ОСВ. Відповідаль
невиконання зазначеного поклада
Н-ків Відділів, Відділків і на осіб, ш
сл. справи.

По делу № 1005.

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

Гор. Харьков. 3 Ноября 193[illegible] г., я, уполномоченный ИНО ГПУ УССР ШМАЛЬЦ, рассмотрев материалы о преступной деятельности гр. КУПЕРОВОЙ Эрвины Эрвиновны,

установившейся в том что КУПЕРОВА являлась активным агентом чешской разведки и кроме личной разведывательной работы вела наблюдение за группой чешских разведчиков и служила связью между последними и чешской разведкой,

усматривая в совершенных обвиняемым КУПЕРОВОЙ Эрвиной Эрвиновной действиях признаки преступлений, предусмотренных ст.ст. 54-6 УК УССР,

П О С Т А Н О В И Л:

На основании 2 п. 98 ст. УПК и 108 ст. УПК начать по настоящему делу производство предварительного следствия.

Копию настоящего постановления направить Прокурору.

Уполномоченный ИНО ГПУ УССР (ШМАЛЬЦ).

Согласен: Нач. ИНО ГПУ УССР (САМОЙЛОВ).

Утверждаю: Нач. ИНО ГПУ УССР (ГАРЕЛИН).

По делу № 1005.

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

Гор. Харьков. 3 Ноября 1933 г. я, уполномоченный ИНО ПП УССР – ШМАЛЬЦ ГПУ УССР, рассмотрев следственный материал по обвинению гр-ки КУПФЕРОВОЙ Эрвины Эрвиновны,

в преступлениях, предусмотренных ст. 54-6 УК, НАШЕЛ, что произведенными следственными действиями установлено, что КУП – ФЕРОВА являлась активным агентом чешской разведки и кроме личной разведывательной работы вела наблюдение за группой чешских разведчиков и служила связью между последними и чешской разведкой,

На основании ст. 126 УПК и руководствуясь ст.127 УПК УССР привлечь гр. КУПФЕРОВУ Эрвину Эрвиновну,

в качестве обвиняемых, предъявив им / ему, ей/ обвинение по ст. 54-6 УК УССР, о чем копией настоящего постановления сообщить Прокурору.

Уполномоченный ИНО ПП УССР (ШМАЛЬЦ).

Согласен: П/Нач. ИНО ПП УССР (ЗАПОЛЬСКИЙ).

Утверждаю: Нач. ИНО ПП УССР (ЛЕВИН).

Постановление мне об'явлено Эрвина Купферова
/ подпись обвиняемого /

" 5 " XI 1933 г.

По делу № 1005.

1

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

Гор.Харьков, 1933 года, Ноября 3-го дня, Я, Опер.Уполномоченный ИНО ГПУ УССР - АСКОЛЬДОВ, рассмотрев материал по обвинению гр-ки КУПФЕРОВОЙ Эрвины Эрвиновны в преступлении предусмотренном ст.54-6 УК и выразившемся в том, что она является членом к-р.организации -

Н А Ш Е Л:

что пребывание на свободе обвиняемой КУПФЕРОВОЙ может повлиять на ход следствия, а потому, на основании изложенного и руководствуясь ст.143,145 и 156 УПК УССР -

П О С Т А Н О В И Л:

1) Избрать мерой пресечения способов уклониться от суда и следствия по отношению к обвин.КУПФЕРОВОЙ - содержание под стражей.

2) Настоящее постановление направить для санкции Прокурору ГПУ УССР.-

ОПЕР.УПОЛНОМОЧЕН.ИНО ГПУ УССР (АСКОЛЬДОВ)

СОГЛАСЕН: НАЧ.ИНО ГПУ УССР (КАРЕЛИН)

№ 52

У. С. С. Р.

твенное Политическое Управление

ОРДЕР № 75

3 "Ноября 1933 г.

елен „одни сутки

ику ГПУ УССР тов. Попову и

ховцу

произвести обыск и арест гр-на

Черновой Эрвины

Эрвиновны

щего

~~Ленинск № 24~~

Кемеровская Уг

бом № 4 кв. 3.

военным и Советским властям, а также гражданам

ики, надлежит оказывать законную помощь пред'я-

ордера, при исполнении им, возложенных на него

ний.

Председатель ГПУ УССР

Секретарь

ПЕЧАТЬ ОТДЕЛА ТРУДА

Ф. № 17/УСО

ПРОТОКОЛ (ТРУСУ)

193 3 р. Ноября "5" дня, Я, уполномоченный ОО ГПУ по ГПУ УССР Попов и Марчуковский

на підставі ордера ГПУ УССР ДПУ під Ч. 75 від "3" Ноября місяця 193 3 р. зробив трус у гр. Курдюровой Ирины Ирьиковна,

що мешкає в місті Харьков Жуковская № 4 кв 3 вул.,

буд. Ч. _____, помешк. Ч. _____

Підчас трусу були присутні Пилипенко Петр Лаврентьевич и Гейц Александр Осипович

Згідно зроблених вказівок затримано: гр. Курдюрова Ирьина Ирьиковна

Забрано для представлення в ОО ГПУ по ДПУ слідуюче:

(Детальний спис всього що забрано)

№№ по чер.	НАЗВА РІЧЕЙ, АБО ДОКУМЕНТІВ	Кількість	Якість	№№ по чер.	НАЗВА РІЧЕЙ, АБО ДОКУМЕНТІВ	Кількість	Якість
1	писем разных	23					
2	открыток	7 шт					
3	личных документов не Укк один паспорт	5 шт					

Скарги на неправильности, що допущено підчас трусу та пропажу речей Немає
Никаких нет.

Все, що зазначено у протоколі, а також і те, що його прочитано разом з особами, що в їх бився трус, свідчимо:

Представник Домового Управління сосед

ПРИСУТН.: Политейченко Ив. Т. 4/4/1942
Гетц Ив. 20

Виконавець трусу

Копію протоколу одержав

ПРИМІТКА: Всі заяви та претензії повинні бути внесені до протоколу раніш його писування, після підписання ніякі скарги та заяви не прийматься.

Із запитанням звертатися до ДПУ по адресі

ГПУ—УССР

№ .....

Отделения .....

" ..... 193 ... г.

Ф. № 20/УСО

За дачу ложных сведений обвиняемый несет уголовную ответственность

АНКЕТА ОБВИНЯЕМОГО

Фамилия Куперерова

Имя и отчество Ирина Ирьинична

Год рожд. 1899 4. Место рожден. г. Космонос, Чехия

5. Адрес Укр. Б. основа Ворковская ул. 4.

Профессия педагог 7. Профсоюзная принадлежность чл. пр. Работ

Место службы и должность или род занятий преподаватель Музык театр. ин-та. в Харькове

Социальное положение служащ.

Социальное и политическое прошлое

Гражданство и национальность Чешка, под Чехословак.

Образование высшее-спец. 13. Партийность Бп. № бил. —

Категория воинского учета

Имущественное положение —

Состояние здоровья беременна

Сведения о прежних судимостях и нахождении под следствием не была

Члены семьи (степень родства, место службы и должность или род занятий и адрес)—перечисляются: отец, мать, сестры, братья, сыновья и дочери

муж Ал-др Павлович Сомчинский 1900 г. гимн. Ужгород ул.

очь Ирина 2 1/2 г.

а Ирьина 12 1/2 л. находится в Чехо-словакии

выслана за пределы СССР вместе с дочерью Ириной

9-IV 18.07.34

Подпись обвиняемого Е. Куперерова.

*на обороте

1. Особые внешние приметы обвиняемого внешнего вида; трубка кр[ивая]
лица;

2. Ст. ст. обвинения

3. Особые замечания

Подпись лица снявшего анкету:

Примечания: 1. Анкета заполняется четко и разборчиво (на укр[аин]-
инском или русском языке) лицом, веду[щим]
следствие или дознание, со слов обвиняем[ого]
анкетные сведения проверяются по докумен[тар]-
ным данным.
2. Социальное положение обвиняемых класси[фи]-
руется в порядке директивы ГПУ УССР от [XI]
1930 г., за № 96153.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ПЫРХАВКИ Г. 1/X-33 г

..... Вопросом получения денег из Посольства ведал МАЗЮКЕВИЧ Юрий, который в этих целях использовывал ездивших в Москву чешско-подданных, КУПФЕРОВУ / жена инженера СЫЧИНСКОГО/, ГЕЛЬМИХА Иосифа / специалист, работает в Реммаштресте/ и ДЕДЕКА / кустарь, имеет на Основе собственную мастерскую жестяных изделий/. Все живут в Харькове....

В е р н о:

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА ПЫРХАВКИ 1/X-33 г.

..... Через этих лиц /КУПФЕРОВА/, выезжавших каждый год в Чехословакию и через Московское Чешское Посольство наша организация поддерживала связь с Закордонным центром /ЗОЗУЛЯ Яков, ПОТИЙЧУК Степан и РЫЖУК Евмен/.

В е р н о:

ВЫПИСКА

из протокола допроса ПРУДАВКИ Григория Исаевича
от 16.X.33 года.

КУПЕРОВА Эрвина, преподавательница хорео графии в Харьковском Музыкально-драматическом институте, живет в Харькове на Основе. Она каждый год выезжает в Чехию и отвозит информацию нашего ЦК УНТР к закордонному комитету в Праге, одновременно связываясь с чешской политической полицией. Кроме того, она часто выезжала в Москву-для связи с чешским посольством и передачи материалов от МАЗЮКЕВИЧА, меня и КОРОЛЬКОВСКОГО, а до 1931 года и СТАДНИКА.

О том, что она работает в Чешской политической полиции я впервые узнал от Владимира СТАДНИКА, меня с ней познакомившего. Об этом мне также говорила ГЕЛЬМИХ, жена специалиста чеха, служившего ранее на ХПЗ, а позже в Реммаштресте в доме Красного промышленника. На мой вопрос на какие средства живет дочь КУПЕРОВОЙ в Чехии, если она отсюда не может посылать ей деньги, ГЕЛЬМИХ, усмехнувшись ответила: "Она в Чехии достает жалованья больше чем тут, не даром каждый год ездит". На высказанное мной недоумение ГЕЛЬМИХ ответила "работает для тайной".

Ездила ли Эрвина КУПЕРОВА в Чехию в 1931 году я не знаю, но в 1932 году она была там вместе с ГЕЛЬМИХ. Ввиду того, что после моего выхода из под ареста КУПЕРОВА дала мне понять, что я скомпрометирован и перестала к нам заходить, то я больше ей материалов непосредственно не передавал.-

Верно:

В Ы П И С К А

из протокола допроса ПЕРЛАЛА Григория Исаевича
от 16-го октября 1933 года.
-.-

....."В 1930 году я передал сведения через КУПФЕРОВУ в Чешскую политическую полицию для ЯКУБЦА в форме корреспонденции в редакцию "РУДЕ ПРАВО". В этой зашифрованной корреспонденции следовало читать все положительные факты как отрицательные и наоборот. О такой форме доклада я договорился еще в Праге."

Верно:

10

В Ы П И С К А

из протокола допроса ПЕРХАВКИ Григория Исаевича от 16-го октября 1933 года.

....."ГЕЛЬМИХ Иосиф, чех специалист, по автогенной сварке. Когда я в 1928 г. приехав в Харьков, явился по указанию доктора ЯКУБЦА и ПОТИЙЧУКА к СТАДНИКУ, то он назначил мне на другой день свидание в банке.

Явившись, я уже застал СТАДНИКА и неизвестного мне человека, назвавшегося Иосифом ГЕЛЬМИХ. СТАДНИК знакомя нас сказал, что ГЕЛЬМИХ приятель доктора ЯКУБЦА. После этого я ГЕЛЬМИХОМ часто встречался у него дома, квартира которого фактически была явочной для КУПФЕРОВОЙ, МИЗЮКЕВИЧА, КОРОЛИВСКОГО, СТАДНИКА и меня, а также вновь появляющихся чехов. Кроме этого ГЕЛЬМИХ имел большое знакомство среди немцев, русских и украинцев. Знаю, что ГЕЛЬМИХ был связан с ШТЕФЬЮКОМ, который вместе с ОЛЕШКЕВИЧЕМ сотрудничал в пользу Чешской политической полиции, с ДЕДЕКОМ чехом, связанным с чешской политполицией через Московское посольство и наконец с каким то чехом из Новой Баварии по профессии пивовара, фамилии которого я не знаю. ГЕЛЬМИХ часто, якобы по делам службы выезжал в разные города.-

ВЕРНО:

.....

ВЫПИСКА

из протокола допроса СТАЛЬНИЧЕНКО Ивана Никитовича.

От 16 Октября 1938 года.

Когда первый страх после ареста ХАРУСЯ прошел, я узнал, что активная роль в нашей организации осталась за МАЗИНЕВИЧЕМ. С ним были тесно связаны БЕРГУН и КАМЕНЮР.

Квартира МАЗИНЕВИЧА стала явочной квартирой приезжающих из периферии и заграницы отдельных лиц. Я они оставали иногда у него людей не похожих на харьковчан, знал, что это связь организации, что приезжающие привозят сведения из периферии и заграницы, но в детали посвящен не был.

Связь с наркомздравом МАЗИНЕВИЧЕМ осуществлялась через КУПЕРМАНУ, выехавшую в Прагу. Ездил также и он.

Из отдельных разговоров с БЕРГУНОМ и ЗАВГОРОДНИМ, еще в Праге мне было известно, что они успешно старались устроиться на работу в заводы "ШКОДА".

Будучи уже на Украине, БЕРГУН рассказывал о направлении Харьков-Москва-Донбасс по химическим заводам, проводил работу по сбору сведений о состоянии этих заводов. Каким образом эти материалы передавались за кордон мне точно неизвестно.

ВЕРНО:

12.

[redacted]

[redacted]

[redacted]

[redacted]

[redacted]

[redacted]

[redacted]

[redacted]

[redacted]

[redacted]

[redacted]

В Ы П И С К А

ИЗ ПОКАЗАНИЙ ПИРЛЯВСКИ ГРИГОРИЯ ИСАЕВИЧА ОТ 19/I-1933 ГОДА.

... "Дополняя свои предидущие показания о больш[ой] в-у к шпионской работе, проводимой на Украине чешскими разведивательными органами, хочу указать на следующих лиц, работающих в пользу чехов:

МАЗНИЧЕВИЧ Юрий. Мне лично известно от самого МАЗНИЧЕВИЧА и от ПОЛЯЧУКА, что он еще в Праге сотрудничал с чешской политической полицией, которая познакомила его с техноруководящей эрвахой КУПЕРОВОЙ и отправила их на Украину. ГРАЗОЛ Адам при нем дал МАЗНИЧЕВИЧУ явку в Харькове к СТАДНИКУ Владимиру. С моим приездом на Украину я увидел, что МАЗНИЧЕВИЧ и КУПЕРОВА имеют тесную связь со СТАДНИКОМ и ГЕЛЬМАНОМ. В 1928 г. или 1930 г. МАЗНИЧЕВИЧ и КУПЕРОВА ездили в Москву, откуда привезли деньги для ЦК УПСР.

Сумма денег мне неизвестна, но МАЗНИЧЕВИЧ говорил, что теперь наши эсеры богатые.

Когда я был освобожден из под стражи в 1932 г. и познакомился с ЯРЫШКИНЫМ, то от них узнал, что их явка (чех) оставшийся теперь из СССР, служил в Украинбанке и что к нему из Праги с письмом приехали КУПЕРОВА с мужем. Чтобы устроить жену КУПЕРОВОЙ, т.е. МАЗНИЧЕВИЧА на службу в Украинбанк, а КУПЕРОВОЙ помог найти работу.

МАЗНИЧЕВИЧ был в Чехии, кажется в 1930 г. После моего вступления в новый состав ЦК УПСР, куда вошел и МАЗНИЧЕВИЧ, он свое сотрудничество с чехами не закрывал, т.к. и я."

ВЕРНО:

ВЫПИСКА

из показаний обвиняемого ПРОТОПОПОВА от 19/I-38 г.

... Допрошена сама предыдущая выписка о беседе с [illegible] и записанный разговор, происходивший по поводу членских двухмесячных взносов, хочу уточнить на следующих лиц, рассказанных в моему делу:

[illegible] Ефим, инженер. По этой ЗАПИСИ я познакомился в мае с целью того, что [illegible] интересовался с точки политических взглядов. Об этом я сказал также и от ЗАЙЦЕВА и неоднократно членов УПОТ. О нарушении этого с частью [illegible] о [illegible], но об этом я ему не говорил. Более обращал на [illegible] внимание, что [illegible] сосредоточен в книгах, или [illegible], по этой, что он изучал находясь в КОРОЛЕВСКОМ и [illegible]. Более такого у ЗАЙЦЕВА Ефима. Как приложение такой факт. В 1930 г. в числе с Географической выставки и вместе там [illegible] [illegible], которой [illegible] [illegible] [illegible]

людьми, принадлежащими к иностранной эмиграции. В прочем, как материалы самой [illegible] работы остались в архиве.

Он [illegible] мне, что он читал на [illegible] свои воспоминания о времени [illegible], с которым [illegible] знаком.

Когда [illegible] собирался на охоту, то [illegible], что [illegible] говорил, что упоминая [illegible] сказанное о [illegible], более в них от [illegible] слова, что [illegible] нужно вычеркнуть, все "плюсы" в другую сторону, а между тем [illegible] [illegible] [illegible], что [illegible] его считают очень [illegible] человеком и если [illegible] за одним столом и [illegible] [illegible], то будет [illegible] [illegible]. После этого я встретился с [illegible] [illegible] с [illegible] в тот же вечер, что [illegible] уезжает в [illegible] где с [illegible] года"...

[illegible]

В Ы П И С К А

из протокола допроса ПИРХАВКИ Григория Исаевича от 19/X-33г

КОРОЛИВСКИЙ Федорий. Как мне говорил ЛОТВИЧУК с чешской политической полицией сотрудничал давно. С приездом на Украину я с ним встречался у ТАЛЬНЕВИЧА. Жили они в одном доме и с тех пор мы были друзьями. Знаю что он был близок с ГАЦУКОМ МАЗЕПЕЛЬЧИЧЕМ, КУЛИКОВОЙ, ОЛЕЛЕКОЙ, СТАДНИКОМ, ВАХНИК Ольгой ГЕЛЬМИХОЙ и ДЕДЕЛ. Связь с чешским посольством в Москве поддерживал через МАЗЕПЕЛЬЧИЧА, КУЛИКОВУ и ДЕДЕЛА. От МАЗЕПЕЛЬЧИЧА слыхал в начале 1933г. что КОРОЛИВСКИЙ должен был получить за свою шпионскую деятельность около 3000руб.-

Верно

В Ы П И С К А

из протокола допроса ПЕРЕЛЬМАНА Григория Соломоновича от 19 октября 1938 года.

.....МАЗИНЫЙ арест. Мне лично известно от самого ЛЕЛЬЧУКА и от ЮТКЕВИЧА, что он еще в Крыму встречался с Чиликиным, который познакомил его с генеральшей Ариной МАЗИНОЙ и отправил их на Урал. Перед Аней при мне был поставлен вопрос о Ларионове и Ладыгине, они приехали на Урал, я узнал что ЛЕЛЬЧУК и ЮТКЕВИЧ имели тесную связь со Ладыгиным и Ларионовым. В 1935 или 1936г. ЛЕЛЬЧУК и ЮТКЕВИЧ ездили в Москву, откуда привезли весть от ЕЖОВА. Кроме того мне известно, что ЛЕЛЬЧУК говорил, что теперь Ежов остался один.-

Верно

18

В Ы П И С К А

из протокола допроса ПЕРХАВКО Григория Исаевича от 19 октября 1933 года.

-.-

ЧЕРНЫЙ Юрий инженер. Со слов ХАРУСА и ПУТИЛУЛА я еще в Праге знал, что ЧЕРНЫЙ сотрудничает с Чешской Политической полицией. Об этом я слышал также и от БАЛАША в заграничном комитете УНСР. В Харькове хотя и часто встречался я с ЧЕРНЫМ, но об этом с ним не говорил. Каким образом он был связан с Чешским посольством в Москве, мне не известно, но знаю что он изредка заходил к КОРОЛЕВСКОМУ и ТАНАШЕВИЧУ. Бывал также и у ВАХНЯК Ольги. Это приблизительно такой фон. В 1930 году я зашел в Географический институт и застал там Юрия КАЗИМИРИА, который платил ТАНАШЕВИЧУ какие то деньги, а потом при мне в нарочитой форме сказал, что хуже всего носиться с чужими деньгами, что еще потеряю и буду иметь скандал. Когда мы вышли с ним из Института, то он узнал ЧЕРНОГО что тот не пришел и просил меня, если я его встречу, что бы передал, что ШУЛЬГИНА приехала из Москвы.-

Верно:

ВЫПИСКА

из протокола допроса ЛАРУСА Даниэля Павловича от 25 октября 1933 года.

В дополнение к моим показаниям относительно связи организации с заграницей нужно еще указать на поездку КАЗАНЦЕВА. Относительно его цели [illegible] мне неизвестно было ли они поручены КАЗАНЦЕВУ в существовании организации.

В беседе со мной БЕЛЯЧА он заявил, что организация через него имела сношение с польским консульством в Харькове и что он лично получал у консула денежную субсидию.-

ВЕРНО:

В Ы П И С К А

из протокола допроса ЧЕРНОГО Ефима Николаевича от 21.X.38 года.

МАЗИНКЕВИЧ я знал еще по Праге. С сентября месяца прошлого года он бывал в Подебрадах, откуда перебрался в Чехо-Словакию и возвратился в Подебрады. Приехал в отпуск с.р. Точно сказать был с ХАРУСОМ. В 1936 году МАЗИНКЕВИЧ выехал на Украину и проживал в Харькове. Работал в банке.

Впервые я встретил его в 1927г. В дальнейшем также встречал его несколько раз. Все эти встречи случайный характер. Знакомил с тем, как это не раз устраивался. От ХАРУСА мне было известно, что МАЗИНКЕВИЧ являлся членом организации. На мои вопросы МАЗИНКЕВИЧУ, при одной из встреч, как протекает работа, он ответил, что работу проводит в связи по этой линии с ХАРУСОМ.

О том, что МАЗИНКЕВИЧ и его жена связаны с Чехо-Словацким посольством, мне известно только от ХАРУСА.

Известно, что МАЗИНКЕВИЧ легально сидел в Праге и эта посадка была использована для передачи материалов ПОГИБШЕГО. Жена МАЗИНКЕВИЧА также. Познакомился он с ней на курорте в Подебрадах, отбыл он от туда также. Они блондинка. В одном из ресторанов Праги я встретился на улице с МАЗИНКЕВИЧЕМ и его женой и он познакомил меня с ней. Со слов ХАРУСА знаю, что жена МАЗИНКЕВИЧА бросила его и сошлась с каким то военным. В Харькове она работает в опере и в краснозаводском театре, как учительница балета. О том, что жена МАЗИНКЕВИЧА использовалась для связи с Чехо-Словацким посольством мне говорил только ХАРУСЬ.-

Верно :

В Ы П И С К А

из протокола допроса ЧЕРНОГО Ивана Никаноровича
от 21.X.33 года.

В одной из бесед "инженер" спросил меня знаю ли я жену МАЗЮКЕВИЧА. Было это в 1931 г. Я ответил, что знаю ее. Он рассказал мне, что познакомился с ней, где и при каких обстоятельствах не говорил и отзывался о ней, как о воспитанной, "интеллигентной" женщине.-

Верно:

В Ы П И С К А

из протокола допроса КАПЕЛЬЯ Юрия Иосифовича от 25.X.38 г.

Идеологом нашей к.р.организации был также МАЗЕПКЕВИЧ. Я часто с ним встречался и он мне говорил о необходимости активизировать к.р.деятельность, так как с его слов назревали события, связанные с подготовкой всей эмиграции единым фронтом выступить против СССР. Эти сведения МАЗЕПКЕВИЧ привез из Чехии, куда он ездил в 1929 году, под предлогом привезти из Чехии в Харьков дочь [illegible], на деле же он ездил для связи с Краевским руководством организации и получения инструкций. Рассказывал он также и о переброске значительной части эмиграции из числа окончивших в Чехии высшие учебные заведения, на польскую Волынь для создания к.р.кадров на границе с Украиной/ЛИЦЕРА Омельян, МУРАШКА и др./.

О такой же переброске украинских эмигрантских сил на польскую волынь мне говорил приехавший из Подебрад галичанин ЛИЦЕРА Александр, которого я встретил в клубе политэмигрантов галичан. ЛИЦЕРА Александр закончил Подебрадскую академию и выехал на Украину, а его брат тоже закончивший Подебрадскую академию выехал на Польскую Волынь.-

Верно:

В Ы П И С К А

из протокола допроса [illegible] от 31.X.39г.

[illegible] ряжик по вопросу состояния [illegible] Простоквашин. [illegible] Розы Х.

[illegible] На вопросы задавал по этим вопросам, я сделал в ряде случаев развязывал методы [illegible] с применением [illegible] разведывательных методов, собирал улики [illegible] Он [illegible] выполнял задания по сбору материалов.

[illegible] Он сам [illegible] и понял, что по вопросам разведывательной работы он связи с [illegible] имеет в виду.

Когда же я [illegible] с [illegible] О., которой должен был по указанию [illegible] передать добытые мною материалы для последующей передачи их [illegible] в Москву, куда он часто выезжал.

[illegible] определил следующим образом: [illegible] большую работу по добыванию секретных материалов в [illegible], в данном [illegible] передавать данные о военных [illegible] носящего характера от [illegible] Розы и [illegible] Простоквашина, как и свои [illegible], а также [illegible] Розы.-

Верно:

В Ы П И С К А

из протокола допроса КОРОЛЬКОВА Мефодия Юрьевича от 31.X-33
-.-.-.

ВЫПИСКА

из протокола допроса КОРОЛЬКОВСКОГО Мефодия Арьевича
от 31 октября 1938 года.

Перед тем как приступить к перечислению всех известных мне фактов, непосредственно или косвенно относящихся к деятельности [redacted] разведки, считаю необходимым рассказать свои личные показания и очень кратко характеризовать [redacted], с которыми я встречался, на основании тесных [redacted].

В начале [redacted] г., когда я работал [redacted], ко мне [redacted], назвавший себя [redacted], со мной [redacted] что я ранее от знакомых, что они тоже являются членами [redacted] и он хочет с ними познакомиться. С этого времени у него [redacted] с некоторыми членами [redacted], которых мы неоднократно у него на дому, особенно часто мы [redacted], принимая их также у себя.

О том, что [redacted] является членом [redacted] я узнал из [redacted] разговоров. Кроме [redacted] я знаю [redacted] время-в 1930 году.

В целях обеспечения на почве совместной разведывательной работы [redacted] с [redacted], членами [redacted] данной организации в Харькове.

О прибытии меня познакомил [redacted], сотрудничавший с [redacted] и осуществлявший через него передачу материалов и связь с заграницей, так как [redacted] несколько раз выезжал в [redacted].

Уже от [redacted] я узнал о работе в [redacted] членов [redacted], как впоследствии выяснилось, [redacted] в моей работе был информирован так же подробно.

За [redacted] с [redacted] и [redacted] было [redacted] для передачи материалов в [redacted], с которой за [redacted] [redacted] с 1931 г. собранные мною разведывательные материалы передавались [redacted] через [redacted], связь по [redacted] у меня с того времени прекратился.

В процессе [redacted] с [redacted] я узнал, что [redacted] [redacted] через [redacted] и [redacted] [redacted] их для [redacted] работы. [redacted] [redacted] [redacted]

П Р О Т О К О Л Д О П Р О С А

КУНЕРОВОЙ Эрвины Эрнестовны, – чешско-подданной, балерины,
От 9 Ноября 1938 г.

Я родилась в 1899 г. в г.Космонос (Чехословакия) в семье служащего. Получила обще-среднее образование и окончила Итальянскую балетную школу в Праге.

Как балерина выступала в Праге, Берлине и Париже. В Париже я была только один раз в 1924 г.

В 1925 г. во время нахождения в Подебрадах на курорте, я познакомилась со студентом Экономического факультета Подебрадской С.Х. Академии МАЗЭЭЛЛИНЫМ Эрвином.

МАЗЭЭЛЛИН близко сойдясь со мной начал уговаривать меня выехать с ним в Советский Союз, где я буду иметь возможность использовать свои сценические способности.

В неоднократных беседах со мной он вел линию советско-настроенного человека и даже коммуниста.

Однажды МАЗЭЭЛЛИН познакомил меня в Праге со своим близким другом – ХАРУСЕМ, который был тогда председателем Союза студентов граждан СССР в ЧСР.

После некоторого знакомства, ХАРУСЬ и МАЗЭЭЛЛИН предложили мне выехать в Бухарест и заняться

агентурной работой в пользу Сов.Союза.

Поняв опасность этого предложения, я от такой работы отказалась.

Спустя некоторое время, после этой беседы, в 1925 г. я вызвана была повесткой в полицию и со мной беседовал ЯКУБЕЦ.

К этому времени мой выезд уже стал практическим вопросом.

Беседа с ЯКУБЦЕМ сводилась к моему ожидающемуся от"езду в СССР.

ЯКУБЕЦ прямо поставил вопрос о том, что я, как чешка, должна во время пребывания в Сов.Союзе заняться работой, полезной для Чехо-Словакии.

Неожиданность такого предложения и понятая уже тогда опасность этого дела, вызвали во мне колебания.

ЯКУБЕЦ видя мое колебание, начал обрабатывать меня в националистическом духе, об"ясняя, что это мой долг чешки и интеллигентного человека, должного бороться с большевистским варварством.

Все это сводилось к одному. Я должна работать в СССР в пользу своего государства. Я дала свое согласие.

Других вопросов при этой первой беседе не затрагивали и в частности фамилии МАЗЕЛЬКОВИЧА и ХАРУСА не упоминали.

На протяжении нескольких дальнейших встреч с ЯКУБЦЕМ, мои задачи по работе в СССР сводились, согласно выработанному плану к следующему:

Мне надлежало выехать в Сов.Союз вместе с

МАЗУРКЕВИЧЕМ, а в дальнейшем должен был приехать в ХАРЬКОВ для организации разведывательной службы в пользу Чехословакии.

В целях легализации моего выезда МАЗУРКЕВИЧ познакомил меня, с приехавшим в Прагу, кажется, из Подебрад, эмигрантом ЗАГАРОВЫМ.

ЗАГАРОВ был приглашен в Днепропетровск, в театр им.ЗАНЬКОВЕЦКОЙ, в качестве руководителя художественной частью. Я договорилась с ЗАГАРОВЫМ и в результате он спустя непродолжительное время, после выезда в Днепропетровск и имевшей место переписки, прислал мне контракт, по которому я должна была занять должность Заведующей Хореографической Частью и танцовщицы в театре им.ЗАНЬКОВЕЦКОЙ.

На этой основе я возбудила ходатайство и мне выдано было Советским Полпредством в Праге, разрешение на в"езд в СССР.

В целях облегчения устройства в СССР и прикрытия моей разведывательной работы, ЯКУШЕВ вписал мне партийный билет члена коммунистической партии Чехословакии.

На протяжении нескольких бесед со мной ЯКУШЕВ, перед от"ездом, получение мною задания, свелись к тому, чтобы ознакомившись с местными условиями и заведя знакомства в различных общественных кругах, быть в курсе настроений этих кругов.

Но основным являлось завести знакомства в военной среде и постепенно изучив подходящего человека из военных, вербовать его для работы в пользу

Чехословакии.

ЯКУБЦЕМ особенно подчеркивалась необходимость быть очень осторожной и соблюдать максимальную конспирацию.

Свою работу я должна была проводить в тесном контакте с МАЗНИЧЕНКОМ Юрием. При этой беседе с ЯКУБЦЕМ присутствовали МАЗНИЧЕНКО и ХАРУСЬ, принимавшие активное участие в разговоре.

В Харькове, по указанию ЯКУБЦА, я должна была связаться с чехом ГУШЕКОМ, директором Украинбанка и поступить в его распоряжение. Дальнейшие указания по работе я должна была получать от ГУШЕКА, как равно через него должна быть связь с ЯКУБЦЕМ. В Харькове я должна была установить также связь с работающим в Харьковском Чешском консульстве, сотрудником чешской разведки ХРОУСТОМ.

ЯКУБЕЦ предупредил меня, что за Консульством ведется наружное наблюдение и что таковое имеется и внутри Консульства, но что мне бояться нечего, ибо я посещаю Консульство, как чешская гражданка.

Между мной и ЯКУБЦЕМ произошла беседа и в отсутствии МАЗНИЧЕНКА и ХАРУСЯ.

Она свелась к тому, что я как чешка, должна, кроме своей непосредственной работы наблюдать за поведением и связями МАЗНИЧЕНКА и, что не помешает, при наличии возможностей, наблюдать и за ХАРУСЯМ, когда он приедет в Союз.

ЯКУБЕЦ мотивировал это тем, что я никому,

особенно людям не нашей национальности не должна верить и наблюдать за их деятельностью.

В случае, если я буду располагать материалами о подозрительном поведении этих людей, я должна буду сообщить об этом лично ЯКУБЦУ, при встрече с ним в Праге, о чем мы договорились.

В последнем разговоре со мной ЯКУБЕЦ предупредил, что за мою работу в СССР будут отвечать мои родные, остающиеся в Чехо-Словакии.

Особо ЯКУБЕЦ предупреждал о необходимости соблюдения конспирации и подчеркнул, что даже родным об этом говорить нельзя. Эти его указания я выполняла и никто из моих родных об этом ничего не знает.

С этими заданиями чешской разведывательных органов я и МАЗИКЕВИЧ выехали в Октябре 1926 г. в Сов.Союз.

Несколько дней мы пробыли в Киеве у родных МАЗИКЕВИЧА, а затем выехали в Днепропетровск.

Финансовое положение театра им.ЗАНЬКОВЕЦКОЙ было тяжелым. Кроме того, основным районом нашей деятельности, должен был быть, по указаниям ЯКУБЦА, гор. Харьков, почему к работе в театре я не приступала и по формальным причинам оставила театр и мы (с МАЗИКЕВИЧЕМ) выехали из Днепропетровска в г. Киев, к родным МАЗИКЕВИЧА.

В Киеве я пробыла с МАЗИКЕВИЧЕМ около 4-х месяцев, в связи со сложившимися семейными обстоятельствами.

Необходимо тут указать, что при в"езде в Сов. Союз у меня было разрешение на пребывание в Союзе только сроком на 1 месяц. Этот срок не мог быть продлен, ибо я в театре не работала. Поэтому я вынуждена была согласиться на предложение МАЗИКЕВИЧА и в Киеве, в ЗАГС"е мы зарегистрировались, почему мне, как жене советского гражданина, продлили пребывание в Союзе.

За время проживания в Киеве, МАЗИКЕВИЧ ввел меня в семью своего старого знакомого ст. инженера, фамилию которого сейчас не помню. Зовут его ОСИП, лет 40, жена его Вера Андреевна. Проживают недалеко от Стрелецкой ул., где мы жили у родных МАЗИКЕВИЧА. С этим инженером МАЗИКЕВИЧ неоднократно беседовал на политические темы, содержание коих я не понимала, ибо еще слабо владела русским языком.

Из знакомых МАЗИКЕВИЧА, с которым он поддерживал дружеские отношения знаю владельца небольшого магазина старых книг по Прорезной ул.; последний также посещал квартиру указанного выше инженера.

Подчеркиваю неоднократные и несомненно конспиративного характера разговоры МАЗИКЕВИЧА с его братом МАЗИКЕВИЧЕМ Всеволодом, работавшим тогда корреспондентом газеты "РАДЯНСКЕ СЕЛО".

Лично я, за время пребывания в Киеве ознакомилась с местными условиями, приглядывалась и наблюдала ту среду советских служащих, которая бывала на частых вечеринках и за игрой в карты у инженера Осипа.

Несмотря на хлопоты МАЗИКЕВИЧА (старшего мой

партийный билет члена ЧКП в Киевский Парком), добивалась – гося перевода меня в члены КП(б)У, он результатов не добился и на руки получил только справку о сдаче моего билета члена ЧКП.

Во время нахождения в Киеве я получила приглашение на работу в театр им.ФРАНКО и в Киевскую оперу, но исходя из основной цели – необходимости устройства в Харькове, весной 1927 выехала в Харьков.

Поселившись в Харькове, я работала вначале в театре "БЕРЕЗИЛЬ", а затем театрах им.БЛАКИТНОГО, Санкультурм, Сатирм, в клубе Канатной фабрики, Высшей физкультурн и т.д., а в последнее время и до ареста – работала в Музыкально-Театральном Институте.

По приезде в Харьков, я, согласно указаниям ЯКУБЦА, связалась с ГУШЕКОМ в Украинбанке, где договорилась с ним о встрече у него дома. С этого времени я была связана с ГУШЕКОМ, вплоть до его от"езда в Чехословакию в 1929 г.

В первой беседе с ГУШЕКОМ я передала ему "привет от ЯКУБЦА, который просит помочь мне". Это было паролем, по которому ГУШЕК принял меня.

Я рассказала ГУШЕКУ, что мне нужно связаться с ХРОУСТОМ и он дал совет явиться в Чешское Консульство, где я и связалась с ХРОУСТОМ.

Основное указание, данное мне ХРОУСТОМ сводилось к необходимости поддержания связи с ГУШЕКОМ. К этому времени были уже слухи об ожидавшемся реорганизации Чешского Консульства в Харькове.

У ГУШЕКА я познакомилась с ДОБРОТВОРСКИМ,

который по словам ГУШЕКА, был, якобы, ад"ютантом ПЕТЛЮРЫ. ГУШЕК об"яснял необходимость этого знакомства полезностью ДОБРОТВОРСКОГО; последний проявлял особый интерес к тому, что делается в Чехии и это вызвало мои подозрения, о чем я поделилась с ГУШЕКОМ.

ГУШЕК меня успокоил прямо сказав, что ДОБРОТВОРСКИЙ "свой человек".

Летом 1927 г., согласно указаний, полученных на квартире ГУШЕКА от последнего и ДОБРОТВОРСКОГО, я и МАЗНЕВИЧ выехали в Москву. Я посетила Чехо-Словацкое Посольство и согласно данных мне указаний вручила лично послу ГИРСЕ пакет, данный мне ГУШЕКОМ и ДОБРОТВОРСКИМ. Пакет был опечатан и содержание его мне неизвестно.

МАЗНЕВИЧ меня сопровождал, ибо я впервые ездила в Москву. Меня предупредили не говорить МАЗНЕВИЧУ какой ответ даст мне ГИРСА. Согласно тех же инструкций, я посетила посольство без МАЗНЕВИЧА.

ГИРСА принял меня очень любезно. Интересовался моим прошлым, родными, спрашивал о ЯКУБЦЕ и при уходе вручил мне письмо для передачи живущему в Харькове и известному мне ГАВКУ.

ДОБРОТВОРСКОМУ я должна была передать устно, что "все в порядке".

При прощании ГИРСА общей фразой просил передать привет чехам и "не забывать ЯКУБЦА". Намек был достаточно ясный.

По приезде в Харьков я передала ГУШЕКУ и ДОБРОТВОРСКОМУ о результатах поездки в Москву и в

том числе о получении письма для ГАБКА. После моего приезда из Москвы, ДОБРОТВОРСКИЙ выехал и отсутствовал около месяца.

Я лично отправилась в М.-Баварию, на квартиру ГАБКА и вручила ему письмо ГИРСА. По прочтении письма, ГАБК сказал мне, что в связи с содержанием письма, он должен срочно выехать в Прагу и спустя некоторое время он действительно уехал.

Основные указания, полученные мною от ГУШКА сводились к тому же, что поручал мне и ЯКУБЕЦ – это установить знакомства с военными.

Это задание мне выполнить не удалось.

В том же 1927 г. ГУШЕК предложил МАЗУРКЕВИЧУ познакомить меня с СЕРЕДЖКОМ, известным МАЗУРКЕВИЧУ по Праге, причем предупредил МАЗУРКЕВИЧА не посвящать СЕРЕДЖКА в то, что я причастна к чешской работе.

В разговоре со мной наедине, ГУШЕК предложил мне изучить взаимоотношения МАЗУРКЕВИЧА и СЕРЕДЖКА. Я несколько раз бывала с МАЗУРКЕВИЧЕМ у СЕРЕДЖКА, однако, в моем присутствии они вели исключительно общие разговоры о том кто-как устроился и живет. Об этом я информировала ГУШЕКА, отметив, что как то в разговоре МАЗУРКЕВИЧ спрашивал СЕРЕДЖКА, когда он встретится с Алексеем и что СЕРЕДЖК отделался общим ответом вроде того, что "время придет".

Я предложила ГУШЕКУ выяснить при удобном случае фамилию Алексея, но ГУШЕК сказал, что этим интересоваться не стоит.

Как я в дальнейшем узнала от ХАРУСЯ, этот Алексей является одним из руководителей организации социалистов-революционеров на Украине.

Из того, что ГУЛЕК мне сказал о СЕРЕДЕНКЕ совершенно ясно стало о причастности СЕРЕДЕНКА к работе в пользу чешской разведки.

Мне известно о неоднократных встречах МАЗУКЕВИЧА с СЕРЕДЕНКОМ, о чем я узнавала случайно.

О жене СЕРЕДЕНКА знаю, что она чешка, б.член ЧКП, теперь КП(б)У. Работает в Коммунуниверситете в Харькове.

В 1927 г. в Харьков приехал ХАРУСЬ, занявший должность заведующего домом ученых.

Я неоднократно встречалась с ХАРУСЯМ. ХАРУСЬ, как мне известно проводил работу в пользу чешской разведки.

У меня на квартире по Чернышевской ул. неоднократно встречались ХАРУСЬ, Алексей и МАЗУКЕВИЧ, ведшие по их словам беседы об с.-р.работе.

Я чуствовала себя лишней, когда они собирались и уходили.

При моем от"езде в 1933 г. в Прагу ХАРУСЬ просил передать ЯКУБЦУ, чтобы он вызвал к себе человека, фамилия которого вспомню, она начинается на букву О. Человек жил в Праге, был в Харькове виделся с ХАРУСЯМ и последний проинформировал этого человека по некоторым вопросам, интересующим ЯКУБЦА.

При встрече с ЯКУБЦОМ, я ему об этом сказала.

Допрос прерывается.

Изложенное записано, с моих слов, верно и мне прочитано, в чем и расписываюсь.

З.КУЗЬМИНА.

ДОПРОСИЛ: УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ИНО ГПУ УССР
(ИВАНЬЯ).

Верно:

Протокол допроса

г. Харьков. 1933 г. Ноября 9 дня. Я, помощник [illegible] допросил в качестве обвиняемого гр. Куперфельда Ирвина Вениаминовича, который показал:

Я родился в 1894 г. в г. Кисленос (Чехословакия), в семье служащего. Получил общее среднее образование и окончил Итальянскую Академию в Праге.

Как банкир выступал в Праге, Берлине и Париже. В Париже я был один только раз в 1924 г.

В 1925 г. во время нахождения в Лондоне на курорте, я познакомился со служащим ген. штаба Лондонской с/х Академии Мазуркевичем Юрием.

Мазуркевич мне сейчас со мной начал предлагать мне выехать с ним в Советский Союз, где я буду иметь возможность неограниченно свои сделки. Сначала.

К предложению Мазуркевича я отнесся, он все время говорил Советского правительства - и далее Коминтерна.

Однажды, Мазуркевич познакомил меня [illegible]

Врагу со своим близким другом Харусем. Которым они стали представителями Союза Сибирских Крестьян СССР в Ур.

После некоторого знакомства, Харусе и Лазаревич предложили мне выехать в Бухарест и заняться агентурной работой в пользу Сов. Союза.

Понял отказаться этого предложения, я на такой работы отказалась.

Спустя некоторое время после этого факта, в 1925 г. в Китае была отозвана в Москву и со мной беседовал Якубов.

К этому времени, мой взгляд уже стал практическим вопросом.

Беседа с Якубов сводилась к тому, чтобы я отправилась обратно в СССР.

Якубов прежде всего вопрос о том, что я как смотрю, должна ли время пребывания в Сов. Союзе заняться работой, полезной для Сов. Союза.

Конспиративность такого предложения и знание уже тогда описывает этого дела, вызвала во мне колебания.

Якубов видя мое колебание, начал обрабатывать меня в нужном ему [illegible]

объявил, что это мы для чехов и итальянцев
пятая колонна, полностью вычищен с большевистским
варварством.

Ра[illegible] к этому я должен
добавить в СССР в плену было взорвано
и убито свое оружие.

Время вокруг меня этой зимой белее не
замерзало и в некоторых домах лампа-
кевшая и дорога не просыхала.

На этой высоте начинаются
дебри с медведя, мы здесь на работе
в СССР сорвались, сильно вырабатывали
плану к Сентябрю.

Нас перевели в СР. Сев
вывели с лесозаготовки а в деревне
дом отдали к Ворсе - для организации
фронтовой связной службы в м/у Ко-
стромой.

Начальник моей группы
в этом доме Анатолий Николаевич
мой, с которым я вернулся из
Сибири, эмигрировал Сахаровым.
Он был выслан с Дальнего Востока,
в плену на Сахалине, в колхозе рядо-
вой работник. Чехов. В дружи-
ной с Сахаровым и в результате, он

[illegible] Непродолжительное время после возвращения в Словакию [illegible] мне [illegible] предложили контракт, по которому я должна была начать работать в Словацкой Национальной Галерее в Братиславе.

На этот раз, я получила разрешение и мне выдали в Советском [illegible] в Праге, разрешение на выезд в США.

В связи с обострением отношений с США и прекращением моей преподавательской работы, мужу дали на партийной [illegible] Коммунистической Партии Чехословакии.

На протяжении нескольких лет с моим мужем, через его друзей, которые иногда ездили в Америку, мы старались познакомиться с некоторыми учеными и завести знакомства в различных общественных кругах, быть в курсе последних событий культуры.

Из-за этого мы смогли завести знакомства в высокой среде и приглашали людей в академию Чехии на выставки, устраивать им здесь работы в галерее Чехословакии.

Каждый [illegible] [illegible] должен был обязательно [illegible] [illegible]

наблюдательную комиссию.

Свою работу я должна была начать с установления контакта с Молчановым Юрием. При этой беседе с Зарубой присутствовали Молчанов и Харчев, принимавшие активное участие в разговоре.

В дальнейшем по указанию Зарубы, я должна была связаться с членом Губкома Бирюковым Григорием и поступить в его распоряжение. Непосредственно по работе, я должна была получать от Гущина, как равно через него должна иметь связь с Харьковом. В Харькове я должна была установить связь с работниками в Харьковском Чекистском комитете, контрольном чекистской разведки Христиановом.

Зарубу предупредила также, что за каждым моим шагом будет наблюдение и что такое поручается и внутри контрреволюционной организации, что мне бояться нечего, ибо я послана комитетом как Советская провокатор.

Молчанов уехал и Зарубин отправился в Сумы, а я с Харчевым в Харьков.

Она звала к тому, что я ни чем, кроме своей непосредственной работы наблюдать за поведением и [illegible] мышкой и ни в чем не участвовал, при наличии возможности наблюдать и за Вами, когда Вы приедете в Союз.

Якубу мотивировал это тем, что я никому, особенно людям не нашей национальности не должен верить и наблюдать за ее деятельностью.

В случае, если я буду рассказывать о подозрительном поведении этих людей, я должен буду сообщить об этом мистеру Якубу, при встрече с ним в Праге у Ч. не должен.

В последний раз говорил с мистером Якубу предупредил, что за мою работу в СССР будет отвечать мне должно встретиться в Чехословакии.

Якубу предупредил о необходимости соблюдения конспирации и сообщил, что даже родным об этом говорить нельзя. Этим он указал. Я выполнил и никто из моих родных об этом не знает

С этими задачами нашего революционного
органа, я и Малкиель выехали в Октябре
1918 года в Сов. Союз.

Некоторое время мы провели в Киеве, у
родных Малкиеля, а затем выехали в
Екатеринослав.

Финансовое положение театра им. Заньковец-
кой было тяжелым. Кроме того остановка
работы нашей Ассоциации, вместе была
вызвана, по приглашению Харьковского
к работе в театре я не приступила и
по финансовым причинам ставить театр
и мы с Малкиелем выехали из Екатери-
нослава в Киев, к родным Малкиеля.

В Киеве я прожила с Малкиелем
около 4 месяцев в доме со спокойной
семейной обстановкой.

Необходимо здесь сказать, что при выезде в
Сов. Союз, у меня была разрешение на
гастролирование в Союзе только сроком на
1 м-ц. Этот срок не мог быть продлен
мне и в театре не работала. Поэтому
я вынуждена была согласиться на предло-
жение Малкиеля и в Киеве, в
Загсе, мы зарегистрировали наш брак

как люди близкого православия, приехали приглашенные в Союз.

За время пребывания в Киеве, Маяковский был у меня в гостях, своего отдыха знакомого по Киеву, фамилию которого сейчас не помню. Звали его Яша; лет 40; жена его Вера Андреевна. Приглашал неделю они Стрельцовский сад, где мы с Маяковским с этим приехали, наслаждались беседой на лоне природы, совершенно Киев я не принимала, как мы слабо владели русским языком.

Из знакомых Маяковского, с которыми он встречался впервые в Киеве, была Эмма Владимировна Кенигсберг, с ней Сергей Есенин был в дружбе; последний раз видела Маяковского у Эммы.

Подружилась непосредственно с Маяковским Елизавета Константиновна Лавут, с ее братом Маяковский Всеволодом, работавшим тогда корреспондентом газеты "Рабочее село".

Лично я, за время пребывания в Киеве, познакомилась с некоторыми Украинскими писателями и наблюдала их среди

спрашивала, кто будет играть на сцене Весёлых а Зк играл в карты у инженера Осипа.

Несмотря на плохие условия, (сезон был зимний) был очень хороший и Киевский зритель) Добровольская играла в театре Музкомедии, но уволилась из-за болезни и на время заняла место Сорокиной в оперетте "Мисс Беллз Тип".

Во время пребывания в Киеве к актрисе приехала мать на работу в театр им. Франко и в Киеве она умерла от сыпного тифа - эпидемия свирепствовала в Харькове, весной 1927 выехали в Харьков.

Поселились в Харькове, я работала вначале в театре "Березиль" а затем в театрах им. Блюменталь; Самосцветы; Сатирик, в театре Капитана Дрожи Фантазеры и т.д., а в последнее время до ареста работала в музыкальном театре им. т.

По приезде в Харьков я стала указывать Лидии связаться с Гришей в Украинтонке, где вместе с ним

у него дома. С этого времени я была знакома с Грушей, часто у нее бывала в Сокольниках в 1939 г.

В первый вечер с Грушей я прочла в книге "Правый суд Якубу", который кончается словами "Это было написано, но рассказ Груши продолжался".

Я рассказала Груше, что ее судьба связывается с Хрущевым и он для Совета направляется в Ин. Коллегиум, где я и познакомилась с Хрущевым.

Деловые указания давал мне Хрущев. Свидание к необходимости договариваться с Грушей. К этому времени уже была в курсе об окончательной реорганизации с Грушей Коллегиума в Харькове.

С Грушей я познакомилась с Добротворским, который по словам Груши был выслан "за" Петербург. Груша объяснила мне Добротворского; последний проявил особый интерес к тому, что делается в Грише и что вызвало мое возвращение. И вот я познакомилась с Грушей.

Груша мне сказала, что

Добровольческий = Свой Человек".

Летом 1924 г. Сначала увлечений, влюбленная на Кавказе Гурией, он снова и Добровольческий и Маяковские вечера в клубе. Я читала "Флейту-позвоночник" и сделала первые мои доклады. Время шло. Гурия жила у Добровольческих. Дома был неладен и совершенно ей мне невыносимо.

Помнится мой Спиридонов, что я впервые вышла в лекторы. Меня предупредили не говорить подробностей какой отец у меня Гурия. Отказать тогда не имела права, я писала письмо Сталину без подписи.

Гурия принял меня очень хорошо. Интересовался моими успехами; расспрашивал и Якубе и при этом вручил мне письмо для передачи, направляющее в Харьков и рекомендующее меня Галкину.

Добровольческому я времени была передана сумма, что "все в порядке".

Как-то вечером Гурия обнял дрожащими руками и "не отпускал" Добровольческий. Наконец мы расстались по-хорошему.

По приезде в Харьков, я передала

Гришку и Добрый вернулся с результатами поездки в Москву и в тот же день с поездом ушел дав Гапке новые мои приказы из которых Добрый знал я выехал в направлении на Ковель.

Я тоже отправился в Н. Баварию, на квартиру Гапки и вручил ему письмо Берия. По прочтении письма Гапке сказал мне, что в связи с совершенным мною делом мне должен срочно выехать в Прагу и скрыться некоторое время он посоветовал сделать.

Основным указанием, полученным мною от Гришки сводились к тому, что поручил мне и Добрый - это установить знакомство с военным.

Это задание мне выполнить не удалось.

В том же 1937г. Гришка предложил Малиновскому познакомить меня с Сердюком, известным Малиновскому по Праге, как перебежавшим Малиновского на сторону Сердюка в то, что я приступил к этой работе.

В разговоре со мной наедине Гришка определил мне, получив взаимоотношения Малиновского и Сердюка. В нескольких разговорах с Малиновским у Сердюка, знакомя с моей характеристикой они дали исключительно об моих разговорах с тем, кто, как считался

и теплой. Об этом я информировала Цукова, отметив, что как-то в разговоре Мазепа спрашивал Сердюка, когда он встретится с Алексеем и что Сердюк ответил, что-то ответом будет тот, что сделает приказ. В предпоследнюю нашу встречу, при которой Сергей разминул Алексея, но Цукова при этом не присутствовала.

Как я в дальнейшем узнала от Харуся, этот вопрос Мазепой был поднят на руководящей организации Социалистов-революционеров на Украине.

Из того, что Цукова мне сказала о Сердюке, следовало ясно сделать о существовании Сердюка, и работе в пользу немецкой разведки.

Мне известно о некоторых встречах Мазепы с Сердюком, о чем я узнавала сразу.

О жене Сердюка знаю, что она немка. Б. член ВКП. Member Ком Ин. Работает в Коминтерне в Харькове.

В 1937 г. в Харькове, приехав Харусь, заявила, что Сердюк завербовал и мои ученики.

Я неоднократно встречалась с Хар, Ма

Харуп как мне сказали прислал ротмистр в помощь нашей разведке.

У меня на квартире по Чернышевской несколько раз встречались Харуп, Алексей и Кавказец, видимо по их словам беседы об с.р. делах.

Я чувствовала сам момент, когда они сговорились о убийстве.

Уже после отъезда в 1923г. в Прагу Харуп прислал письмо Якубу, писал он писал к себе домой, что в Москве, они выполнили на 5 баллов. О Кавказце тоже, был в Харькове. Встретился с Харупом и поехал куда-то в Крым, по-видимому, выполнять задание Якуба.

Куда выехал с Якубом, я ему об этом сказала.

Больше не встречались.

Изложенное записано с моих слов верно и мне прочитано, в чем и расписываюсь.

Е. Кутафьева.

Допросил: Начальник отд.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ

Арестованной КУЗНЕЦОВОЙ
Ирины Ивановны,

От 10/XI-1938 г.

В 1926 г. МАЗИНЬКИЧ привел домой с неизвестным чехом, оказавшимся ТОМЕШОМ.

ТОМЕШ - рабочий, член ЧКП, приехал в 1926 г. из Праги в Харьков и работал на одном из заводов мастером.

ТОМЕШ выражал большое недовольство положением в Сов.Союзе и намерен был возвратиться в Чехо-Словакию.

Как мне рассказал МАЗИНЬКИЧ, ТОМЕШ посещал ГУШКА на службе.

ГУШКА, как известно, после от"езда из Харькова ХРОУСТА, являлся нелегальным резидентом Чехо-Словацкой разведки в Харькове.

Суть деловых отношений ТОМЕША и ГУШКА мне неизвестна.

Перед от"ездом в Чехо-Словакию, ТОМЕШ передал мне и МАЗИНЬКИЧУ занимаемую им по Черниговской ул. № 12, комнату. После от"езда ТОМЕША я больше с ним не встречалась.

Из данных мне ГУШКОМ поручений припоминаю следующее:

определенный день и час направиться в Новую-Коварию к известному мне чеху КОГОУТУ, работавшему на пивоваренном заводе мастером по изготовлению пива.

На квартире у КОГОУТА мы должны были встретиться с агентом чешской разведки, переговоры с коим должен был вести МАЗЮКЕВИЧ. Эта встреча состоялась.

Фамилия этого лица мне неизвестна. Из беседы, происшедшей между ним и МАЗЮКЕВИЧЕМ в присутствии меня и КОГОУТА я узнала, что этот неизвестный в прошлом был в Праге. В Харькове он работал в Укрпромкредитсоюзе (против ВУЦИК"а). Разговор носил общий характер и у меня сложилось впечатление, что неизвестный прощупывал МАЗЮКЕВИЧА; последний ставил вопрос о получении материалов, но неизвестный как то обходил эту тему. Конкретных результатов эта встреча не дала.

Приметы этого лица следующие: лет 29 в то время, среднего роста, как будто патен, бритый, разговор происходил на русском языке и, видимо, это лицо по национальности русский. Чувствовал себя в квартире КОГОУТА свободно. О своих впечатлениях от встречи я рассказала ГУШЕКУ. Установлена ли была с этим лицом постоянная связь мне неизвестно.

По личным мотивам и для встречи в Праге с ЯКУБЕЦЕМ, я решила выехать в Чехо-Словакию, о чем поставила в известность ГУШЕКА.

Перед от"ездом ГУШЕК проинструктировал меня и я должна была рассказать ЯКУБЕЦУ о всем проделанном мною за это время и что изложено выше. От ЯКУБЕЦА я должна была получить указания о дальнейшей работе.

ГУШЕК по каким то неизвестным мне соображениям, предложил по приезде в Прагу, посетить сначала ГАВКА, узнать"в каком положении дела" (вопроса этого он не конкретизировал) и лишь затем посетить ЯКУБЦА.

Въезд в Чехо-Словакию никакого труда не представлял, ибо я жила все время по чехословацкому паспорту.

Летом 1928 г. я выехала в Прагу. Посетила квартиру ГАВКА, где узнала, что по приезде из Союза он был арестован и находится в тюрьме.

При встрече с ЯКУБЦЕМ я подробно рассказала ему историю моего приезда в Союз, устройстве и жизни, а также передала ему все то, что мною было проделано и в частности:

а) О связи с ГУШЕКОМ, знакомстве с ДОБРОТВОРСКИМ и поездке по их поручению в Москву.

б) О передаче письма ГИРСА ГАВКУ.

в) О связи по указаниям ГУШЕКА с СЕРЕДЯКОМ.

г) О связи с ХАРУСЯ и о поручении ХАРУСЯ, указанном в предыдущем протоколе.

д) О встрече у КОГОУТА МАЗЮКЕВИЧА с неизвестным.

е) О неоднократных встречах у меня на квартире ХАРУСЯ, Алексея и МАЗЮКЕВИЧА.

Помню ЯКУБЕЦ был весьма недоволен тем, что я не считала проинформировать его о проводимой на Украине указанными с.-р. работе.

Он считал, что я должна была используя все возможные средства, быть в курсе с.-р. работы на Украине.

По всему изложенному, ЯКУБЕЦ лично составил доклад,

в котором поместил также мои личные материалы о настроениях кругов, в которых я вращалась по месту своей работы в театрах и рабочих клубах.

В процессе информации я рассказала ЯКУБЦУ о своих положительных впечатлениях от поведения МАЗЮКЕВИЧА и ХАРУСЯ.

За время пребывания в Праге (около 6 недель) я несколько раз встречалась с ЯКУБЦЕМ.

Указания ЯКУБЦА о дальнейшей моей работе сводились к тому, что я должна держать с ГУЛЕКОМ связь и выполнять его указания.

Затрагивали также вопрос о необходимости найти знакомства в военной среде, но я об"яснила ЯКУБЦУ, что это очень трудно и опасно. Вопрос этот остался открытым.

ЯКУБЕЦ настаивал на том, чтобы я и МАЗЮКЕВИЧ приняли все меры к тому, чтобы МАЗЮКЕВИЧ временно поехал в Прагу.

МАЗЮКЕВИЧ нужен был ЯКУБЦУ для получения полной информации о ходе с-р работы на Украине.

Я высказала свое мнение, что приезд МАЗЮКЕВИЧА, как советского гражданина невозможен, но ЯКУБЕЦ настаивал на своем, хотя и не давал практического совета, как осуществить поездку.

Согласно предложения ЯКУБЦА я направилась в здание народно-демократической партии, где меня принял д-р ГЛОВАЧЕК,-секретарь народно-демократической партии.

ГЛОВАЧЕК был мне известен по Парижу, как директор Чешско-Французского Банка.

Принял меня ГЛОВАЧЕК весьма любезно. Интересовался

положением в Сов.Союзе, моей работой и моими чешскими знакомыми.

Не затрагивая вопроса о деловой моей связи я указала ГЛОВАЧЕКУ на ряд моих знакомых чехов, как-то: ГУШЕКА, ГАЙКА, КОТОУЧА, ПРУСКА и одновременно упомянула о КОБРОТ - ВОРСКОМ, ХАРУСЕ, Алексее, МАЗУНЕВИЧЕ и др.

ГЛОВАЧЕК интересовался не стали ли чехи за время проживания в Союзе большевиками и "помнят ли Чехию".

Я проинформировала ГЛОВАЧЕКА по интересовавшим его вопросам.

Когда в разговоре я упомянула имя Алексея, ГЛОВАЧЕК сказал, что он его старый знакомый, просил передать привет Алексею и небольшую записочку, которую он написал тут же при мне.

Содержание записки мне неизвестно. В любезной форме ГЛОВАЧЕК просил эту "любовную" записку никому не показывать. Совершенно ясно, что записку нужно провести в скрытом виде через границу.

Я, после окончательных переговоров с ЯКУБЦЕМ выехала из Праги.

По приезде в Харьков я передала ГУШЕКУ подробности моих бесед с ЯКУБЦЕМ и о встрече с ГЛОВАЧЕКОМ.

Алексею я вручила записку ГЛОВАЧЕКА.

Спустя день-два после моего приезда, Алексей и ХАРУСЬ покинули по делам выехали из Харькова, по их словам в Киев.

ХАРУСЮ я сказала, что его поручение выполнила и передала ЯКУБЦУ, о визове человека, с которым ХАРУСЬ встречался в Харькове.

МАЗОВЕЦКОМУ я передала, что ЯКУБЕЦ требует его приезда.

МАЗОВЕЦКИЙ не знал каким образом, это можно разрешить и вопрос о поездке, остался открытым.

В 1928 г. я завербована была сотрудником ГПУ Украины тов. КРАСНЫМ для работы по театру "ЛЕ ТЕЗЕЛЬ", а затем т.КРАСНОГО заинтересовали мои знакомые – чехи.

Я назвала КРАСНОМУ всех своих знакомых-чехов, однако, совершенно понятно, что я скрыла от КРАСНОГО настоящее содержание моей с ними связи и давала ему о них общую информацию. КРАСНЫЙ был завербован также МАЗОВЕЦКИЙ. Мы взаимно договорились скрывать от КРАСНОГО истинные цели нашего приезда на Украину и проводимую работу для чехов.

На этой основе у МАЗОВЕЦКОГО возник план использования своей связи с ГПУ, для выезда в Прагу, с целью свидания с ЯКУБЕЦЕМ.

В результате моей обработки КРАСНОГО, ведущейся под предлогом необходимости поездки МАЗОВЕЦКОГО для того, чтобы привезти из Праги моего ребенка, удалось получить разрешение на выезд МАЗОВЕЦКОГО.

От ГПУ МАЗОВЕЦКИЙ получил какое-то мало-серьезное задание по Праге.

МАЗОВЕЦКИЙ внехал в Прагу в конце 1928 г. или в начале 1929 г.

Спустя непродолжительное время, после приезда МАЗОВЕЦКОГО из Праги, моя связь с ГПУ прекратилась.

После моего приезда из Праги, я продолжала поддерживать связь с ГУШКОМ, но основным было то, что ГУШКО чувствовал, что почва накаляется и что нужно своевременно

выехать в Чехо-Словакию.

До от"езда ГУШЕКА, имевшего место в 1929 г. из Харькова выехал ДОБРОТВОРСКИЙ. Куда именно – мне неизвестно.

Перед от"ездом ГУШЕКА было договорено, что я продолжаю работу в области информации по общественным кругам, в которых я вращалась и по наблюдению за МАЗЮ – КЕВИЧЕМ.

Обусловлено было также, что я летом 1929 г. буду в Праге.

Допрос прерывается.

Изложенное записано с моих слов верно и мне прочитано, в чем и расписываюсь.

КУПЕРОВА.

ДОПРОСИЛ: УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ИНО ГПУ УССР
(ШАЛЬЦ).

Дополнение к показаниям Куприяновой Ирины Сергеевны от 10/XI-1933.

В 1928г. Малюковы приехали [illegible] из Ташкента.
Ташкент - родина, там ГПУ, прокуратура. В 1929г. из Ташкента в Харьков и работы не [illegible] Малюков.
[illegible] Они [illegible] возвратились в Харьков.
Как мне рассказала Малюкова, только [illegible] Гуляка на службе.
[illegible] из Харькова [illegible] Малюков [illegible] Харькове.

Суть дела так описанных Гуляка и Гуляка мне неизвестна.

[illegible] перед отъездом в Ташкент Малюкова передала мне на хранение, принадлежащие ей по Чернышевской ул. №10 комнаты. Ключи от этих комнат я больше с ними не встречалась.

Из ранних мне времен [illegible] Малюковых Славянске:
В 1923г. [illegible] Малюковых с определенным [illegible] Новую Каварню, [illegible] работавшим на [illegible] заводе Мальгрем в [illegible] Нива.
На квартире у Кокуна мы [illegible] встречались с [illegible] Малюковых [illegible] Малюков [illegible] завода Мальгрем [illegible].
[illegible] Малюков [illegible] Малюковым [illegible] Малюкова [illegible] Малюков [illegible] Малюкова [illegible] Малюков [illegible] Малюкова [illegible] Малюков

квартире Харуз[illegible]
Живо, [illegible]
н[illegible]
и [illegible]
[illegible]
[illegible]
[

Допросил: Начальник 2 отд. [illegible]

51

В Ы П И С К А

из протокола допроса ЧЕРНОГО Ивана от 11-го ноября 1933 года.

В предыдущих протоколах допроса я изложил начало своей связи с чешской разведкой, на которую меня толкнул ХАРУСЬ.

Желая полностью вскрыть эту, разведывательную часть своей работы, считаю необходимым сообщить следствию о следующем:

Активный участник нашей с.р. организации МАЗЮКЕВИЧ Юрий!, еще во время своего нахождения в Подебрадах, связан был с чешской политической полицией. По приезде в Харьков, он войдя в состав организации ведал разведывательной линией работы и осуществлял непосредственную связь с Чехией. Как мне известно, МАЗЮКЕВИЧ, во время нахождения в Харькове чешского консульства, связан был с сотрудником чешской разведки в консульстве известным ХРОУСТОМ, а после расформирования консульства связан был с чешским посольством в Москве.

МАЗЮКЕВИЧ использовал для связи с чешским посольством в Москве и персонально с послом ГИРШОМ свою жену КУПФЕРОВУ, чешскую подданную. Для этого использовывались также поездки в Чехо-Словакию КУПФЕРОВОЙ и поездка самого МАЗЮКЕВИЧА. Все это мне известно лично от МАЗЮКЕВИЧА. От него же я знаю, что им и КУПФЕРОВОЙ поддерживаются тесные связи с местными харьковскими чехами.-

Верно:

В Н П И С К А

из протокола допроса ГАВРУНА Ю. от 11 ноября 1933 года.

-.-.-.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

КУПФЕРОВОЙ Эрвины Эрвиновны
От 19/XI-1938 г.

Подтверждая ранее данные мною показания о своей работе в пользу Чехо-Словацкой разведки, считаю необходимым остановиться на работе в пользу чехов и др.связанных со мною лиц:

1) В 1928 г. вместе с МАЗЮКЕВИЧЕМ, я посетила квартиру наших общих знакомых ГЕЛЬМИХА - чеха, чешского коммуниста, приехавшего в Советский Союз в 1925 году и работающего в ХПЗ.

На квартире ГЕЛЬМИХА (в старой колонии ХПЗ) мы застали КОРОЛИВСКОГО и его жену, до этого мне не знакомых.

Мы разговорились. Беседовали на различные темы и в частности об ожидающемся от"езде в Чехо-Словакию жены КОРОЛИВСКОГО (чешско-подданной).

Неожиданно для меня, КОРОЛИВСКИЙ, стоя со мной у пианино, спросил - " не передать ли кому нибудь привет " (имея в виду от"езд в Прагу его жены). Я от"ехала, что с родными не переписываюсь и передавать привет некому. Тогда он прямо спросил " может быть передать привет ЯКУБЦУ".

Я поду - шутя ответила ему, что я сама передам привет, ибо собираюсь ехать в Прагу.

В деловые отношения с КОРОЛИВСКИМ я не вступала, ибо таких указаний от разведки не получала.

Как я затем выяснила, о моей связи с разведкой КОРОЛИВСКИЙ узнал от МАЗЮКЕВИЧА.

В 1929 г. во время моего пребывания в Праге, я доложила ЯКУНЦУ об этом своем разговоре с КОРОЛИВСКИМ. ЯКУНЦ подтвердил, что КОРОЛИВСКИЙ работает в пользу Чехии и рассказал, что КОРОЛИВСКИЙ является связным между ШИРХАВКОЙ, СЕРДЮКОМ и с другой стороны с МАЗЮКЕВИЧЕМ.

ЯКУНЦ ориентировал меня об этом с тем, чтобы я знала, что КОРОЛИВСКИЙ также работает.

Как мне известно, КОРОЛИВСКИЙ передавал МАЗЮКЕВИЧУ материалы ШИРХАВКИ, СЕРЕДЮКА и свои.

КОРОЛИВСКИЙ связан был с МАЗЮКЕВИЧЕМ вплоть до наступивших арестов 1933 года.

Мне известны 2 случая получения КОРОЛИВСКИМ денег за работу.

Об одном случае мне говорил МАЗЮКЕВИЧ, примерно в 1929 г. - о получении КОРОЛИВСКИМ 120 долларов и о втором случае получения в 1932 г. 200 долларов, мне говорил лично КОРОЛИВСКИЙ.

2) Примерно в начале 1928 г. на квартире у ХАРУСЯ, в доме ученых, я познакомилась с ШИРХАВКОЙ Григорием и его женой.

Из рассказов МАЗЮКЕВИЧА знаю, что ШИРХАВКА связан был с [illegible]ером ЯКУНЦЕМ еще в Праге, приехал в Сов.Союз по заданию чешской разведки и является очень хорошим работником.

Основная работа ШИРХАВКИ, согласно полученного им задания проводилась по линии украинской, националистической ос-эровской.

Кроме непосредственной связи с МАЗЮКЕВИЧЕМ и КОРОЛИВСКИМ, ШИРХАВКА в 2-х случаях - в 1930 г. и 1932 г. лично

мне вручил материалы для чешской разведки. В обоих случаях в материалах излагалась работа проведенная по украинско-националистической линии.

До последнего времени ПИРХАВКА связан был с КОРОЛИВСКИМ и МАЗОКЕВИЧЕМ.

3) В 1927 г. по приезде моем в Харьков, МАЗОКЕВИЧ ввел меня в семью чеха ГЕЛЬМИХА, указанного выше. МАЗОКЕВИЧ был тесно связан с ГЕЛЬМИХОМ и на квартире ГЕЛЬМИХА происходили встречи МАЗОКЕВИЧА с КОРОЛИВСКИМ и ПИРХАВКОЙ.

ГЕЛЬМИХ со всеми этими лицами находиться в весьма близких отношениях, что дает мне полное основание к утверждению, что ГЕЛЬМИХ работает в пользу Чехо-Словацкой разведки.

Из личных друзей ГЕЛЬМИХА – мне известен ДЕДЕК – чех, чешско-подданный.

В 1929 г. я легально выехала в Прагу. При встрече с ЯКУБЦЕМ я доложила ему все известное мне о деятельности и поведении МАЗОКЕВИЧА, ПИРХАВКИ, КОРОЛИВСКОГО, СКРЫПНИКА и о свиданиях, происходящих у ГЕЛЬМИХА.

ЯКУБЕЦ подробно опросил меня о ГЕЛЬМИХЕ и его жене, но своего мнения о ГЕЛЬМИХЕ не высказал.

Ввиду высылки ГУШЕКА в Чехо-Словакию возник вопрос о том с кем мне надлежит поддерживать связь.

ЯКУБЕЦ предложил мне письменную связь поддерживать с живущим в Москве Жаком, информируя его условным содержанием (по адресу – Москва, Центр. Почтамт, до востребования Л.Е.) о работе указанных лиц, а также поддерживать с Жаком личную связь.

Жаку я по приезде отправила несколько писем, в коих условно давала характеристику деятельности указанных, а

также получила от Жана из Москвы несколько.

Жак писал мне на Харьков, Главный Почтамт, до востребования, на имя Э.К.. Мы списались о встрече в Москве и в одном из писем Жак назначил день, час и место встречи возле Большой оперы, где мы с ним и встретились. Жаку известна была моя фотография и он подошел ко мне. Встреча произошла зимой в конце 1929 г. или вначале 1930 г.. В основном я проинформировала Жака о настроениях и поведении МАЖЕВИЧА, ГОРЛАНОВА, КОРОЛИВСКОГО и СЕРЕДЮКА, я передала ему также данные о настроениях кругов, в которых я вращалась.

С Жаком я договорилась, что буду продолжать наблюдение за поведением указанных и материалы полученные от них отвезу летом 1930 г. в Прагу, куда я собиралась ехать. Обусловили переписку с ним.

Из беседы с Жаком я вынесла, что он работает в Чехословацком посольстве.

Жак предупредил меня, что если мне почему либо нужно известить посольство, чтобы я его не спрашивала, а связалась со СЛАМОЙ. Об этом же мне говорил ЯКУБЕЦ, во время моего свидания с ним в 1929 г.. Видимо Жак в Чехо-Словацком посольстве был особо крупно законспирирован, как сотрудник разведки.

Жаку около 40 лет, в среднего роста, светлый шатон, бритый; среднего телосложения, по национальности чех, весьма интеллигентный тип.

С Жаком я больше не виделась.

Расставшись с ним и не заходя в посольство, я выехала в Харьков.

В 1929 г. в виду семейных неладов, я вынуждена была разойтись с МАЖЕВИЧЕМ, несмотря на то, что это в известной степени должно было отразиться на работе, так как МА-

ЗИКИЧ категорически возражал.

Разойдясь с МАЗИКЕВИЧЕМ, я всеже договорилась с ним о поддержании деловой связи.

Несмотря на то, что я ушла от МАЗИКЕВИЧА - за ним я наблюдение имела, используя в "прикуп", нашую и нашей квартире с МАЗИКЕВИЧЕМ, соседку.

По этим данным, мне было известно о частых сборищах различных лиц на квартире МАЗИКЕВИЧА и устраиваемых у него оргиях.

До выезда летом 1930 г. в Прагу, я поддерживала связи с МАЗИКЕВИЧЕМ, ПЕРХАВКОЙ, ЯКУБЕЦКИМ и СЕРЕБЯКОМ. При выезде в Прагу мне ПЕРХАВКА вручил материалы об о-р работе для передачи ЯКУБЦУ.

Материалы эти я вшила в бюстгальтер и таким образом провезла их через границу и вручила ЯКУБЦУ.

МАЗИКЕВИЧ просил передать ЯКУБЦУ, что почва изменяется и чтобы ЯКУБЕЦ не пред'являл чрезмерных требований. Лично мне сказал, что чувствует наличие наблюдения. Я об этом передала ЯКУБЦУ, высказав лично свое мнение, что обстановка изменится и оргий, вредно влиявших повседневную работоспособность МАЗИКЕВИЧА.

В эту, 1930 г. встречу с ЯКУБЦОМ, я одновременно проинформировала его о разводе с МАЗИКЕВИЧЕМ.

ЯКУБЕЦ был весьма недоволен этим, ибо это по его мнению весьма работе в ЦО в разрез с ранее данными им указаниями. Мои об'яснения, что я не могла продолжать жить с МАЗИКЕВИЧЕМ, что вынуждена была разойтись и что дальше отношения его поддерживать, его не удовлетворили.

Он совершенно верно считал, что мои возможности

по наблюдению за деятельностью и поведением МАЗЮКЕВИЧА, после развода значительно уменшатся.

Но с фактом ЯКУБЦУ пришлось считаться. Его указаниями сводились к тому, чтобы я поддерживала связь с МАЗЮКЕВИЧЕМ и остальными.

ЯКУБЕЦ требовал работу продолжать и вести себя более осторожно.

Эти указания я передала МАЗЮКЕВИЧУ.

Я по прежнему должна была поддерживать переписку и личную связь с Жаком.

По возвращении из Праги, я выехала с мужем моим СОЛОВЬЕВЫМ Александром из Праги, а по возвращении проболела около 3-х месяцев.

Весь 1931 г., никакой работы я проводить не мо ла, ибо была в положении и в мае родился ребенок. Даже я извещала о болезни и чтобы на меня не расчитывали.

В 1932 г. за две три недели до моего выезда из Харькова в Прагу, ПЕРХАВКА вручил мне для передачи ЯКУБЦУ материалы об е-р работе. Там-же были материалы КОРОЛИВСКОГО и СЕРЕДЮКА.

Незадолго до моего от"езда, ПЕРХАВКА был арестован ГПУ УССР. М.МАЗЮКЕВИЧ, КОРОЛИВСКИЙ и СЕРЕДЮК были весьма взволнованы.

МАЗЮКЕВИЧ просил передать ЯКУБЦУ о создавшемся положении; указал, что он был прав, предупреждая о том, что "почва горяча" и просил указаний ЯКУБЦА.

По приезде в Прагу я передала материали ЯКУБЦУ и обрисовала положение.

ЯКУБЕЦ считал, что ПЕРХАВКА в ГПУ ничего не расскажет и оценивал обстановку в целом, таким образом, что

все зависит от ШИРХАВКИ.

Я высказала и свое беспокойство, ибо меня могли арестовать, но ЯКУБЕЦ ограничился замечанием, что меня как чекистку подавную всегда вернут. ЯКУБЦУ не приходилось настаивать на моем возвращении, ибо в Харькове остался мой муж и ребенок.

Помнится, когда речь зашла о могущих произойти арестах, то ЯКУБЕЦ выразился (по сути) таким образом, что его не интересуют люди, а главным образом дело.

Указания ЯКУБЦА сводились к тому, что после освобождения ШИРХАВКИ необходимо, чтобы я, МАЗИНЕВИЧ и остальные прекратили всякую связь с ШИРХАВКОЙ, ибо ЯКУБЕЦ считал, что его (ШИРХАВКУ) могут использовать для разработки всей сети.

Дословное выражение ЯКУБЦА "его (ШИРХАВКУ) могут выпустить как птицу, намазанную медом".

С этой установкой ЯКУБЦА, определяемой обстановкой (арест ШИРХАВКИ) и неизвестностью положения, я возвратилась в Харьков и передала об этом МАЗИНЕВИЧУ, а он остальным.

Спустя некоторое время ШИРХАВКА был освобожден. Я встретила ШИРХАВКУ на улице, но к нему даже не подходила.

Руководствуясь указаниями ЯКУБЦА, я, посещая ГЕЛЬМАНА, у которого сидела жена ШИРХАВКИ, узнала, что ему в ГПУ "пришили" какое то дело, но он ни в чем не сознался.

Точно выполняя указания ЯКУБЦА, я до своего ареста с ШИРХАВКОЙ не встречалась.

Из бесед С КОРОЛЕВСКИМ и СЕРЕДЮКОМ заключила, что они с ШИРХАВКОЙ встречаются.

Я заметила какую-то отчужденность КОРОЛИВСКОГО и СТРЕЛОВА от себя. Причина этого мне стала понятна, когда МАЗЮКЕВИЧ сказал мне, что ШИРХАВКА считает меня виновницей его ареста.

МАЗЮКЕВИЧ, конечно, не разделял этого мнения.

В письме Жаку я намеками, на чешском языке сообщила, что "дядька Волих" (так было обусловлено называть ШИРХАВКУ в письмах) освобожден, на следствии ни в чем не сознался и что меня считают виновницей ареста.

Жак успокаивающе ответил мне, что это мнение людей перепуганных и неправильно анализирующих и что я должна это мнение рассеять.

В июне м-це 1938 г. я выехала в Прагу и о создавшемся положении проинформировала ЯКУБЦА, передав также просьбу МАЗЮКЕВИЧА о даче ЯКУБЦЕМ указаний.

ЯКУБЕЦ разделил точку зрения Жака и потребовал от меня после возвращения рассеять неправильную обстановку, восстановить связи и развернуть работу. Он оценивал обстановку таким образом, что с освобождением ШИРХАВКИ, опасность миновала и необходимо работать.

ЯКУБЕЦ указал также, что после внесения успокоения он даст распоряжение МАЗЮКЕВИЧУ о передаче мне некоторых, завербованных МАЗЮКЕВИЧЕМ лиц и после этого передаст мне директиву о дальнейшей работе.

Несомненным становилось, что МАЗЮКЕВИЧ располагал еще одной линией связи с ЯКУБЦЕМ, мне неизвестной.

После возвращения в Харьков, в августе 1938 г. из Праги, я встречалась 2 раза с КОРОЛИВСКИМ и знакомила его с ЯКУБЦЕМ. Он обещал зайти ко мне в институт для подробной беседы, но не зашел.

Встречалась я после этого с МАЗЮКЕВИЧЕМ, а затем договорились встретиться А.МАЗЮКЕВИЧ и СВЕРДЛИК Эмир в скверике, что на ул. Свердлова, вблизи Музыкального Института.

Обоим я передала тогда, что "Прага требует активной работы". Договорились, что это необходимо. МАЗЮКЕВИЧ взял на себя переговоры с ШИРЯЕВКОЙ и КОРОЛИВСКИМ. В сентябре начались аресты.

Считаю также необходимым остановиться на ближайших, дружеских связях МАЗЮКЕВИЧА, всякая связка ему в отношении коих, есть основание утверждать о наличии деловой связи.

1) ЛАВЕЦКИЙ, или это возможно фамилия его жены чешки. Ему лет 38-40, украинец, эмигрант. Жил в Праге, где то учился и примерно в 1935-36 г. приехал сюда, а вслед за ним приехала из Праги и его жена.

ЛАВЕЦКИЙ жил с женой, где то за Госпромом и был управляющим того дома, где они жили. Жена его служила где то машинисткой. Несколько раз я встречала ее у ГЕЙЗИКА. Один раз встречала и ЛАВЕЦКОГО.

2) В очень близких отношениях с МАЗЮКЕВИЧЕМ было такое лицо, фамилии коего я не помню. Он жил по Пушкинской в здании старинной церкви, разрушенной несколько лет тому назад. Он где-то служил. Познакомился с ним МАЗЮКЕВИЧ при посредстве своего брата МАЗЮКЕВИЧА Всеволода.

Лицо это жило со своей женой. Ей лет 30, довольно красивой, еще с большой претензией.

Квартира их в нижнем этаже церкви (б.кельи) была обставлена в восточном стиле.

NO. 11240 CHINA

Дополнительный допрос Купферовой

Весьма близко к МАЗЮКЕВИЧУ находился его брат Всеволод, работавший в Харькове журналистом и фоторепортером газеты "Радянське село". В последнее время Всеволод жил вместе с МАЗЮКЕВИЧЕМ.

Изложенное записано с моих слов верно и мне прочитано, в чем и расписываюсь.

В дальнейшем обязуюсь с исчерпывающей полнотой осветить все еще проведенное мною.-

КУПФЕРОВА.

ДОПРОСИЛ: УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ИНО (ШАЛЬЦ)

с/м.

Дополнительный протокол допроса Кукарской Эрнсты Эдуардовны от 19/II-1938.

Повторяя ранее данные мною показания о своей работе в пользу Чехо-Словацкой разведки, считаю необходимым сказать, что я была на работе в пользу чехов и врагом связанных со мною мне:

1) В 1928г. вместе с Маяковским, я посетила квартиру нашей общей знакомой Гельмиха-чеха, ранее эмигрировавшего в Советский Союз в 1925 году и работавшего в КПЗ.

На квартире Гельмиха (в старом колонном КПЗ) мы застали Кремлевского и его жену, до того, мне не знакомых.

Мы разговорились. Перешли на различные темы и в частности, об отношениях об"ект в Чехо-Словакии между Кремлевским (чехом-эмигрантом).

Неожиданно для меня, Кремлевский, стоя за моей спиной, начал спрашивать - не приехали ли кому-нибудь из родных (имел в виду об"ект в Праге из числа). Я об"яснила, что с родными Кремлевского я не поддерживаю никакой переписки. Тогда он прямо спросил "нельзя ли было переслать письмо в Прагу".

Я, конечно, отказалась выполнить его просьбу, я сама передам письмо, что собираюсь ехать в Прагу. В дальнейшие отношения с Кремлевским я не вступала, ибо такого указания об разведки не получала.

Как я затем выяснила, у моей связи с разведкой Кремлевский узнал об Маяковском.

В 1929г. во время моей командировки в Прагу, я узнала Эмиля, от него свои разговоры с Кремлевским

Якубец подтвердил, что Кормилевский работал в Амуре ~~[illegible]~~ рассказал, что Кормилевский являлся связным между Пирожковым, Середонкой и с другой стороны с Малюковичем. Якубец предупредил меня об этом с тем, чтобы я учла, что Кормилевский тоже работает.

Как мне известно, Кормилевский передал Малюковичу -материалы Пирожкова, Середонка и свои.

Кормилевский связан был с Малюковичем, вплоть до настоящего времени 1933 года.

Мне известны 2 случая получения Кормилевским денег за работу.

В одном случае мне говорил Малюкевич, примерно в 1929г. - о получении Кормилевским 120 долларов и о втором случае, получил в 1932г. 200 долларов, мне говорил лично Кормилевский.

В примерно начале 1928г. на квартире у Харуна, в доме Чернера, я познакомилась с Пирожковым Григорием Ивановичем. Из рассказов последнего знала, что Пирожков, прежде связан был с Ф-ром Якубцом, был в Японии, уехал в Сов. Союз по заданию Японской разведки и является очень хорошим работником.

Основная работа Пирожкова, согласно полученного им задания проводилась по линии украинской, националистической с-р-ки.

Кроме материальной связи с Малюковичем и Кормилевским, Пирожков в 1-м случае -, в 1930г. и 1931г. лично мне, другим материалы для нашей разведки. В обоих случаях в материалах давался проведенный им украинско-националистической линии.

До последнего времени Терлецкий связан был с Коромысловым и Маяковским.

В 1914 г. по приезде моем в Харьков, Маяковский вновь был в связи через Чижикова, указанного выше. Маяковский был также связан с Чижиком и на квартире Чижика происходили встречи Маяковского с Коромысловым и Терлецким.

Чижик со всеми был мягок, никогда в беседах Гилярия отношения, что дает мне полное основание, к утверждению, что Чижик работает в пользу Чехо-Словацкой разведки.

Из имевших дорог Чижика мне известно Дерк-чех, Гецко-поляк.

В 1918 г. я уехал в Прагу. При встрече с Якубом я рассказал ему, все известное мне о деятельности и поведении Маяковского, Терлецкого, Коромыслова, Гецкова и о связях последнего с Чижиком.

Якуб подробно спросил меня о Чижике и его жене, но своего мнения о Чижике, не высказал. В виду высылки Гецка в Чехо-Словакию возник вопрос о том, с кем мне поручить поддерживать связь. Якуб предложил мне письменную связь поддерживать с Терлецким в Москве. Желая информировать его указанным содержанием (см. справку Москва. Центр. Терлецкий со слов Гецкова Л.Л.) о работе указанных мне, я также поддерживал с Якубом личную связь. Жил я по улице Бетховена несколько месяц, в конце Чижик дал мне адрес Терлецкого. Я указанного адреса не получил от Якуба из Москвы несколько месяцев.

Так между мне по Харькову главный начальник, по требованию из Киева ГПУ. Мы спешили о встрече в Москве и в одном из писем Жак, написал день, час и место встречи вблизи большой аптеки, где мы с ним и встретились. Жак у него была моя фотография и он повёз ко мне.

Встреча произошла весной - в конце 1924 г. или начале 1925 г. В основном, я информировала Жака о деятельности и поведении Маяковского, Кирсанова, Коромыслова и Сердюкова. Я передала ему много данных о настроениях круга, в котором я вращалась.

С Жаком, я договорилась, что буду продолжать наблюдение, за поведением указанных и материалы информации ему привезу, весной 1925 г. в Крым, куда я собиралась ехать. Обусловили адрес связи с ним.

Из беседы с Жаком я выяснила, что он работает в Чехо-Словацком посольстве.

Жак предупредил меня, если мне по какому-либо поводу нужно будет известить посольство, сообщить я во что бы то ни стало должна, а связаться с Славой. Об этом же мне говорил Жорж, во время моей встречи с ним в 1924 году. Впервые Жак в Чехо-Словацком посольстве. Был весьма крепко законспирирован, как сотрудник разведки.

Жаку около 40 лет. Среднего роста, светлый шатен; бритый; среднего телосложения; по национальности чех. Речь имеет иностранный акцент.

С Жаком я больше не виделась.

Расставшись с ним и не зайдя в посольство, я уехала в Харьков.

В 1925 г. в виду сложных условий, я вынуждена была расстаться с Маяковским несмотря на то, что он в личной семье, дружно было отразиться на работе, тем более, что наши политические взгляды.

Разойдясь с Мазоковичем, я все-таки договорилась о поддержании с ним деловой связи.

Несмотря на то, что я знала отношение Мазоковича ко мне я наблюдение имела, используя «в = семью», живущую в одной квартире с Мазоковичем, соседку.
По этим данным мне было известно о сделанном сборище, разгитии мне на квартире Мазоковича и организованной у него группе.

До выезда летом 1941г. в Крым, я поддерживала связь с Мазоковичем, Пироговой, Королевским и Сорокой.
Перед выездом в Крым, мне Пироговой вручен материал об с.-р. работе для передачи Якубу.

Материал этот, я вывезла в Гисталмаер и таким образом провезла на Урал Урицкому и другим Якубу.

Мазоковичем время передать Якубу, что почва накалилась и чтобы Якубу на время меня уменьшения требований.
Мотив мне сказал, что чувствует наличие наблюдения.
Я об этом передала Якубу, высказав мнение свое мнение, что обстановка напряженная и время выжидательное, причем выразила понимание работы Мазоковича.

В 1941г. встречу с Якубом, я окончательно сформулировала со о разрыве с Мазоковичем.
Якубу был весьма недоволен этим, ибо это по его мнению мешало работе и шло в разрез с ранее данными мне указаниями. Мне объяснил, что я не могла оправдать мнение с Мазоковичем, что выступала была разойтись и что деловые отношения буду поддерживать, но не сближаться. Я, совершенно верно считая, что мы возможность по наблюдению за контрразведкой и появлением Мазоковича, после разрыва, значительно уменьшатся.

На с фронтом, Якубу принять считаться. Он указал

свернуть к тому, чтобы я поддерживала связь с людьми Кавказа и осетинами.

Якубу труднее ребята справляются и вести себя более осторожно.

Эти указания я передала Маяковскому.

Я по приезду Зоммера была направлена туристку и начала связь с Кавказ.

По возвращении из Праги, я выехала с мужем Сомлинским Александром на Кавказ, а по возвращении пробыла около 4 месяцев.

Весь период, никакой работы я проводить не могла, т.к. была в командировке и в мае, уже после ареста мужа, я заболела и лежала, не имея возможности работать.

В 1938 г. за ней-три недели, до моего выезда из Харькова в Прагу, Петрухина вручила мне для передачи Якубу материалы об с.р. работе. Это-все были материалы Коровичева и Сретова.

Накануне до моего отъезда, Петрухина была арестована ГПУ-ем. Я, Маяковский, Коровичев и Сретов были весьма встревожены арестом.

Маяковский прочел материалы Якубу о содержании показаний; указал, что он был прав, предупреждая о том, что "почва горит" и другие указания Якубу.

По приезде в Прагу я передала материалы Якубу и обрисовала положение.

Якубу сказал, что Петрухина в ГПУ ничего не рассказала и держала себя стойко, таким образом, что все зависит от Петрухиной.

Я высказала и свое беспокойство, что меня могли опознать, но Якубу принципиально возразил, что

моей как человек порядочный всегда выручал. Якубу не грозило никакой опасности, ибо в Харькове остался его муж и ребенок.

Вспоминаю, когда речь зашла о моральных принципах ареста, что Якуба выразился (по крайней мере) таким образом, что его не интересует мать, а главным образом дело.

Желание Якуба сводилось к тому, чтобы после освобождения Тарловой, невозможно, чтобы я, Мазуркевич и остальные прекратили всякую связь с Тарловой, ибо Якуба считал, что он (Тарловой) может воспользоваться для разработки всей сети. Высказывание Якуба "он (Тарловой) может вспомнить как птицу, напевающую песни".

С этой целью Якуба, вызвавший обеспокойство (арест Тарловой) и напуганный поражением, в возвратился в Харьков и просил обойти молчанием, а он остальное сделает.

Следующее время Тарловой без освобождения. Я встречался Тарловой на улице, но к ней даже не подходил. Руководствуясь указаниями Якуба, я, посещая Ивановку, у которого бывала часто Тарловой узнала, что она в ту "пресловутую" ночь-это одно, но он ни в чем не сознался. Точно выполняя указания Якуба, я до своего ареста с Тарловой не встречался.

Из бесед с Коротковской и Сергеевой узнал, что они с Тарловой встречались.

Я заметил какую-то отчужденность Коротковской и Сергеевой ко мне. Причина этого, мне стало понятна, когда Мазуркевич сказал мне, что Тарловой стало известно о моем аресте.

Мазуркевич не разрешил этого вопроса

В тюрьме Кежун я написал на чешском языке сообщение о "ядерной бомбе" (так было обозначено изобретение Курковым в письмах) австрийцам, на следующий же день не сознался и что меня считают виновницей аресты. Как успокоительно ответили мне, что это мнение моей адвокатуры и ведущего инженера-чеха и что я должна это мнение разделять.

В конце мая 33 года вызвана в Прагу и с сознавшейся полковником организации Якубка, исчадия поисков пропуску Мазуркевича о даче Якубу указаний.

Якубек разделил мою точку зрения. Тогда и потребовал, чтобы после возвращения, рассказать подробно обстановку, восстановление связи и развернуть работу. Он изложил обстановку таким образом, что с освобождением Курковой, опасность миновала и необходимо работать.

Якубек сказал также, что после внесения изменения он даст распоряжение Мазуркевичу, о передаче мне переговоров, завербованных Мазуркевичем и после этого передаст мне документы о закрытой работе.

Неизвестным остановилось, что Мазуркевич разговаривал еще одной женщиной с Якубом, мне неизвестной.

После возвращения в Кежун, в августе 1933 г. из Праги, я встретилась с Курковой и напомнила ему о Якубе. Он обещал зайти ко мне с инструкцией, но не зашел.

Встретилась я после этого с Мазуркевичем, а

Зашли возобновить встречи, я, Маякович и Сергей Бобр в сквер, что на ул. Сергиева. Вышли музыкального института.

Обсуждали вопрос, что - время требует оживленной работы. Договорились, что это необходимо. Маякович взял на себя переговоры с Кирсановой и Кормилевской. В сентябре начались встречи.

Считаю нужным необходимым остановиться на биографии, творческих связях Маяковича, весьма близкого мне и в отношении книг, дать некоторые материалы о наличии творческой связи.

1) Лабецкий, имя его не помню, фамилия его псевдонимная. Возраст лет 28-29; украинец; эмигрант. Живет в Праге; где-то учился и приехал в Прагу в 1925-26 г.г. вслед за ним приехала из Праги его жена.

Лабецкий жил с женой, где-то за Вышеградом в бывшем купеческом доме, где они жили.

Жена из Сибири, где-то миллионерка.

Несколько раз я встречался с ним у Маяковича. Один раз, встречал и Лабецкого.

Я в очень близких отношениях с Маяковичем был также мало, удивительно, как я немного. Он жил на Вршовицкой в здании старинной церкви, разрушенной несколько лет тому назад. Он где-то сверху. Познакомился с ним Маякович, при посредстве своего друга Маяковича Всеволода.

Лицо его знаю с своей стороны. Ему лет 30; довольно красивый; муж с бородой интересный.

Квартира его в нижнем этаже церкви (1 этаж) была обставлена в восточном стиле.

3) Ничего близко к сведениям нахожу по брату — Всеволоду, работавшему в [illegible] Воронеже корреспондентом и фотографом газеты "Радянське село". В последнее время Всеволод жил вместе с Мариной.

Закончить хочу вопросом от слова "в заключение" до "связным что" [illegible]. Интересно записано, с моих слов верно и мне кажется, в чем и расписываюсь.

В заключение обязуюсь с материалами полностью освятить все мне известные мнения —

Жуйферов.

Дворовый Владимир Ивано-
вич
Шилов

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ

КУЛЕШОВОЙ Эрвины Эрнестовны
от 20 ноября 1968 г.

В процессе моей разведывательной работы в пользу Чехо-Словакии, я столкнулась в Харькове с профессором права ЛОЗИНСКИМ и мне стало известно о проведении им украинско-националистической работы и разведывательной, в пользу Чехо-Словакии.

Мое знакомство с ЛОЗИНСКИМ и увязка, произошли при следующих обстоятельствах:

В конце 1937 г. на квартире у ХАРУСА, я познакомилась с ЛОЗИНСКИМ. При знакомстве присутствовал МАЗЕНКЕВИЧ.

После этого, МАЗЕНКЕВИЧ мне рассказал, что ЛОЗИНСКИЙ проводит националистическую и разведывательную работу.

Мне известно о нескольких деловых встречах МАЗЕНКЕВИЧА и ЛОЗИНСКОГО.

В 1938 г. МАЗЕНКЕВИЧ собирался легально ехать в Чехо-Словакию. Перед от"ездом он сказал мне, что получил от ЛОЗИНСКОГО интересные данные для [illegible].

Я случайно встречала иногда ЛОЗИНСКОГО, но в деловые отношения с ним не вступала. Лишь МАЗЕНКЕВИЧ поддерживал с ним связь.

В 1938 г. перед моим от"ездом в Прагу, ЛОЗИНСКИЙ позвонил мне в Институт и мы договорились встретиться.

Встреча произошла на Сумской, между театром "Березиль" и гостиницей "Красной".

ЛОЗИНСКИЙ знал, об ожидаемом моем от"езде в Прагу, просил просил передать [illegible], что в скором времени он при-

[illegible] ему материалы. Я согласилась и во время встречи в 1938 г. в Праге с ЯКУБЦОМ, передала ему то, что мне сказал ЛОЗИНСКИЙ.

ЯКУБЕЦ реагировал на это замечанием, что мол. пора уже и хорошо, что ЛОЗИНСКИЙ принял материалы.

Указаний, поддерживать связи с ЛОЗИНСКИМ ЯКУБЕЦ мне не давал.

После приезда из Праги, я при встрече с ЛОЗИНСКИМ в театре передала ему, что исполнила его просьбу.

Свои предыдущие показания о ГЕЛЬМАХ хочу дополнить следующим:

Я довольно часто бывала на квартире ГЕЛЬМАХА и там указанные, там происходили встречи между [illegible], БОРХАРДОМ, КОРОЛИНСКИМ.

Одновременно я там встречала целый ряд знакомых [illegible] ГЕЛЬМАХА, что бросалось в глаза и наводило меня на то, что ГЕЛЬМАХ работает в пользу разведки. С этими замечаниями, я не делилась с [illegible] и за подтверждением связи ГЕЛЬМАХА с разведкой.

На квартире у ГЕЛЬМАХА кроме указанных, встречала инж.РЕЙНЕЛА и его жену, (работающего в Высшем Совете нар.хоз., под начальством которого находится ГЕЛЬМАХ) инженера ХИЗ, соседа ГЕЛЬМАХА по двору, жену ДЕДИНА и [illegible].

Знаю также, что ГЕЛЬМАХ располагает широким кругом знакомых среди чехов-специалистов и инженеров, а также немцев-специалистов, поскольку ГЕЛЬМАХ приехал из Вены с группой немецких специалистов. ГЕЛЬМАХ бывал в Чешских Будеевице и Клатове и ездил в Прагу.

В Прагу ездила также и жена ГЕЛЬМАХА.

Изложенное записано с моих слов верно и мне прочитано, в чем и расписываюсь.

КУПРИЯНОВА.

ДОПРОСИЛ: УПОЛНОМОЧЕННЫЙ НКО ГПУ УССР (ЛЕВИН)

Дополнительные показания Куперовой Ирины Ивановны
от 29/XI-33 г.

В процессе моей разведывательной работы
между Чехословакией, я находилась в Харькове, с
корреспондентом отдела Разведки Лапинским и мне стало известно
о проведении им украинско-националистической
работы и разведывательной работы в пользу Чехословакии.
Мои знакомства с Лапинским и Ивана прошлым
по, при Скоропадском Австрийском!

В конце 1927 г. на квартире у Ивана я познакомилась с Ковтюхом. При знакомстве Ковтюх сообщил
и Маценко.

Иван тогда Маценко мне рассказал, что
Ковтюх ведет националистическую и разведывательную работу
мне известно о нелегальных связях Ковтюха
с Чехословакией и Польшей.

В 1928 г., Маценко собрался нелегально съехать
в Чехословакию. Перед отъездом он сказал мне, что
поручил от Ковтюха установление разных дел
с Иваном. Я сейчас не помню, что
Ивана интересовало с ним не встречалась. Лишь
Маценко мне, поддерживала с ним связь.

В 1930 г. перед моим отъездом в Прагу, Маценко
передал мне в Киеве и дал поручение
встретиться.

В Праге я встретилась по Сумской улице с Ковтюхом
"Березиным" и встретилась "Грековой".

Ковтюх мне, что я нахожусь мне надо
в Прагу, прямо просил сказать Ивану, что в скором
времени он приедет ему материалы.

Я сомневаюсь в во время встречи в 1952 году, в Праге с Якубом, передала ему то, что мне сказал Лозинский.

Якуб реагировал на это замечанием, что эта пара уже в курсе, что Лозинский принимает материалы.

Указаний, как поступать с Лозинским, Якуб мне не давал.

После приезда из Праги, в при встрече с Лозинским в театре передала ему, что мои связи с Якубу.

Свои преступные показания о Гельмике хочу дополнить следующим:

В довольно тесной близости Гельмана на квартире Гельмика и где как указывал, нами происходили встречи, между Лапшовым, Шурковой, Кармазиным.

Дополнительно, в тех встречах участвовал ряд знакомых инженеров Гельмика, что брошюра мне в глаза и говорил мнение о том, что Гельмик работает в пользу разведки. С этими высказываниями, я подписалась с Лозинским и он поддерживал связь Гельмика с разведкой.

На квартире у Гельмика, кроме указанных, я встречалась еще. Родичка и его жена работающую в Высшем Совете нар. хоз-ва, под начальством которого работал Гельмик); инженера ХПЗ, соседа Гельмика по двору; жену Федора и Лобецкого.

Знаю также, что Гельмик расширял широкий круг своих знакомых среди членов - специалистов и мастеров, в числе немцев - специалистов, т. Сколько Гельмик привез из Вены с группой немецких специалистов.

Гельмик Гиваал в Немецком посольстве в Москве и связи в Праге.

Путевова

с Грину серия глаголе и песня Ельмина.
Изложение записано с моих слов верно и мне прочитано, в чем и расписываюсь.

Вопросил: Тюленев. Ирк

Тюленев.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ

Арестован. КУЛЬБЕРОВОЙ
Эрвинн Эрвиновны, -

От 21/XI-1933 г.

В 1929 г., уже после того, как я разошлась с МАЗЮКЕВИЧЕМ, в трамвае я случайно встретилась с МАЗЮКЕВИЧЕМ и неизвестным мне человеком, с которым меня МАЗЮКЕВИЧ познакомил.

Это был МИХАЙЛЕНКО.

МАЗЮКЕВИЧ представил мне МИХАЙЛЕНКО, как своего товарища, по Подебрадской С.Х. Академии, который приехал из Чехо-Словакии лишь в 1929 г.

Спустя довольно долгое время я встретила МИХАЙЛЕНКО на улице.

С этого времени он стал заходить к нам. Муж моего СОЛЧИНСКОГО, МИХАЙЛЕНКО знает по Подебрадам. Из бесед с МИХАЙЛЕНКО знаю, что он бывал на квартире у МАЗЮКЕВИЧА. Первое время приезда в Харьков, он весьма короткое время проживал у МАЗЮКЕВИЧА.

МИХАЙЛЕНКО, как он мне говорил, чувствовал себя у МАЗЮКЕВИЧА, во время поповок, имевших там место, плохо, ибо в виду болезни печени пить не может. Вообще, МИХАЙЛЕНКО болезненный тип. Работал он инженером по гидро-технике. Заходил к нам несколько раз и в 1933 году.

В Октябре 1933 г. МИХАЙЛЕНКО пришел ко мне вместе

с неизвестным мне человеком, оказавшимся ПЕТРИКОМ Филиппом, приехавшим в Октябре с/г. из Чехо-Словакии.

Из рассказа ПЕТРИКА стало известно, что он знает МИХАЙЛЕНКО еще по Подебрадам. По приезде на Украину ПЕТРИК известил своих родных, с которыми не виделся около 15 л., а затем приехал в Харьков устраиваться на работу. Жил он на квартире МИХАЙЛЕНКО. Разговор носил общий характер.

В процессе беседы я спросила ПЕТРИКА, не знает ли он ГАЕВОГО, с которым я познакомилась в Августе 1933 г. на Пенетонской таможне. ГАЕВОЙ, как и я, ехал из Праги в Харьков, где думал устроиться. ГАЕВОЙ закончил высшее образование в Подебрадах и по специальности является специалистом гидро-дела.

ПЕТРИК сказал, что ГАЕВОГО знает и что думал узнать у нас, где он устроился.

Как я так и СВЯЧИНСКИЙ никакой справки о ГАЕВОМ дать не могли ПЕТРИКУ, ибо на Харьковском вокзале, я потеряла из вида ГАЕВОГО и больше его не встречала.

Спустя несколько дней, после первого посещения ПЕТРИК вновь зашел ко мне и рассказал, что уже устроился на работе в Гипроводе, Зл. Инженером. Жил он по прежнему у МИХАЙЛЕНКО. ПЕТРИК знает МАЗИНЕНЧА, но несмотря на то, что к этому времени МАЗИНЕНЧ уже был арестован, ПЕТРИК у меня о МАЗИНЕНЧЕ не спрашивал. На интересовал этого вопроса также и МИХАЙЛЕНКО. Записано с моих слов верно и мне прочитано, в чем и расписываюсь. КУПЕРОВА.

ДОПРОСИЛ: УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ИНО ГПУ УССР
(ЗИМАЛЬ).

Верно: [illegible]

Дополнительные показания Куприяновой Зинаиды Ефим-
ны 21/XI-33г.

В 1929 году, уже после того, как я разошлась с мужем, я случайно встретилась с незнакомым мне человеком, с которым мы мимолетно познакомились. Это был Гнев Михайленко.

Впоследствии представили мне Михайленко, как своего земляка, по Академии, которую кончали мы Чуо-Сиджаки мимо в 1929 году.

Сначала довольно долгое время, я встречалась Михайленко на улице.

С этого времени он стал заходить к нам. Через него мы с Самойленко знали по подбрадовки. Из бесед с Михайленко знали, что он был на квартире у Подгаевского. Первое время приезда в Харьков он весьма короткое время проживал у Подгаевского. Михайленко, как он сам говорил, чувствовал себя у Подгаевского, во время поисков, плохим плохо место плохо, что в виду болезни матери, жить не хотелось. Вообще Михайленко болезненный тип. Работал он инженером по вентиляции.

Заходил к нам, несколько раз и в 1933 году.

В октябре 1933г. Михайленко пришел ко мне с незнакомым мне человеком, оказавшимся Петриком Филиппом, приехавшим в Октябре с.г. из Чуо-Сиджаки.

Из рассказа Петрика стало известно, что он знает Михайленко еще по подбрадовки. По приезде из Японии Петрик навестил своих родных, с которыми не виделся

около 13 лет [illegible] приехал в Харьков устраиваться на работу. Жил он на квартире Мирай Ивана. Был замкнут, необщителен, нелюдим.

В процессе беседы я спросила Петрика не знает ли он Гальчо, с которым я познакомилась в августе 1943 г. на пересыльном пункте. Гальчо, как и я, был из Крыма – в Харькове, где мы учились вместе. Гальчо закончил высшее образование в Болгарии и по специальности был [illegible] Симферопольской нефтеразведки.

Петрик сказал, что Гальчо знает и что время узнать у него, где он устроился. Как я, так и Симеонский никакой справки о Гальчо здесь не получил, потому что Петрик, Коровкин и Мирай Иван в один голос Гальчо и Болгарию со не [illegible].

Спустя несколько дней, после первого посещения, Петрик снова зашел ко мне и рассказал, что Гальчо устроился на работу в Мерефу, на [illegible]. Жил он по-прежнему у Мирай Ивана. Петрик знает Гальчо, но немного не то, что я знаю. Времени Гальчо для бесед [illegible], Петрик у него о Болгарии не спрашивал. Не интересовал этот вопрос и Мирай Ивана.

Записано с моих слов верно и мне прочитано, в чем и расписываюсь.

Допросил: [illegible]

СПЕЦКОРПУСАТУ УССР

Телефон 23-27

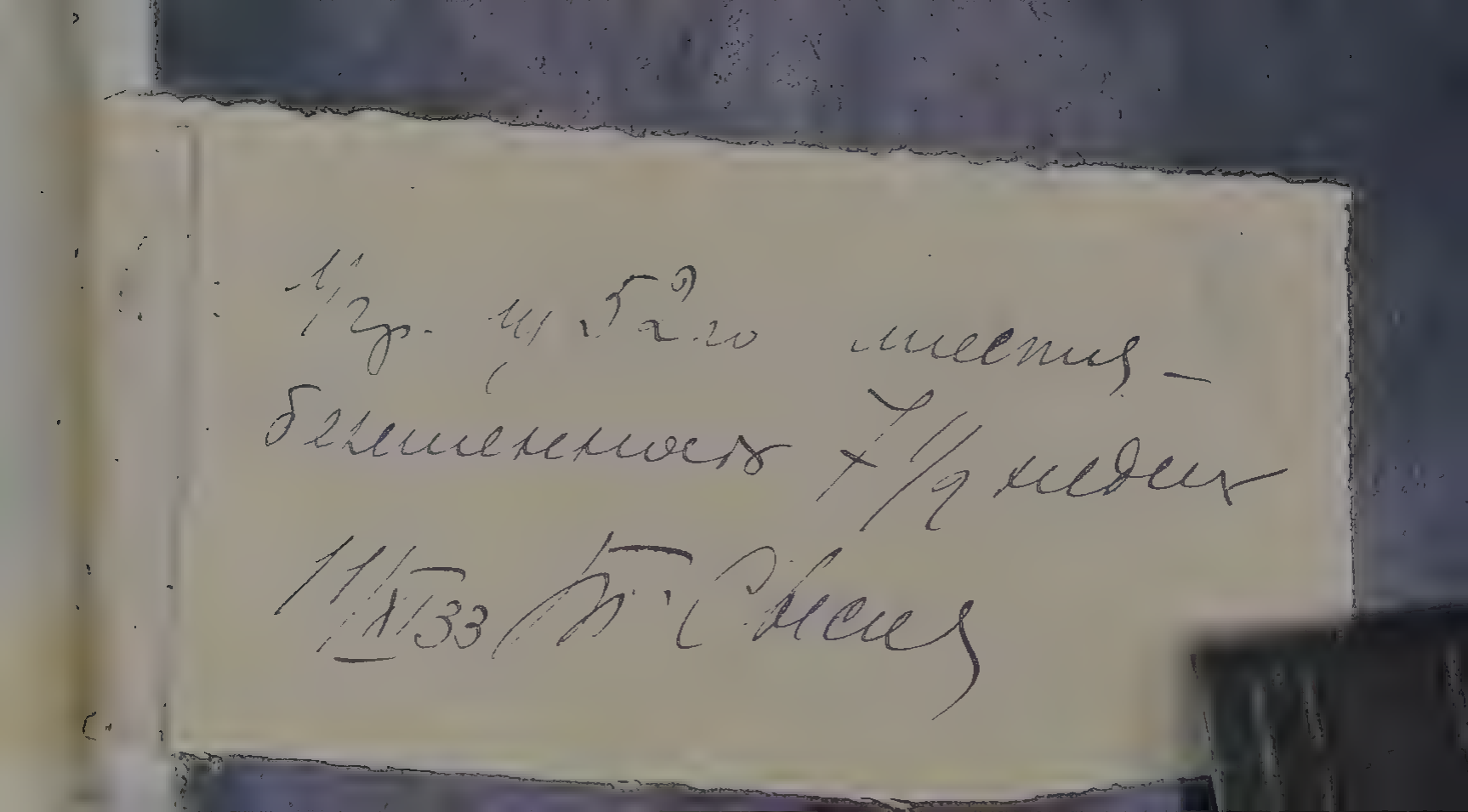
"11" 11 193 года

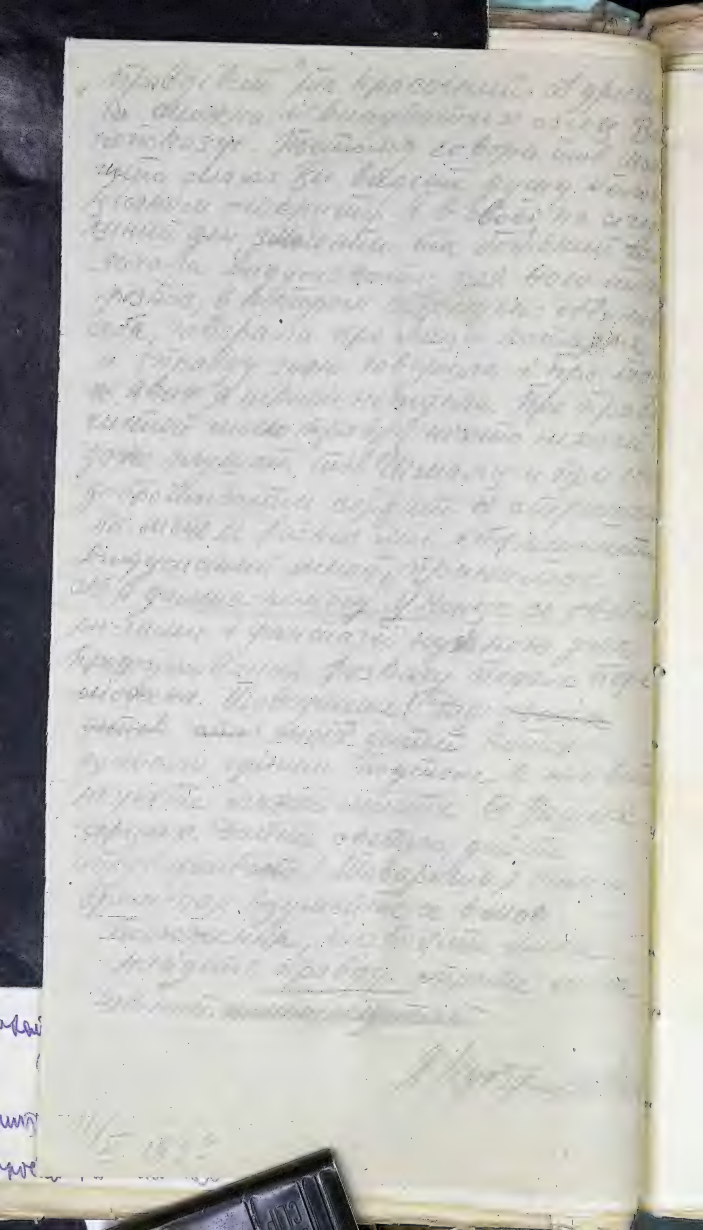
Служебная записка

тов Шишкину

Прилагаю при сем
справку о беременности
Арестованной Кати 52
Нуждающейся
На время проживания

Зам Коменданта





С ЧЕШСКОГО.

Детали моих разговоров с доктором ЯКУБЦОМ в 1926 г. перед от"ездом в УССР.

1. ВИЗОВ К ЯКУБЦУ (одна).

Сначала велся общий разговор о моем от"езде и умении вести работу на Украине. Затем они ЯКУБЦ и ран - ушевре чувствительно напомнил о моих патриотических обязан - ностях, которые у меня должны стоять на первом плане и их - можность помочь чешским арестованным. Я дал согласие.

П. Визов к ЯКУБЦУ в присутствии МАЗУРКЕВИЧА и ХАРУ - СИ, в задачу которых входило слеж. ЯКУБЦ передает мне письмо для ХРОУСТА, дает наказ быть внимательной, узнавать про расположение различных гражданских учреждений и военных окон, понятаться познакомиться с человеком, имеющим связи и во всех делах обращаться к ГУШКЕ.

Ш. Приглашение к ЯКУБЦУ (одна).

ЯКУБЕЦ наказывает во всем стопроцентную осторож - ность, а главное не терять из вида МАЗУРКЕВИЧА, а также ХАРУСИ, с кем будут встречаться, как будут себя вести и т.д.

Дал мне партийный билет чешской компартии на мое имя.

Моя лойяльность и молчание закрепляются еще пору - чительством моих родителей, которые находятся в его руках.

1928 г. Подал ЯКУШУ реферат о своей деятельности, а именно:

1. Мое знакомство с ГУШКОМ, первое было по службе у него в банке. Потом дома на квартире, где прошу его совета, как мне передать письмо ХРОУСТУ.

ГУШКО советует нести прямо в Консульство.

2. Мое знакомство в Консульстве с чехами ГАЙКОМ, КОГОУТОМ, БАБКОЙ;

3. Мое знакомство у ГУШКА с ДОБРОТВОРСКИМ.

4. ХРОУСТ письмо получил, извещает обо всем на ГУШКА.

5. Сообщение ДОБРОТВОРСКОГО о положении в Чехии, мое недоверие и успокоение ГУШКА.

6. Передача запечатанного пакета от ГУШКА и ДОБРОТВОРСКОГО.

7. Поездка в Москву с МАЗИКЕВИЧЕМ.

8. Передача запечатанного пакета мною лично в Консульство.

9. Мои действия после разговора с ГУШКОМ, его недоверие ко мне.

10. Известие "все в порядке" про ДОБРОТВОРСКОГО и письмо для ГАЙКА.

11. Приказ ГУШКА не говорить с МАЗИКЕВИЧЕМ об ответе из Консульства.

12. От"езд ГАЙКА в Прагу (ЯКУШЕВ ни слова не говорит про арест ГАЙКА, о котором я узнал на квартире у ГАЙКА).

13. От"езд ДОБРОТВОРСКОГО из Харькова.

14. Знакомство наше с каким то человеком, по прозвищу ГУЛКА на квартире у КЛЮЧА, тоже при знакомом ГУЛКА.

15. Приказ ГУЛКА информировать о взаимоотношениях между МАРЧЕНКОВИЧЕМ и его знакомым по Праге, - СЕРГУКОМ.

Разговор между ними про какого то Алексея, узнав про скрытые собрания без меня.

Знакомство меня ХРОУСТОМ с ЛОЗИНСКИМ в доме учёных.

Разговор о собраниях у меня на квартире, ХАРУСЬ, МАСЛЕНКОВИЧА и Алексея, их скрытность, пентание (эсеровская организация).

Мой отход от таковых собраний потому, что не имел распоряжения заботиться о них.

Дальше передал он ХАРОУСА приказ, что дело можно получать от [illegible], который находился в Харькове и опять уехал в Прагу, имя его начинается на букву О. Дальше сообщал о беседах ХАРУСЬ и Алексея вдвоем и от"езд их в Днепропетровск.

Далее задает ЯКУБЕЦ вопросы:

1) Как на мой взгляд ведут себя ХАРУСЬ и [illegible]ВИЧ.

2) Интересуется про общее настроение общественности.

3) Проявляет резкое недовольство, что я вышустил из рук дело эсеров.

4) Дает распоряжение во что бы то ни стало за-
получить МАЖЕЙКЕВИЧА в Прагу.

5) Проявляет неудовольствие, что я не смела
знакомства с влиятельным человеком.

6) Дает приказ явиться к Гловачке и сказать
ему про всех чехов и русских, с которыми я соприкасалась.
(письмо Алексея).

1929 год.

ЯКУБЕЦ слушает мое донесение весьма благо-
склонно.

1.Полные сведения о настроении из за прекра-
щения и имеет основания.

2.О поведении МАЖЕЙКЕВИЧА и моем предложении,
что я с ним хочу разойтись.

3.Передаю поклон от [redacted] и беседа о
встрече с ним и [redacted] на квартире у ГЕЛЬМИКА.

ЯКУБЕЦ ОТВЕЧАЕТ.

1.Прежде всего злится, что хочу порвать с МАЖЕ-
КЕВИЧЕМ, ибо это будет во вред всему делу.

2.Приказывает связаться в более тесном кругу с
МАЖЕЙКЕВИЧЕМ, ШЕРХАВКОЙ, КАРОЛИВСКИМ.

3.Связаться в Москве с неким чехом ЖАКОМ и писать
ему на главный почтамт под знаком Ж.Ж.

В случае приезда в Московское консульство обра-
титься к СЛАВУ, а не спрашивать ЖАКА. А с ЖАКОМ усло-
виться на встречу посредством письма.

1930 год.

Передаю материалы ЯКУБЦУ, которые мне дал ШЕРХАВКА

с указанием, что к ним будут еще добавления довольно скоро.

Подаю реферат, что Сова лояльно держится ареста.

Указания о своем абсолютном расхождении с ЖАЙКЕВИЧЕМ, которого по работе буду иметь под наблюдением.

Передаю от УЛЬЯНОВИЧА лично, что почка расколотая и чтобы он, ЯКУБЕЦ поспешил больных недель.

И об"ясняю это распоряжение следствием его поведения, оргии в имении у него на квартире, масса новых знакомых, о чем узнала от его соседки.

1932 г.

Передаю документальные материалы от ШЕРХАВКИ, которые он мне дал за 4 недели до ареста.

Передаю указания от ЛОСИНСКОГО, что скоро ему, он ЛОСИНСКИЙ пошлет материалы.

Чтобы я подтвердила с ним контакт, что ЯКУБЕЦ не [illegible].

Сообщаю об аресте ШЕРХАВКИ и о панике среди остальных.

ЯКУБЕЦ запрещает всякие собрания и сношения с ним, пока не будет освобожден ШЕРХАВКА. ЯКУБЕЦ выражает надежду, что ШЕРХАВКА будет молчать, что надо быть на стороже, чтобы ШЕРХАВКА не выпустили, как лопнику медом обмазавшую, чтобы арестовать остальных.

1933 год.

Подаю реферат о том, как я узнала от ГЕЛЬМИНА, что перед ШЕРХАВКИ говорила, что нужу хотели при-

иметь большое дело в ГПУ, но это не удалось.

Обвиняла меня, что я виновата в аресте МАР - ХАЕВА.

Я с ПЕРХАВКОЙ по распоряжению КАВА и ЯКУШЕВА не разговаривала из недоверия, пока его, как следует не проверили, а также и от КОРЕЛИНСКОГО и ЛЕВИНА.

ЯКУШЕВ признавшись восстановить всему коллективу, что арест ПЕРХАВКИ ошибочен, сказал мало, по всему, что ПЕРХАВКА молчал и что МАЗИНЕВИЧ имеет указание и дает многих людей для работы.

Е.КУЛЕШОВА.

26/XI-35 г.

Верно: Зам. нач.

Detaily mých rozmluv s dr. Jakubcem

1926 pok. před odjezdem z U.S.S.R.

I. Návštěva u Jakubce (samotná)

Byli s manželkou přátelským rozhovorem o mém odjezdu a umělecké práci mi Jakubec dílo mi připomíná moje ruské vzpomínky, které jsem měl před očima a možnost pomoci českým zápisům. Souhlas.

II. Jednání u Jakubce ke [illegible] Hanuš [illegible] Jakubcovo hodnocení mé práce pro Čechy, rada nařízené [illegible] se pro mě [illegible] pro vojenské účely pro pokus, [illegible] se s vojenským člověkem a v těch případech obnosit [illegible]

III. Jednání u Jakubce (samotná)

Jakubec vyjádřil při všem velkou starostlivost a hlavně nespustil mi z očí jednání s Hanušem, s kým se budou stýkat, jak sebe budou držet a t.d.

Jednání mé pařížské [illegible] na mě [illegible]

Jeho [illegible] a mlčenlivost o záležitostech mých rodičů, které jsou [illegible] v jeho rukách.

1928 pok.

Po návratu z Jakubci [illegible] zprávy a sice:

1) Odboj seznámení s Hluškem
na ulici u něho na [illegible],
potom doma na bytě [illegible]
Hlušky, kde mu [illegible]
Hluškova [illegible] ale [illegible] na konsumní

2) Odboj seznámení na kous[illegible]
s [illegible] Hajkem, [illegible] Bab[illegible]

3) Odboj seznámení s Hluška
s Dobrodvorským

4. [illegible]
s kým má Hluška

5. Výpověď Dobrodvorského
o [illegible] s Čeňkem, svojí nedůvěra
uspokojení Hluška

6. Předání bílého [illegible]
od Hluška a Dobrodvorského

7. Jízda do [illegible] s [illegible]

8. Předání balíčku [illegible] Samohrdou
na konsumlase

9. Odjezd [illegible] s [illegible] Hlaváčem,
jeho nedůvěra k mně

10. Výkaz „všechno v pořádku"
na Dobrodvorského a líčení pro
Hájka

11. Návrat Hluška [illegible] zpět
o výsledku konsumlase

12) Odjezd Hajka do Hradu
(Jakubec ani Hlavo nikoho [illegible]
nejde) Hajka o kterém se jednalo
na bytě u Hajka)

13. Odjezd Dobrodvorského
s Charkova

14) Seznámení naše s jakýmsi
[illegible] jedním po nákazu Hluš[illegible]
na bytě u Kohoutů, [illegible] pro
známým Hluš[illegible]

15) Návrat Hluška [illegible]
se vzájemnými [illegible]

Masarykovcům a jeho přátelům po
Praze Sergijakom.

Jsou mezi nimi po likvidaci [illegible]
Uznáván pro svoji [illegible]

Provozuje seznámení [illegible]
o domě učenců.

Bydlí [illegible]
[illegible]
Zpívá, skvěle [illegible]

Její [illegible]
[illegible]
jsou [illegible]

Dne [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
do Dmitrovského.

Nyní dává [illegible]

1. Jak na [illegible]
2. Znázornění [illegible]
3. Přinesla [illegible]
4. Dárek [illegible]
5. Projevuje [illegible]
6. Každý [illegible]

1929 pok.

Jakubec Svoboda můj [illegible]
[illegible]
[illegible]
[

Podáním referátu o [illegible]
[illegible] Prohárka [illegible]
[illegible] Jakubec
[illegible] Jeho vývoj
[illegible] a písanky [illegible]
[illegible] na byté
[illegible] rozvoji znamený,
[illegible] od jeho soudruhy.

1932 pak

Předáním [illegible]
od Prohárky, [illegible]
[illegible] do uredu
Předáním referát od Kvasilského
[illegible] mu on [illegible]
materiály. Jejich [illegible]
s ním seznámil se Jakubcem a mnohými
Setkaly se potom Prohárky s [illegible]
mezi oddálenou.
Jakubec [illegible]
s ním, hlavně až bude Prohárka
[illegible], Jakubec mu [illegible]
že Prohárka [illegible] bude
k dílu [illegible]
[illegible] jak [illegible]
[illegible] almanachu, k [illegible]
[illegible]
[illegible] a [illegible] podávali jen Jakub.

1933 [illegible]

Podávám referát o [illegible]
[illegible] jsem [illegible]
[illegible] Prohárky [illegible]
[illegible] Jakubec [illegible]
[illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

Svědkyně pořádně nic z jeho slov
nerozuměla, byla jeho arestování
Já a Pechanka po nákaze Žaka
s Jakubcem komunita se nedůvěra
je oddělil i od Královského
a chrámu.

Jakubec naříkuje obnovit
všechnu důvěru, co se jsou
nahromadili, klamný to je nádeří, že
Pechanka, mlčet a je Hrnčířová
Jiří Kožený a ta mezi Čechy.

6 Vyš. Sv. Jakub

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАНИЯ

Обв. КУПФЕРОВОЙ Эрвины Эрвиновны

От 13 Декабря 1938 года.

В предыдущих своих показаниях я сообщила следствию о том, что на протяжении с 1926 по 1938 г.г. я была связана с Чешскими разведывательными органами, по заданию коих и персонально д-ра ЯКУБА, проводила разведывательную работу на Украине.

Моя работа в пользу Чехо-Словацких разведывательных органов сводилась к следующему:

1. Я, как чешка и агент Чешских разведорганов, вела наблюдение за группой, связанных между собой украинцев - чешских агентов, как-то: МАЗЮКЕВИЧЕМ, ХАРУСЕМ, ПЫРЯНКОЙ, КОРОЛЕВСКИМ, СТАЛИНСКИМ Владимиром и СИРОТКИНЫМ, сообщая результаты наблюдения д-ру ЯКУБУ, во время своих поездок в Прагу.

2. Я служила связью между МАЗЮКЕВИЧЕМ, у которого концентрировались материалы указанных и Чешскими разведывательными органами, коим отвозила собираемые этими лицами материалы.

3. Будучи связанной в Харькове с Чешским резидентом - ГУШЕКОМ, я была также связью между ним -Чешской Миссией в Москве и Прагой.

Кроме того, как я указала, при выезде в 1926 году из Праги, д-р ЯКУБЕЦ поручил мне заняться самостоятельно подысканием из среды военных – лиц, могущих быть использованными в интересах Чешской разведки, коих мне надлежало завербовать.

Впервые в Прагу из Харькова я выехала в 1928 году. За время пребывания на Украине, этого основного задания – привлечь к работе в пользу чехов военное лицо, – мне осуществить не удалось. Это, я считаю, об"ективно вследствие замкнутости военных кругов и местных условий, поэтому я могла только проинформировать ЯКУБЕЦА о связи с ГУШЕКОМ и других вопросах, о чем я уже показывала.

Вторично я ездила в Прагу в 1929 году, однако, по линии вербовки военного лица мне и к этому времени ничего сделать не удалось.

В 1929 году, во время моего пребывания в Праге, д-р ЯКУБЕЦ направил меня к своему заместителю – НОВАКУ; последний был в полном курсе дела. Однако, НОВАК всей суммы вопросов не касался. Его (НОВАКА) интересовал только один вопрос – это моя личная работа по военной разведке.

НОВАК особенно подчеркивал, что об этой моей личной работе по военной линии, МАЗИНКЕВИЧ ни в коем случае знать не должен.

Указание это было принципиально верным и реально возможным потому, что к этому времени я с МАЗИНКЕВИЧЕМ разошлась, поддерживая лишь деловые отношения по работе.

Инструктаж, полученный мной ранее от ЯКУБА, а теперь (в 1929г.) от НОВАКА, по линии военной разведки, состоял в следующем:

Мне надлежало, используя свои возможности артистки, найти связи в военной среде.

Путем постепенного сближения с намеченным об"ектом из военных, нужно было увлечь его и постепенно приближая, изучать, влиять и лишь затем, вскружив -ли голову ему, привлекая -ли деньгами, или путем политической обработки об"екта, в зависимости от его склонностей - вербовать.

НОВАК в частности делал упор на то, что я должна использовать все свои способности женщины и артистки для того, чтобы на этой основе, после изучения и соответственного влияния, а также зависимости человека от меня - вербовать его.

Категорически предлагалось мне, что я как женщина-артистка ни перед чем не должна была останавливаться в стремлении к достижению основной цели - вербовки военного об"екта.

В этом вопросе, как НОВАК, так и особенно ЯКУБЕЦ, были требовательны и жестки.

По возвращении в 1929 г. в Харьков, мне удалось это основное свое задание выполнить. Произошло это при следующих обстоятельствах:

В 1929 году в театре "Березиль" я познакомлена была группой артистов с военным, носившим знаки различия - два прямоугольника. Как затем я узнала, это был ГЕРАЩЕНКО Григорий Иванович, постоянно служивший в Москве

и приехавший в Харьков по делу.

За время, примерно 8-ми дневного пребывания, ГЕРАЩЕНКО в Харькове, я встречалась с ним после знакомства, почти каждый день. Обычное место встреч в кафе и затем у меня на квартире, по Чернищевской № 10.

Из бесед с ГЕРАЩЕНКО мне стало известно, что ему 29 лет, по национальности русский, по профессии военный, холост, жил в Москве по Тверской ул. (№ дома не помню) у замужней сестры.

ГЕРАЩЕНКО увлекся мной.

В беседах с ним на разные темы, я стала затрагивать и военные вопросы в разрезе таком, что парад Красной Армии в Харькове произвел на меня впечатление и просила его рассказать мне о Московских парадах.

ГЕРАЩЕНКО вначале даже с энтузиазмом начал говорить о парадах. Я стала задавать более конкретные вопросы о количестве танков, самолетов и т.д. Это обратило на себя внимание и ГЕРАЩЕНКО спросил почему это меня интересует. Я отделалась фразой о простом любопытстве и затем заняла этот вопрос. Я поняла, что нужна осторожность и выдержка.

Почва не была готова и поэтому я не решилась ставить перед ГЕРАЩЕНКО вопрос о работе в пользу чехов. Я узнала ГЕРАЩЕНКО. Уезжая в Москву он обещал приехать и приблизительно спустя 4-5 недель приехал в Харьков.

В первый свой приезд в Харьков он жил в "Спартаке", а во второй приезд в гост. "Астория".

ГЕРАЩЕНКО пробыл в Харькове всего 2 дня, бывал у меня. Достаточно вскружив ему голову, я повела такую линию, что он ничего не хочет сделать для меня и что не желает даже удовлетворить простого женского любопытства.

В результате соответствующего влияния, оказанного мною на ГЕРАЩЕНКО и моей "игры" с ним, ГЕРАЩЕНКО дал согласие сообщать военные сведения. Тогда-же он сказал что если военные сведения интересуют меня не из простого любопытства, а по другим соображениям, то я его буду "экономить".

ГЕРАЩЕНКО знал, что я Чехо-Словацкая гражданка и приехала из Праги.

У меня на квартире на 1 1/2 страничках бумаги ГЕРАЩЕНКО собственноручно изложил сведения (приложительные, по его выражению сведения) о количестве военных самолетов и танков, а также их системах в РККА. Изложил тогда же данные о противо-химической обороне.

В соответствии с полученным в Праге инструктажем, меня интересовал вопрос о настроениях красноармейцев из рабочих и крестьян и какая точка зрения существует об отношении этих двух сил к войне в будущем.

Ответ ГЕРАЩЕНКО свелся к тому, что рабочие весьма охотно идут в Красную Армию, положительно все воспринимают и явятся в будущей войне несомненной опорой. Этого, на его мнение, нельзя сказать о крестьянстве, в отношении которого необходимо учитывать "хитрую душу" крестьянина, по выражению ГЕРАЩЕНКО.

О том, что я являюсь агентом Чехо-Словацкой разведки , я ГЕРАЩЕНКО не говорила, ибо еще не была уверена

что он даст положительный ответ.

Пробыв в Харькове 2 дня, ГЕРАЩЕНКО уехал в Москву и вновь приехал в Харьков, пробыл там в январе 1930 г. мы встретились. Основной целью его приезда было убедить меня в целесообразности переезда в Москву, где я с"умею устроиться. Обещал помочь. От поездки в Москву я отказалась, чем он был крайне недоволен. Несмотря на категорические требования ГЕРАЩЕНКО, я в Москву не поехала.

Здесь я была связана договором и деловыми отношениями по разведывательной линии с МАСТИЛОВИЧЕМ и другими, почему и не имея указаний Праги, считала поездку в Москву невозможной.

Между мной и ГЕРАЩЕНКО произошел разрыв, ибо он настойчиво и грубо требовал моего от"езда в Москву. После этого я с ним больше не встречалась.

В 1930 г. во время нахождения в Праге, я доложила НОВАКУ в исчерпывающих подробностях мою работу с ГЕРАЩЕНКО и передала ему сведения, сообщенные ГЕРАЩЕНКО.

НОВАК дал такую оценку этим сведениям, что поскольку это первые сведения и на них построена завязка и зависимость ГЕРАЩЕНКО, то это удовлетворительно. НОВАК особенно интересовался тем, не вызвало -ли у меня подозрение поведение ГЕРАЩЕНКО и не играет ли он со мной, как "кот с мышкой". Я дала положительную оценку поведению ГЕРАЩЕНКО.

Свои выводы по этому делу НОВАК изложил мне в крайне резкой форме. Он чрезвычайно недоволен был тем, что я не поехала с ГЕРАЩЕНКО в Москву. Он считал, что я должна была бросить все и выехать в Москву.

Моя оплошность вызвала даже такую реплику со стороны НОВАКА, что меня нужно посадить.

В результате, НОВАК предложил мне, чтоб я срочно приехала ГИРАДЕНКО в Харьков, я должна восстановить с ним отношения; увлечь его и ехать в Москву.

В отрицательном случае, мне необходимо было заняться поисками и обработкой военного об"екта. С ГИРАДЕНКО я больше не виделась. Знакомых из военной среды у меня больше не было.

В предыдущих показаниях я изложила все известное мне о работе сетки Чехо-Словацких агентов (во главе с МАЗИКЕВИЧЕМ) на территории СТАДНИКА Владимира.

Со СТАДНИКОМ меня познакомил МАЗИКЕВИЧ в 1927-28г. Перед моим от"ездом в Прагу в 1928г. СТАДНИК просил меня передать его жене, живущей в Праге о том,чтобы она приехала в Харьков. Ей необходимо было условно передать, чтобы она перед от"ездом"захватила все необходимое". Об этом же мне сказал МАЗИКЕВИЧ об"яснив,что СТАДНИК приехал на Украину по заданию д-ра ЯКУБЕЦА и что этой условной фразой имеется в виду указать жене СТАДНИКА на необходимость захватить перед от"ездом директивы ЯКУБЕЦА.

В Праге я розыскала жену СТАДНИКА, живущую на Виноградах (Нагорная часть Праги) улицу не помню, и передала ей порученное мне. Жена СТАДНИКА действительно приехала из Праги и я встречала ее в Харькове.Я об этом поручении и информировала ЯКУБЕЦА.

СТАДНИК поддерживал тесную связь с МАЗИКЕВИЧЕМ и ПЕРХАВКОЙ.

В предыдущих показаниях я обошла вопрос об информации мною ЯКУНЦА, об обстоятельствах моей вербовки ГПУ УССР и характере заданий.

Как известно, в 1928 г., до моей поездки в Прагу, я была завербована сотрудником ГПУ УССР т.КРАСНЫМ.

Прибыв в 1928 г. в Прагу и явившись к ЯКУБЦУ, я доложила ему также об обстоятельствах задержания меня на улице, доставления в ГПУ и вербовке. Я подробно рассказала ему, что вначале КРАСНЫЙ интересовался освещением театра "Березиль", а затем стал требовать освещения и моих знакомых - чехов.

ЯКУБЕЦ был весьма доволен установлением мною контакта с ГПУ УССР, ибо это давало возможность выявить интересующие ГПУ вопросы, как по внутренней работе, так и по Чехо-Словакии. При выезде в Чехо-Словакию т. КРАСНЫЙ, в присутствии еще одного сотрудника ГПУ дали мне задание встретиться в Праге с КРАМАРЖЕМ и знакомым мне председателем Сейма - ГРУБАН, с целью заинтересовать их возможностью использовать меня в Сов. Союзе и выявить круг вопросов их интересующих.

Перед отъездом из Праги, ЯКУБЕЦ дал мне указание о том, что я должна доложить т. КРАСНОМУ о принятых мною мерах. Основным было то, что с ГРУБАНОМ я виделась, но его не могла заинтересовать перспективами.

ЯКУБЦЕМ особенно подчеркивалась необходимость быть осторожной во взаимоотношениях с ГПУ. Основным было, что мне надлежало скрывать от ГПУ свою и других лиц работу в пользу Чехо-Словацкой разведки и выявлять круг вопросов, интересовавших ГПУ.

В случае посылки меня ГПУ в Чехо-Словакию, я должна была свое согласие дать. Это особенно прельщало ЯКУБЦА, ибо кроме получения данных об интересующем ГПУ в Чехо-Словакии, это давало возможность легализовать через меня связь, работающей в Харькове сетки чешских агентов, во главе с МАЗИКЕВИЧ -с Прагой.

Я проинформировала ЯКУБЦА, что т.КРАСНЫЙ завербовал также МАЗИКЕВИЧА, тоже ведущего "игру" с т. КРАСНЫМ. В соответствии с полученными от ЯКУБЦА указаниями, переданными мной МАЗИКЕВИЧУ, последний заинтересовал т. КРАСНОГО перспективами по Чехо-Словакии и при помощи КРАСНОГО - МАЗИКЕВИЧУ удалось легально выехать в Прагу и, таким образом, выполнить указания ЯКУБЦА - о приезде МАЗИКЕВИЧА для встречи.

Записано с моих слов верно и мне прочитано, в чем и расписываюсь.

КУЛЯБКОВА.

ДОПРОСИЛ: УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ИНО (ШАЛИН)

Дополнительные показания Кундрюцкой Эрнны Эрнстовны
от 13/XII - 1933г.

В предыдущих своих показаниях, я сообщила следственным о том, что на протяжении с 1924 года по 1933 год я была связана с чешскими разведывательными органами, по заданию, коим и персонально д-ра Якубу проводила разведывательную работу на Украине.

Моя работа в пользу чехословацких разведывательных органов велась к следующему:

1) Я, как член и агент чешских разведорганов вела наблюдение за группой, созданной между собой украинцев-чешских агентов, как-то: Мазуркевичем, Хорусом, Шарковым; Коромысленским, Сидельниковым Владимиром и Серебряковым, сообщая результаты наблюдения д-ру Якубу, во время своих поездок в Прагу;

2) Я сумела связать между Мазуркевичем, у которого я квартировала, некоторых украинских и чешских разведывательных органов, коим оказывала, собираемые ими лицами материалы

3) Будучи связанной в Харькове с чешским разведчиком Грушкой я была также связью между ним - чешской миссией в Москве и Прагой.

Кроме того, как я указала, при выезде в 1924 году в Прагу, д-р Якубу оставил мне

Занялся самостоятельно подписками в среде военных, мне материал был необходим для моей будущей разведки, книг мне недоставало достать.

Впервые, в Прагу из Харькова я выехал в 1922 году. За время пребывания на Украине, этот основного задания — пробраться к работе в пользу чехов военное дело, мне не удалось. Это в основном об "личной" незнании языка и местных условий жизни, я могла только ориентироваться Якуба и Ольги с Гурьевым и другими вопросами, о чем я уже показывала.

Вторично, я выехала в Прагу в 1923 году, однако по линии службы военного дела, мне к этому времени ничего сделать не удалось.

В 1923 году, во время моего пребывания в Праге, Зр Якубек направил меня к своему знакомому Новаку; последний был в курсе дела. Однако Новак всей сущности вопросов не касался. Он (Новак) мне сказал только один вопрос — это моя личная работа по военной разведке.

Новак особенно подчеркивал, что по этой моей, личной работе по военной линии, Масаковичи мне в каком случае знать не должен.

Указание это было продиктовано верным и реально возможным тем, что к этому времени я с Масаковичем разошлась, потерявшись мною личные отношения по работе.

Информация, полученная мною [illegible] Якубек, [illegible]

а теперь (в 1929г) он Новака на муки вовсе развеет, сказал в следующем:

Мне надлежало, используя свои возможности артиста, найти связи в военной среде. Найти постепенно сближения с намеченным об"ектом из военных, нередко было увлечь его и постепенно приблизить играть, в мячик и мяч зашив вкрупную - на глазу вид; чуть-чуть - на глазах или найти помимо всякой обработки об"ектов, в зависимости от его сложности - вербовать.

Новак в частности дал урок на то, что я должна использовать все свои способности певицы и артистки для того, чтобы на этой основе, после изучения и соответственно влияния, а потом зависимости человека от меня - вербовать его.

Категорически предложено мне, что я как певица - актриса, не имея ещё не должна была останавливаться, в стремлении к - расширению основной цели - вербовки военных об"ектов.

В этом вопросе как Новак, так и особенно Якубец, были требовательны и жестки.

По возвращении в 1924г. в Харьков, мне удалось это основное свое задание выполнить. Что и было отражено в моей следующей автобиографии.

В 1924году в театре "Березиль" я познакомилась с группой артистов с военным прошлым знакомство - завязались два предварительных.

узнала, что был Гращенко Григорий Иванович, посетивший Сергеевский в Москве и приехавший в Харьков по делу. За время, примерно 3 недели до моего приезда Гращенко в Харьков, я встречалась с ним почти ежедневно, обычно часов вечера в кафе и потом у меня на квартире, по Чернышевской № 19.

Из бесед с Гращенко мне стало известно, что он был в Москве по политическим делам; по поручению военных кругов; жил в Москве по Тверской ул. (№ дома не помню) у Замирной семьи.

Гращенко увлекся мной.

В беседах с ним на разные темы я стала затрагивать и военные вопросы в разрезе такого, что наша Кр. Армия в Харькове, призвал на меня большое внимание и просил его рассказать мне о московских парадах.

Гращенко высказал даже с энтузиазмом начал говорить о парадах. Я стала задавать более конкретные вопросы о количестве танков, самолетов и т. п. Это обратило на себя внимание и Гращенко спросил почему это меня интересует. Я отделалась общими фразами о красоте необычайности и затем замяла этот вопрос. Я поняла, что нужна осторожность и выдержка.

Когда не была занята и почти каждый я не упускала случая затронуть вопрос Гращенко вопрос о работе в армии. Я увлекла Гращенко.

Узнав в Москве, что обещал приехать и срочно-телеграфно сообщил, что 4-5 недель приехал в Харьков.

К первый свой приезд в Берлин он пел в "Спортпалас" а во второй приезд в 1931. "Аскания".

Гранченко, уроженец в Берлине всю жизнь. Бывал у меня. Артистично владеет мимикой и жестом, что он ничего не может сказать для меня и что не может даже удовлетворить простого ученого любителя сцены.

В разговоре со мной Гранченко вспоминал о своем выступлении на Украине и своей игре с ним Шаляпина. Однако он не мог написать больше сведений. Подразумевал он сказать, что его военные сведения интересуют меня, не из чистого любопытства, а по другим соображениям, что я его не "выдам".

Гранченко знал, что я чех-словацкая гражданка и приехала из Праги.

У меня на квартире на 1½ страничках бумаги Гранченко собственноручно изложил сведения (цифры интервью, по его выражению сведения) о количестве военных самолетов и танков, а также их численности в РККА. Изложил подразумеваемые данные о противовоздушной обороне.

В соответствии с полученным в Праге поручением, меня интересовал вопрос о настроениях красноармейцев из рабочих и крестьян. Какое время существовало об отношении этих людей ещё к войне в будущем.

Сам Гранченко сказал к тому, что рабочие в основном идут в Кр. Армию; положительно ко всему относятся и являются [illegible]

несомненный очерк. Этого, по его мнению, мало сказать о крестьянстве, в отношении которого наиболее уместно "Мифы Юга" Краснова, по выражению Чернова.

О том, что я являюсь автором Про-Северной республики, я Грацианову не говорила, либо еще не была уверена, что он дает положительный ответ.

Пробыв в Харькове 2 дня, Грацианов уехал в Москву и вновь приехал в Харьков, приблизительно в январе 1930г. Мы встретились. Основной темой не нашлось, были десять лет в исследовательском переезде о Москву, где я с Ирмой учились. Обещал вернуться. Об поездке в Москву я отказалась, так как была крайне перегружена. Несмотря на категорические требования Грацианова, я в Москву не поехала.

Здесь я была связана договорами и условиями отношениями по работе, платежной линии с заграницей, поэтому и не имея указаний Праги, считала поездку в Москву невозможной.

Между мной и Грацианом произошел разрыв, ибо он настойчиво и грубо требовал моего отъезда в Москву. После этого, я с ним больше не встречалась.

В 1931г. во время нахождения в Праге, я доложила Новаку, в частности высказала подробности моей связи с Грацианом и передала ему, сведения, сообщенные Грацианом.

Новак для меня лично сказал, что по-скольку мне первые сведения и на них построена операция и заинтересовать Грацианом, то это удивительно. Новак особенно [illegible] интересовался [illegible]

не вызывало ли у меня подозрения поведение Грищенко и не играет ли он со мной, как "кошь с мышью". Я дала положительную оценку поведению Грищенко. Свои выводы по этому делу новак изложил мне, в крайне резкой форме. Он чрезвычайно недоволен был тем, что я не поехала с Грищенко в Москву. он считал, что я должна была бросить все и выехать в Москву.

Моя лояльность вызвала далее открытую враждебность со стороны новака, что меня крайне огорчило.

В результате, новак предложил мне, что в случае приезда Грищенко в Харьков, я должна восстановить с ним отношения, увлечь его и ехать в Москву.

В противном случае, мне необходимо было заняться подыскиванием и отработкой нового "объекта".

С Грищенко, я больше не виделась.

Знакомых из военных среди у меня больше не было.

В предыдущих показаниях я изложила все известное мне о работе сети ген-Славянской агентов (во главе с Монаховичем) за время пребывания Сидоренко Владимира.

Со Сидоренко меня познакомил Монаховский в 1927-28 гг. через моего "старого" в Крыму в 1926 г. Сидоренко время меня нередко его видел, интересовался в Крыму, о том, чтобы она приехала в Харьков. Он неоднократно обещал устроить, чтобы она через ОГПУ "Украины" захватила все недвижимое". От Монаховского мне стало известно, что Сидоренко приехал на Украину по заданию ген-штаба и что его основной задачей

имелся в виду указать жене Сладника, но вскоре они сами заявились через ей "через директиву Якубу".

В Праге я рассказала жену Сладника, живущую на Виногреды (на нагорной части Праги) найти не только и передала ей полученные мною. Жена Сладника действительно вскоре из Праги и я встретилась с ней в церкви. От нее я получила [illegible] и проинформировала Якубу. Сладник поддерживал тесную связь с Мазуковичем и Пиркавой.

В предыдущих показаниях я обошла вопрос об информации мною Якубу, о отношении советской торговли ГПУ и характера заданий.

Как известно, в 1923 г. до моей первой поездки в Прагу, я была завербована сотрудником ГПУ тов. Красным.

Приехав в 1924 г. в Прагу и явившись к Якубу я получила от него указание об обязательной встрече на улице, связанной с ГПУ и торговлей. Я поверхностно рассказала ему, что вначале Красный интересовался освещением театра "Время", а затем стал требовать освещения и моих знакомых.

Якубу был весьма важен установленный мною контакт с ГПУ, что это давало возможность выявить интересующие его вопросы, как по внутренней работе, так и по Чехословакии. При выезде в Чехословакию к Красному в периодических встречах я давала сведения

ТТ. Дали мне задание встретиться в Праге с Крамаржем и знакомым мне чрезвычайно самим Грубам с целью заинтересовать их возможностью использования меня в Сов. Союзе и выяснить круг вопросов их интересующих.

Через от"езда из Праги, Якубец дал мне указание о том, что я должна держаться по-красному с крупными чешскими моряк. Основным было то, что с Грубами я виделась, но не могла заинтересовать перспективами.

Якубец особенно подчеркивалась необходимость быть сдержанной во взаимоотношениях с Гру. Основным было, что мне надлежало сбрасывать от Гру свою и другие мои работы в пользу Чехо-Словацкой разведки, и выявлять круг вопросов интересовавших Гру. В случае поездки меня ТТ в Чехо-Словакию, я должна была свое согласие дать. Это указание предшествовало Якубца, ибо кроме последнего задания об интересах Гру в Чехо-Словакии, было давало возможность использовать через меня связь, работающей в Харькове семьи Ващенко Семена, во главе с Лазуковым - с Прагой.

Я проинформировала Якубца, что т. Красный завербовал также Лазуковича, после беседы с т. Красный. В соответствии с полученными от Якубца указаниями, изъявила Лазуковичу, последний согласился с тем,

Д о к л а д

По поручению обл[illegible]ного [illegible]
[illegible] от [illegible].

Перед выездом на Украину я получил от [illegible] инструкции о проведении н-р. работы и предложение в Харькове связаться с [illegible].

О своей н-р. вербовочной деятельности я лишь поверхностно рассказал. Сейчас считаю нужным дополнить их показания о своей разведывательной работе в пользу чешской полиции.

Будучи связан с н-р. работе в [illegible], я от него получил указания о сборе сведений в пользу чехов.

Я хорошо знал бывшую чету [illegible] - бронзу [illegible], которые очень поверхностно о некоторых чехах: бывш. директором Укрлесбанка [illegible], ТУЛЬПОВЫМ и Заведующим Чехо-Словацкой миссии по вопросам (фамилия не помню). С ТУЛЬПОВЫМ я разговаривал в Укрлесбанке. Он враждебно относился о Советской власти и сравнивал с Чехо-Словакией, говоря, что не получив в Чехии образования, должны напречь усилия к тому, чтобы изменить существующий строй. ТУЛЬПОВ тоже не скрывал своего враждебного отношения к Советскому Союзу, указывая на продовольственные трудности, как на результат политики партии на селе.

У [illegible] и [illegible] я часто бывал по поводу, кроме личных знакомств и литературных интересов украинской интеллигенции.

В [illegible] вопросов о положении села, я рассказывал о своей политической деятельности в связи с проводимой

шлектуальных и о намерении ехать на родину правительства и научно подготовленного населения и очень СССР. Товарищи не знают о положении промышленности, о нашем качестве изготовляемой продукции и о сроке необходимого сырья.

[redacted] об"яснила такое положение современных отрасл СССР, приводя в пример состояние сельского хозяйства и промышленности Чехо-Словакии.

Сведениями о экономическом положении СССР, а также политическом [redacted] часть украинской интеллигенции. [redacted] информировала, передавая им сведения о [redacted] и России, куда она, как мне известно выезжала. Известно мне было только о встречах с этой [redacted] и [redacted] в Чехословакии. О том, что они посылали письмо-рапорт на имя Чехословацкого Правительства, я знаю со слов [redacted] и [redacted].

Подпись:

В Ы П И С К а

из показаний обвин. КАНОНИРА Юрия Иосифовича от 28/XI-38 года.

Работая экономистом в Укопромсовете, я там [illegible] и вербовку из среди работников Укопрома новых к-р кадров. Кроме указанных в предыдущих протоколах лиц, мною завербован:

ЯРОВОЙ Яков Порфеевич. Живет сейчас на Новоселовке. Занимается переводами с украинского языка на русский. ЯРОВОЙ служил в старой, а потом петлюровской армии офицером. Во время гражданской войны он был членом партии укаписов.

Познакомившись с ним на квартире у РЕКИ, о котором я писал в прошлых показаниях, в 1928 году, я часто говорил с ним на к-р темы и о необходимости подготовлять новые к-р кадры, а также рассказал ему о существовании нашей к-р организации и предложил в ней работать.

Согласившись работать в организации, ЯРОВОЙ высказывался за необходимость об"единения вокруг организации всех к-р сил. Остро выступая с критикой политики партии на селе, ЯРОВОЙ говорил, что это поведет к полному упадку сельского хозяйства. [illegible] к-р работы он считал полезной политику [illegible] эмигрантских сил на Украину и просачивания их в советские учреждения для вербовки там новых к-р кадров.

При встречах в 1929 г. ЯРОВОЙ, работая Секретарем редакции Красного Креста, информировал меня о том, что он с целью вербовки членов в нашу организацию, завязывает связи с некоторыми работниками Красного Креста, которых он знал раньше (фамилий я не помню). ЯРОВОЙ также говорил мне о том, что продолжает поддерживать связь с бывшими укапистами с целью вовлечения их в организацию.

Встречался с ЯРОВЫМ я главным образом в 1928 г. 1929 г. на квартире у РЕКИ, СТРАТИЕНКО и у него. Разговоры велись на к-р темы, о состоянии сельского хозяйства, о враждебном настроении к политике партии на селе крестьянства и о подготовке эмиграции к вооруженному наступлению на СССР, а также о необходимости быть готовыми на случай этого вооружения.

Все полученное мною от вышеуказанных лиц сведения я передавал МАЗОКИВИЧУ и КУЛЕРОВОЙ.

ВЕРНО:

В Ы П И С К А

ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА АРЕСТОВАННОГО ХАРОЛЬСКОГО ОТ 28/XI-38 Г.

... "Перед своим от"ездом из Праги я имел свидание с ПОТАПЧУКОМ в присутствии чешского представителя полиции – ЯКУБЕЦА, информировавшего меня о лицах, с которыми я должен был связаться в деле разведывательной работы, вернувшись в СССР.

Кроме МАЛЯНОВИЧА, КУРЕБРОБОЙ и ПИРХАВКИ мне было указано на СЕРДЮКА Захара, как на активного разведчика, с которым я должен был поддерживать связь в деле о шей шпионской работы.

С приездом в Харьков я известил Секретаря в радио центре и заявил ему о своей принадлежности к разве дывательной работе. СЕРДЮК сообщил мне, что по мере на ности моей помощи, он мне об этом сообщит.

В 1930 г. я несколько раз заходил еще к СЕРДЮКУ и он мне дал в то время для передачи в Миссию его ра ведывательные материалы.

Принятый пакет мной был передан ПИРХАВКЕ для дальнейшей передачи через КУРЕБРОБУ.

Содержание материалов мне было неизвестно"..

ВЕРНО:

[redacted]

Слова [redacted] Елена Семеновна.
От 5 [redacted] 1938 г.

До меня [redacted], по их словам, в своей разведывательной работе были связаны с [redacted], через которую также передавали материалы для чешской разведки. Они на него рассчитывали, считая [redacted] насколько для личных задач, так и [redacted]

В 1932 г. вместе с [redacted] в [redacted] [redacted], которая также [redacted] и [redacted] [redacted] [redacted]

ВЫПИСКА ИЗ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПОКАЗАНИЙ

Обвин. КАПОНИРА Юрия Иосифовича, -

от 5 Декабря 1938г.

В Харькове со СТРАШИК я встретился кажется в 1929г., когда она приехала из Чехо-Словакии. Найдя в Харькове МАЗЮКЕВИЧА, которого она тоже знала по Чехо-Словакии, СТРАШИК того же дня заходила с МАЗЮКЕВИЧЕМ ко мне в учреждение. Вечером ходили гулять по городу. СТРАШИК говорила, что она приехала для контр-революционной работы среди чехов и для разведывательной деятельности в пользу чешской полиции.

МАЗЮКЕВИЧ говорил о необходимости держать связь с КУПЕРОВОЙ.

СТРАШИК имела в тот же день выехать в Тамбов, где был ее брат.

СТРАШИК мы оставили в гостинице, где она остановилась. Там ее уже ждал ЛЮСТИКО Павло, с которым СТРАШИК осталась.

При прощании СТРАШИК обещала писать, но я от нее сведений не получал. По слов ГАЛЯРИКА, уже сидя в камере я узнал, что она вернулась в Харьков и сейчас живет у ЛЮСТИКО.-

ВЕРНО:

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

О ВОЗБУЖДЕНИИ ХОДАТАЙСТВА О ПРОДЛЕНИИ СРОКА СЛЕДСТВИЯ.

Гор.Харьков. 1933 г. Декабря 26 дня, я, Уполномоченный ИНО ГПУ УССР - М И А Л Ь Ц, рассмотрев след. дело № 1005, по обвинению гр.КУПФЕРОВОЙ Эрвины Эрвиновны, служащей, арестованной 23/X-33 г. в преступлении, предусмотренном ст.ст.54-6 и 54-11 УК УССР, содержащейся под стражей в Спецкорпусе ГПУ № 1 и принимая во внимание, что КУПФЕРОВА привлекается к ответственности за активное участие в к.р. организации эсеров и проведении шпионской работы в пользу Чехии и что в установленный срок дело следствием не может быть закончено, т.к. не выявлена вся деятельность организации и фигуранты дела, а посему руководствуясь ст. 113 УПК УССР

П О С Т А Н О В И Л:

возбудить в первый раз ходатайство перед ЦИК СССР о продлении срока следствия и содержании под стражей КУПФЕРОВОЙ на 30 дней.

Настоящее постановление передать в УСО ГПУ УССР для дальнейшего направления.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ИНО ГПУ УССР (МИАЛЬЦ).

СОГЛАСЕН: НОМ.НАЧ ИНО ГПУ УССР (САМОЙЛОВ).

УТВЕРЖДАЮ: НАЧАЛЬНИК ИНО ГПУ УССР (КАРЕЛИН).

Протокол очной ставки

г. Харьков. 1933 г. Декабря 11 дня. Я, нач. 4 отд. ПО УГБ Сапожков произвел данную ставку между обв. гр. Пырхавой Григорием Исааком и гр. Куперферовой Эрминой Эрвиновной.

Вопрос Пырхаке?
Знаете-ли Куперферову

Ответ Пырхавы.
Об'являю, что с Куперферовой познакомился более ранних личных встреч у меня с ней, нет никаких.

По касаемо предъявленного мне обвинения, в увязке Куперферовой ни могу сказать следующее:
В Праге, где УК УСП и других политических органов, мне и всегда из Праги, была ли явка к Ставинскому, с которым я связался в Харькове. В Ставинского мне было рекомендовано к шпионской работе Куперферовой Эрмины об этом мне Ставинского известно. О мерзости Куперферовой - Мазуркевича; рассказал мне, что она в Праге Куперферова, познакомила его с ...

Вопрос Куперферовой?
Вы знаете, сидящего перед Вами гражданина

Ответ Куперферовой.
Да знаю. Это гр. Пырхавы, с которым познакомилась в Праге вместе с Мазуркевичем и бывала на квартире Пырхавы. Личных встреч у меня с Пырхавой, ней никаких.

Вопрос Куперферовой
Подтверждаете-ли Вы показания гр. Пырхавы
Ответ Куперферовой
В части посещения вместе с Мазуркевичем квартиры Пырхавы этой верно. В остальной части - отрицаю.
Замечаю, с моих слов верно и мне прочитано, в чем и расписываюсь.
Куперферова.

Якубович – угрозыск чешской полиции, по заданию которого они выехали на Украину. Отсутствие ар-да Куприянова от того, Ирлов Куприянов, была связью между чешской агентурой и Прагой.

В одном случае, у меня на квартире, в присутствии Куприянова я договорился с Маковичем, что к предстоящему отъезду Куприянова в Прагу приглашу милиционера, которому передам Маковичу для вручения Куприянову. Милиционер был, я Маковичу передал

NO HOOK

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

Гор. Харьков, 1984 г. февраля 8 дня. Я, Уполномоченный [redacted] УКГБ по Харьковской области, рассмотрев материалы по обвинению гр-ки КУПЕНКОВОЙ Эрины Эриховны, в преступлениях, предусмотренных ст.54-6 УК УССР -

Н А Ш Е Л:

что КУПЕНКОВА Э.Э. по материалам следствия проходит как агент чешских разведывательных органов, в своей работе она имела с рядом других лиц, принадлежащих к чешской разведке, часть из них до сих пор не выявлена, благодаря чему в установленный срок дело расследованием закончить не может, а посему, руководствуясь ст.113 УПК УССР

П О С Т А Н О В И Л:

Возбудить во второй раз ходатайство перед [redacted] СССР о продлении срока следствия в отношении обвиняемой КУПЕНКОВОЙ Э.Э. и содержание ее под стражей сроком на 30 дней.

Настоящее постановление передать в УСО ГПУ УССР для дальнейшего направления.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ОО [redacted] (ОВЧИННИКОВ)

СОГЛАСЕН: НАЧ.2 ОТДЕЛЕНИЯ ОО [redacted]

УТВЕРЖДАЮ: ЗАМ.НАЧ. [redacted] УКГБ по Харьковской области [redacted]

По делу № 116
1005.

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

Гор. _____ 198_ г. я, уполномоченный _____ ГПУ УССР, рассмотрев следственный материал по обвинению гр-н _____ ни КУПФЕРОВОЙ Эрвины _____,

в преступлениях, предусмотренных ст. _____ УК, НАШЕЛ, что произведенными следственными действиями установлено _____, что КУП –

На основании ст. 126 УПК и руководствуясь ст.127 УПК УССР привлечь гр. _____ КУПФЕРОВУ Эрвину Эрвиновну,

в качестве обвиняемых, предъявив им / ему,ей/ обвинение по ст. _____ УК УССР, о чем копией настоящего постановления сообщить _____ Прокурору.

Уполномоченный _____

Согласен: Нач. ИНО ГПУ УССР _____ (_____).

Утверждаю: Нач. ИНО ГПУ УССР _____ (_____).

Постановление мне об'явлено _____ / подпись обвиняемого /

По делу № _____
1905.

117

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е

Гор._____ 193.. г. , и.уполномоченный _____ ГПУ УССР _____, рассмотрев материалы о преступной деятельности гр._____

_____

_____

выразившейся в том что _____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

_____

и усматривая в совершенных обвиняемым _____ действиях признаки преступлений, предусмотренных ст.ст. _____ _____ УК УССР,

П О С Т А Н О В И Л:

На основании 2 п. 93 ст. УПК и 108 ст. УПК начать по настоящему делу производство предварительного следствия.

Копию настоящего постановления направить _____ _____ прокурору.

Уполномоченный _____

Согласен: Нач _____ (ГРИНБЕРГ).

Утверждаю: Нач. _____ (САМОЙЛОВ).

(КАЛНИН).

Протокол допроса
арестованной Куперовой Эрвины Эрвиновны
Москва ул. 29-го Апреля №34 Чека

1899 г. рождения, уроженки гор. Косиполос в Чехо-Словакии, студентки, со средним образованием, беспартийной, прибывшей из Чехо-Словакии в СССР в 1926 году, по профессии корреспондентка-машинистка, подданная ЧСР, педагог Харьковского Музыкально-театрального института

Вопрос: Когда Вы из Чехо-Словакии прибыли в СССР?

Ответ: В октябре месяце 1926 года

Вопрос: Какова цель Вашего приезда сюда?

Ответ: Официально - для того, чтобы работать по своей специальности машинистки, а на самом же деле для шпионско-разведывательной работы в пользу Чехо-Словакии.

Вопрос: Кому принадлежит инициатива в переброске Вас на территорию СССР для шпионско-разведывательной работы?

Ответ: Комиссару Чешской Политической полиции Якубцу, который дал мне адрес Куперовой, дал фотографический аппарат, обеспечительный инструктаж и составил шпионские задания.

Вопрос: Расскажите подробно об обстоятельствах Вашей вербовки Якубцем и о полученных от него заданиях.

Куперова

Ответ: В 1925 году, во время нахождения в Подебрадах (Чехословакия) на курорте, я познакомилась со студентом Экономического факультета Украинской Сельско-Хозяйственной Академии (Подебрадской) – Иозефом Вашеком Ирмеш, уроженцем Советской Украины, бывшим петлюровцем, эмигрировавшим в Чехословакию после разгрома петлюровской армии.

Познакомившись близко, Иозеф начал ухаживать за мной, а впоследствии начал уговаривать меня выехать вместе с ним в Советский Союз, где я буду иметь большую возможность использовать свои сценические способности. Я изъявила свое согласие.

Спустя непродолжительное время, в том же 1925 году меня вызвали в краевую политическую полицию, где я впервые познакомилась с Якубом. Это было как раз после того, когда я твердо решила ехать в Советский Союз и о своем решении сказала Иозефу.

Беседа с Якубом сводилась к моему отношению к поездке в СССР. Он прямо поставил вопрос о том, что я как чешка, уезжая в Советский Союз должна буду заняться там работой полезной для Чехо-Словакии.

Я согласилась на такое предложение и поняла уже тогда опасность этого дела, сказала ли мне колебания.

Якуб, видя мое колебание, начал обрабатывать меня в националистическом духе, обещая

Рут Бернов

что это моя доля чужих и интеллигентного человека; великими средствами бороться с большевистским варварством.

Вся первая беседа Якубца со мной сводилась к тому, что бы слушать мне лекции о необходимости проводить работу на территории СССР в пользу ЧСР. Я дала свое принципиальное согласие. Никаких конкретных поручений он мне не давал, обещал зайти к нему снова через некоторое время.

В последующие несколько встреч и бесед с Якубцем я кроме инструктажа общего порядка получал от него и ряд конкретных заданий, сводящихся в основном к следующему:

а). Мне надлежало выехать в Советский Союз в составе Посольства. Впоследствии должен был из Праги приехать и Харусек для организации и налаживания разведывательной службы в пользу Чехо-Словакии. (С Харусеком к этому времени я был хорошо знаком через Позднякова).

б). Ознакомившись с местными условиями и совместной действительностью я должен был находить без большого труда знакомых в различных общественных кругах и быть в курсе настроений этих кругов.

в). Завести во что бы то ни стало знакомства в военной среде и постепенно изучить командующего состава и использовать их для получения

сведений о Красной армии и не вооружений, а впослед-
ствии, если представится возможным привлечь его к
прямой работе в пользу Чехословакии.

В отношении работы в военных кругах Якубец
особенно подчеркивал необходимость быть исклю-
чительно осторожной и соблюдать максимальную
конспирацию.

г). Связаться в Харькове с чехом Гушеком, дирек-
тором Украинбанка и в дальнейшей своей работе
руководствоваться его указаниями. Связь с Якуб-
цем должна была осуществляться через Гушека.

д). Установить связь с работающим в Харькове
чешским Консульством — Хродеком.

Якубец предупредил меня, что за Консульством ве-
дется наружное наблюдение и что часовые имеют
доступ и внутрь Консульства, но что мне бояться
этого не следует т.к. я как чешская подданная
могу иногда заходить в Консульство
по своим личным делам.

е). Свою работу я должна была проводить в тес-
ном контакте с Музыкальным Горкома.

При этой беседе с Якубцем, присутствовали Му-
зыкальный и Харьс, принимавшие активное участие
в разговоре.

ж). В одну из последующих бесед с Якубцем, посвя-
щенной после продолжительного разговора специально
к тому, что в порученном мне столь важном
деле, нельзя ввести людям не нашей —
Кутеровой

чешской национальности — предложили мне наблюдать за поведением и связями Лазоркевича и Харуса и выучке, если я буду располагать материалами о политической позиции их — должна буду сообщать ему — Якубу, при встречах в Праге, куда я должна буду регулярно приезжать из СССР.

В последнем разговоре со мной Якубец предупредил, что за мою работу в СССР будут отвечать мои родные, оставшиеся в Чехословакии. Предупредил, что бы о данных им мне поручениях никто, кроме Лазоркевича и Харуса, не знал.

Однажды Лазоркевич познакомил меня с приехавшим в Прагу, кажется из Подебрад, эмигрантом Загаровым. Последний к этому времени был мобилизован в 9. Оперучастковую, в театральную. Запомнилось, в качестве руководителя художественной частью.

В целях легализации моего выезда Лазоркевич договорился с Загаровым, что из оперкомендатуры он мне вышлет вызов, по которому я должна буду заменить должность заведующей хореографической частью и танцовщицы в театре им. Заньковецкой.

Загаров этот вызов выслал вскоре, после прибытия в оперкомендатуру, мне сказал, после чего я возбудила ходатайство перед Советским консульством в Праге о выдаче мне паспорта на выезд в СССР.

Для облегчения устройства в СССР и для прикрытия моей разведывательной работы, Якубец

выдал мне партийный билет члена Коммунистической партии Чехо-Словакии.

Основными районом моей деятельности в СССР, согласно указаниям Якубека, должен был стать гор. Харьков.

Поэтому приехав осенью 1926 года в СССР я по формальным причинам оставил работу в театре им. Заньковецкой и из Днепропетровска, вместе с Лазаревичем выехал в г. Киев к районам Лазаревича, где в силу этого рода причин [illegible] было пробыть около 4-х м-цев. В Харьков мне удалось переехать на постоянное местожительство лишь весной 1927 года.

Советским Консульством в Праге мне было выдано разрешение на пребывание в СССР только лишь сроком на 1 месяц. Т.к. я в театре работал не долгий то этот срок не мог быть продлен. Поэтому я инструкции была сообщить по приезде Лазаревича зарегистрироваться с ним в ЗАГСе (в г. Киеве) после чего мне, как члену советского гражданства, продлили срок пребывания в Союзе.

В Киеве Лазаревич старался во что бы то ни стало достать для меня партийный билет члена КП(б)У, для чего он, выдавший мне Якубек, подобный член КПЧ, сдал в Киевский Партком. Последний выдал лишь справку о сдаче мною билета члена КПЧ.

По приезде в Харьков, я работал весной

в театре „Берегись", а впоследствии в театрах — им. Благитного, Самодеятельности, Сатиры, в клубе кожаной фабрики, имени Дзержинского и в др. местах. Пред поступлением работала в Харьковском Театральном Институте.

Вопрос: Что сделано Вами на территории СССР по выполнению полученных от Якубова заданий?

Ответ: На всей своей работе я старался и последовательно руководствовался указаниями Якубова.

а). Приехав в Харьков я зашла в Украинбанк, отыскала Гущина и передала ему „привет от Якубова просьбу помочь мне". Это было паролем, по которому Гущин должен был принять меня. В этот раз мы условились с ним о определенное время свидеться у него дома. Я записала адрес его квартиры и из Украинбанка ушла. С этого времени я была связана с Гущиным до его отъезда в Ново-Сибирск в 1929 г.

б). По состоявшейся вскоре после этого встрече и беседе у Гущина я от последнего получила соответствующий план работы и задания. Сводились к следующему:

Поддерживать с ним регулярную связь, путем систематических явок к нему по квартире (Гущин в то время жил дома, где помещался Украинбанк);

обязательство знакомиться среди военных и изучить взаимоотношения Мозгового с Сергеем Сергеевичем. С последним мне познакомиться вскоре по приезде нашем в Харьков.

г). И Гущина я познакомилась с Добротворским, Кутберговым

который по словам Гущина был, видно, офицантом Пятигорцы.

Добраговорский задавал мелкий вопрос о том, что делается в Чехо-Словакии. Это вызвало у меня некоторое подозрение, о чем я поделился с Гущиным. В ближайший день мне, назвав Добраговорского „своим человеком" с ним опять знакомиться было неудобно и опасно.

Добраговорский узнал адрес и квартиру.

2). В день из встреч с Гущиным я получил от него письмо, в котором он просил меня зайти к Якубову указание — установить с Чудаковым связь и с Хрущевым. Гущин порекомендовал мне направиться в Чешское Консульство, указав мне адрес такового.

Я направился в Чешское консульство и установил связь с Чудаковым. Последний рекомендовал мне поддерживать тесную связь с Гущиным и письма консульских получал на дом. К этому времени у меня имелись уже сведения об отношениях, которые были между Чешским Консульством и Карлом.

Осень
3). Летом 1924 года, на квартире у Гущина я получил задание от Бочарова и Добраговорского, выехать в Ленинград и Москву, посетить там Чехо-Словацкое посольство и лично передать Бурсе пакет, данный мне ими.

Это поручение я выполнил. Пакет от Гущина Добраговорского я лично вручил Бурсе.

В изложенном мною выше я подтверждаю, только имею дополнить показания, которые я давал 1927 году, что самостоятельно Бочарова мне ни-

отступлюсь. Сознаюсь последнее я не должен был говорить Марксу о наших разговорах с Гурой на ответе на приглашение мне посетить Сидуэлл-Хаус мне было неловко.

Гуры приняли меня очень любезно. Интересовались моими планами, работами. Вспоминали о Лондоне и об общих знакомых. Гура просил передать ему привет. Спрашивал, как он устроился в Чарлзе. Просил передать ему свой адрес в Чарлзе. Просил также передать привет Чехам и „не забывать Клубу". Они же вручили мне письмо для передачи, проживающему в это время в Харлове чеху Гаеку.

С последним, к этому времени, я был уже знаком через Хроуста, который познакомил меня с ним и впоследствии с чехом Хлоупеком, с которым я встретился в Харлове.

В субботу я был в Харлове и передал Гушеку и Гуре разговоры о результатах своей поездки, о нашей беседе с Гурой, о данных мне поручениях к Гуре и о письме для Гаека.

Гаек мою книгу из Англии забрал, но вскоре куда-то из Харлова выехал и встретиться с ним мне не пришлось.

11. По исполнении поручения мне Гурой я вскоре по возвращении из Англии отправился на дачу на квартиру к Гаеку и вручил ему письмо от Гуры. Дело в том, что я в Англии совсем забыл. Хотя это мне было известно до поездки передать ему письма, т.к. к этому

времени я неоднократно была у него на квартире.
Прочитав письмо Сара сказал мне, что ему срочно необходимо выехать в Крым. Спустя некоторое время он фактически из Харькова уехал в Херсонскую.

Ж/. После того когда Мозговой познакомил меня с Судоплатовым я в тот же 1927 году, точно указать не могу, посещала несколько раз квартиру Судоплатова. Пишу так потому, что Мозговой не посвящал Судоплатова в то, что я привлекалась к "чистой" разведывательной работе.

При моем посещении (вместе с Мозговым) квартиры Судоплатова ни о какой конспиративной работе не говорили. Упоминалось в разговоре общих знакомых Мозгового, Судоплатова и меня, имена которых сейчас не помню. От Харуна я впоследствии узнала, что Алексей арестован органами из руководителей организации сионистов-террористов на Украине.

Алексей - коротко знакомый Мозгового, изредка бывал у нас на квартире. Где работал не знаю.

С Судоплатовым Мозговой встречался очень часто, о чем я узнавала случайно.

З/. В 1927 году я Харуна из Крыма привезла Харун, который устроился на работу в филармонию здесь же в Харькове.

О привлечении Харуна к работе в пользу Чехословацкого правительства мне было известно еще с Крыма. Путфелов

У меня на квартире, по Чернышевской улице вскоре
крепко сдружились Харуда, Людвиков и Ольшер.
В моем присутствии их разговоры сводились чаще
всего к обсуждению об с-р работе.
и/ В 1928 году Людвиков [illegible] к нам
[illegible] по нашей квартире,
назвавшим себя Томеком.

Томек – рабочий, член КПЧ, в партию из Брно
вступил в 1928 году, работал мастером на одном
из заводов.

Томек обладал большой наблюдательностью, полученной в Сов. Союзе и наверно был возвращен
в Чехо-Словакию.

Со слов Людвикова узнал, что Томек по-
сетил Гудека. Суть разговора, состоявшегося
у них мне неизвестна.

В том же 1928 году Томек уехал в Чехо-Сло-
вакию, передав мне с Людвиковым для анализа
на квартиру по Чернышевской ул. д. 6 кв. 10. По-
сле его отъезда я с ним больше не встречался.

К/. Раньше я забыл упомянуть о том, что
перед поездкой нашей из Брно в Уфу Людвиков на-
писал Урбанеку письмо и получил от него ответ
через меня. Это получение и вручение
первого посещения моего чешского коллеги
в Казахстане. Об этом знал и Гудек.

После отъезда Урбанека из Казахстана – Гу-
дек, как известно, выехал неоднократно ра-

ждеством Чех-Словацкой разведки в Харбине М. однажды, в 1928 году я получила от Сущева письмо, в котором он просил меня встретиться с Мозжухиным в удобное время на квартире у известного мне тогда Когоута, с которым, как указывал в своем письме Мозжухин, будет удобно с ним встретиться. Когоут работал мастером на пивоваренном заводе и жил в Новой Бобрищи, где Мозжухин тогда жил.

На квартиру к Когоуту, согласно указаний Сущева, мы должны были встретиться с агентом Чешской разведки, поговорить с ним должен был Мозжухин.

Это встреча состоялась. Дальнейшую связь с ним мы встретились у Когоута или назначили. Из беседы, происходившей между ними, я поняла, что Мозжухин с приездом своим к Когоуту в гости, имел несколько иной и скрытый от меня характер. В квартире он работал наедине, в непроницаемости. (Шесть строк вырезано). Мозжухин требовал от интересующих материалов, о последней, что-то очень долго говорили между собой, обсуждали вопрос о материалах. Как помнится разговаривать этот вопрос не стали. Все разговоры происходили на русском языке, видимо он по национальности русский. В квартире Когоута чувствовалась себя свободно.

О своих впечатлениях от встречи я рассказала Сущеву. Больше я с этими людьми не встречалась.

М. В том году 1928 году я вместе с Мозжухиным

посетила квартиру наших общих знакомых, чеха — Ельника, недавнего ЧСР, приехавшего в Советский Союз в 1925 году и работавшего с Ольгой Ивановной по Х.П.З.

На квартире Ельника (в старой пятиэтажке Х.П.З.) мы застали Королевского Медведя и его жену. До этого я с ними знакома не была.

Мы разговорились. Беседовали на различные темы и в частности об отношениях актеров в Советском театре Королевского, недавнего ЧСР.

Неожиданно для меня, Королевский, сидя со мной у пианино, спросил — не передать ли кому-нибудь привет в Прагу" — имея ввиду старый актер меня. Я объяснила, что с радостью приняла бы и передала привет тому. Тогда он прямо поставил вопрос — „можно быть передать вам привет в Прагу".

Я ответила согласием и что бы скрыть смущение ответила ему шуткой, сделав вид, что не знаю к кому мои знакомые задают такой вопрос. Говорю — ничего сама уже передам кому привет, ибо скоро также собираюсь ехать в Прагу.

В дальнейшем знакомстве с Королевским я не видела, не получив на этот счет никаких указаний от чешских разведорганов.

Впоследствии я узнала о работе Королевского в пользу чешских разведывательных органов. С моей связи с последними ни кто не знакомил.

Я узнала, был ли он связан с Ельником и на

Антонова

квартире у последнего он часто встречался с Коронинским и Марковым.

В феврале связь с Гельмиком я не поддерживал и сведений о его принадлежности к органам чекистско-разведывательных органов я иметь не могу. Со слов Пятакова, Гельмик в его квартире происходили встречи упоминаемых выше лиц.

Из лиц круга Гельмика мне известен Федечек по национальности, пожилой чех.

В начале часто на квартире у Гельмика я встречал и познакомился также с инженером Ридрихом и его женой, с женой Федека, Соболевским и другими.

Знаю также, что Гельмик располагал широким кругом знакомых среди чехов-специалистов и мастеров, а также и среди немцев-специалистов, поскольку сам он прежде служил на Заводе с другими немецкими специалистами.

Гельмик бывал в чешской посольстве в Москве и ездил в Прагу. Его жена также ездила в Прагу.

М. В начале 1929 года, в один из дней, на квартиру к Гельмику я познакомился с Пятаковым Георгием и его женой.

Из разговоров Пятакова знаю, что Пятаков сблизился в Праге с Якубцом, приехал в Советский Союз по заданию чешской разведки и Гельмик был хорошим работником. Вскоре работа Пятакова больше пятилетнего им завода, продолжается по линии упомянутых органов-разведывательных.

Протокол

О. Кроме указанных лиц, с ними и связанных лиц агентов чешских разведывательных органов принадлежал еще и Стадник Владимир.

С последним письмом в Харьков поступило Мазуренко в 1929 году, незадолго до моего отъезда в Прагу.

Стадник просил меня передать его письмо, предполагая, что в то время я буду в Праге, о том что Пьяных приехал в Харьков. Все необходимое было поручено передать, чтобы при встрече они „заказали все необходимое". Это все мне нужно передать лично Стадника и Мазуренко, пояснив мне, что Стадник приехал на Украину по заданию Якубца и что условный фразой — „заказали все необходимое" — имелось в виду указать лично Стадника на необходимость заказать пред отъездом из Праги документы Якубца.

Поручение просьбу Стадника и Мазуренко я выполнила. Будучи в Праге я встретила Стадника и передала ему то что мне было поручено. Лично Стадника вскоре после этого из Праги выехала. Впоследствии переписка с ним прекратилась.

По этим поручениям я информировала Якубца. Стадник поддерживал тесную связь с Мазуренко и Пьяных.

Таким образом в шпионско-разведывательной работе я в Харькове была связана со следующими работниками чешской разведки: Кутявовым

с Сашей, Гущевым, Добровольским, Мазуренко, Харусей, Парамоновой, Коротковским, Волковой, Колодиной, с Ельниковым и Сабадиным, а в Москве с Сергей.

Вопрос: Сколько раз Вы ездили из СССР в Чехословакию и какова основная цель этих поездок?

Ответ: С июня 1921 года по 1938 год я из Советского Союза ездила в Чехословакию всего девять раз — в 1922, 1929, 1930, 1932 и 1933 году. В 1931 году я не ездила лишь по случаю болезненного состояния своего здоровья и беременности.

Эти поездки, в основном имели в задачи Клуба и проводимой мною шпионско-разведывательной работы в СССР, вызывались необходимостью поддержания связи с чешской политической полицией для передачи информационных материалов и получения дальнейших указаний по работе.

Вопрос: Расскажите конкретно о существе проведенной Вами и поручавшейся Вами мне работе, за которую Вашу поездку в антресольности?

Ответ: Моя первая поездка из СССР в Прагу состоялась летом 1928 года. Всегда сильно трудно не представляла, т.к. я имела все время по чехословацкому паспорту.

Перед отъездом Сушко тщательно инструктировал меня о том, с кем я должна встретиться в Праге. Встречаться.

Кроме этого, по неизвестным мне соображениям он предложил мне по приезде в Ригу, посетить сначала Сашу, который бежал из Харькова сразу после того как я ему привезла письмо от Сергея, — узнать "в каком положении дела" и лишь после этого явиться к Якубову.

Кроме Сашина я имела также и поручение к т. Фрумкину, который просил передать Якубову о том, чтобы последний обязательно вызвал бы к себе человека, который недавно по моей поездке бежал из Харькова в Ригу. Человек этот постоянно проживал в Риге, но приезжал туда из Харькова и виделся с Фрумкиным, о чем он дал ему ряд сведений необходимых Якубову. Фамилия этого человека начинается на букву С, точно сейчас я не помню, сам он украинец.

Три встречи с Якубовым и поручение Фрумкина выполнила.

Приехав в Ригу я, как мне было сказано Евгенией, посетила сначала квартиру Саши, где узнала, что по его приезде из Совхоза он был арестован и посажен в тюрьму. Причин ареста установить не удалось. После этого я направилась к Якубову.

При встрече с последним я подробно рассказала ему о проделанной мною работе в Союзе, о моих знакомствах, связях и т. п. В основном

и рассказала ему о всем том, что указано мною выше в этом же протоколе.

Рассказала также и о своих положительных впечатлениях от поездки в Мурманск и Одессу.

Еще до моей поездки в Крым в 1928 г. была вызвана в ГПУ Уер и сотрудником последнего Крамным была завербована в секретные сотрудники ГПУ.

Три встречи с Якубцем я подробно изложила ему об обстоятельствах моей вербовки в ГПУ и о данных мне поручениях.

Якубец был весьма доволен, что мне удалось установить связь с ГПУ Уер, ибо это давало возможность выявить интересующих ГПУ авторов, как по работе внутри Советского Союза так и по чехо-словакии.

Рассказав Якубцу о том, что Крамным мне было поручено завербовать в Крым с Крымарчека знакомых мне преподавателей сельхозинститута, с целью заинтересовать их возможностью поездки в Чехо-Словакию и выявить круг авторов и интересующих — он, Якубец, дал мне такой совет — довольно Крамному, что в Крыму видела, но заинтересовать его не смогла.

Якубец особенно подчеркнул необходимость быть осторожной во взаимоотношениях с ГПУ. Основанием к его инструктажу по этому поводу было то, что мне надлежало выдавать

Куприянова

скрывается от ОГПУ явно и других лиц, работу в почту Чехо-Словацкой разведки и выяснить круг вопросов, какими интересуется ОГПУ.

В случае посылки меня органами ОГПУ в Чехо-Словакию я должна была давать [illegible]. Это особенно предупреждал Якубец, т.к. кроме интересующих вопросов ОГПУ в Чехо-Словакии, которые Ян я сказал мне сообщил Якубцу — это давало ему возможность легализовать через меня связь с целой [illegible] чешских агентов, находящихся в СССР.

Я сообщила также Якубцу и о том, что Ладислав после завоевания Красным Домом [illegible] и после, как мы видели в последние годы.

За время пребывания в Праге (около 6 недель) я встречалась с Якубцем несколько раз. Однажды он предложил мне познакомиться с секретарем [illegible] народно-демократической партии Ф. Собору Гладвалек, который хочет меня видеть.

Гладвалек мне был известен по Парижу, как директор Чешско-Французского Банка. В Париже я была в 1924 году, где выступала, как балерина.

Согласно указаний Якубца я направилась в здание Народно-демократической партии и явилась к Гладвалеку.

Последний принял меня весьма любезно. Гладвалек [illegible] в Советском Союзе, много работал и имеет [illegible]

Не касаясь вопроса о моей связи с Якубцем, Гладвалек на [illegible] ряд моих знакомых чехов и приехавших из Чехо-Словакии [illegible], как

Гущина, Гаска, Когоута, Урусова, Забелкиного, Чарусь, Лозовского, Алексея и др.

Славянск интересовал, не стали ли чекисты за время пребывания в Сев. Большевиках и помнят ли они свою чекистскую.

Я проинформировала Славянск по интересовавшим его вопросам.

Когда я в разговоре упомянула имя Алексея, Славянск ни чем заинтересовался, сказал что это его старый знакомый, написал ему три или четыре маленькую записочку и вручил мне для передачи, просил никому ее не показывать. Содержание записки я не знаю. Поручение Славянска мною выполнено.

Указания Якубова о дальнейшей моей работе сводились к тому, что я должна поддерживать тесную связь с Гущиным и во всем руководствоваться его указаниями.

Еще раз подробно подчеркнул необходимость завязать знакомство в среде военнослужащих.

В случае перехода Лозовского сказал, что бы он ни было бы что он остался в Крыму.

После окончательного разговора с Якубовым я вернулась из Крыма в Х-ов.

По приезде в Х-ов я передала Гущину полученные мною деньги с Якубовым и Славянском. Алексею я вручила записку последнего. Сообщила и Чарусь о выполнении его поручения. Через день-два после моего приезда Алексей и Чарусь по какому-то военному делам выехали

Крым

в Киев.

Мазепенец я предвидел, что Якубец потребует от меня. Для того чтобы легализовать свою поездку в Прагу Мазепенец, согласно ранее данных мною указаний Якубцу, занялся оформлением моего выезда в Прагу. Ему удалось перезнакомить меня с Чехо-Словацкими и таким образом при помощи Красного ему удалось оформить мой выезд в Прагу.

Получив от Гушка какое-то задание Мазепенец в конце 1929 года или в начале 1929 г. выехал в Прагу.

По возвращении из Праги я продолжала работать согласно указаний Гушка, поддерживая с ним регулярную связь. Но вскоре в Гушке произошла резкая перемена в настроении, чувствовалось что Москва от него начинает что-то требовать. Почва ему уходила и что ему делать никто не знал.

В 1929 году Гушек выехал в Чехо-Словакию. Незадолго до его отъезда из Харькова выехали и жена с детьми, куда не знаю.

Вторая моя поездка из Усер в Прагу, согласно договоренности с Якубцем состоялась летом 1929 года.

За время пребывания с Якубцем, я кроме общей информации об политическом и политическом состоянии Сов. Украины, сообщала ему все известное мне о деятельности и поведении Мазепенца, Пищалевич, Коропецкого, Судзиловского, о происходящих свиданиях у Сальника а также и о том, что Коропецкий через Ме-

значения знает о моей принадлежности к работе чешской разведки.

Якубец сказал мне, что Корниевский работает в пользу чешских разведывательных органов и является связным между Прагой, Судетами и другой стороной Моравской.

Я Якубец подробно интересовался семьей Соколиков, но письмо Корниевского мне для него не давал.

В Вену отсюда будто в чех-словацкое посольство вопрос о том, с кем мне надлежит поддерживать связь.

Якубец предложил мне установить письменную связь с проживающим в Москве, некоей Жанной, информируя его условными сообщениями о проводимой работе в Судетах, а словесно обговорить установление с ним и личную связь. Тут же Якубец дал мне адрес этой письменной с ним связи — Москва, Цветной. Почтальону, до востребования, А.Л."

В эту встречу с Якубцем я получил было и письмо к его заместителю — Коваку. Последний был в полном курсе дела.

В ней сказано вопросов Ковак не задавал. Его интересовал лишь один вопрос — моя личная работа в Судетах по сносям нашей и слабые работы по линии военной разведки.

Узнав о том, что письмо в этой области мне не было им принято, Якубец предложил

о необходимости заняться. Отдай работой используя все возможности своего пребывания в Совет. Союз.

Инструктаж, полученный мною ранее от Якубуса, а теперь от Иоакима, по линии военной разведки, сводился к следующему:

Мне надлежало, используя свои возможности артистки, найти связи в военной среде. Тут где он указал целый ряд путей, делая упор на то что я артистка, — каким образом можно завязать знакомство и начать разрабатывать работу в военной среде.

Конкретно мне предлагалось изучить и обработать объект из состава [illegible] служащих Кр. Армии и завербовать его.

Подчеркивалось, что я как агент не должна быть настойчивой в достижении основной цели в моей работе — по линии военной разведки.

И Иоаким и Якубус в этом вопросе были в данную поездку за мной очень требовательны.

Условились встретиться с Якубусом в следующий раз, летом 1941 года в г. Ташкенте.

Из Харькова я отправила несколько писем Иоакиму в Москву и получила от него ответы.

Иоаким писал мне в каком-то одном — для меня почтовом, до востребования, Э. К. Куприяновой

Мы списались о встрече с ним в Москве. В одном из писем Эгак назначил день, час и место встречи — вблизи большой горы. Зимой 1929 года мы в первые 1930 года мы с ним встретились. Эгак тогда дал мне фиктивную карточку по всей видимости ученика и повёл меня по ней.

Вспоминаю, как зашли в кафе где я и познакомился Эгака або Вены — видимо свидетель о настроении Русских в Праге и Франции и о работах и поведении Лодыженьких, Пар. Павла, Кадлинского, Сердюка и др.

С Эгаком мы договорились о дальнейшей нашей с ним связи. Договорились и о том, что материалы получаемые мною от указанных выше лиц я лично отвезу летом 1930 года в Прагу.

Из беседы с Эгаком я выяснил, что он работает в Чехо-Словацком посольстве в Москве.

Эгак предупредил меня, что если мне понадобится известить Чехо-Словацкое посольство в Москве, так чтобы я его ни в коем случае не спрашивал, а обратился бы со словами — сапожником посольства. Об этом мне мне говорил и Якубец в Праге в встрече с ним 1929 года.

Внешне Эгак, в Чехо-Словацком посольстве был особенно сильно законспирирован, как сапожник говорил.

Эгаку около 40 лет, среднего роста, блондин шатен, бритый, среднего телосложения, по национальности

Кутафьев

носил чех, весьма патологический тип.

Расстались с ним в поезде в поселке Алексеевка в 4 часов. Больше я с Чехом не видался. Впоследствии переписку с ним поддерживал по 1932 год включительно.

Осенью 1929 года, в театре „Березиль" группа артистов познакомила меня с военным человеком, лицом начальствующего состава Красной Армии, посвятившим свою разведывательную деятельность на пользу [illegible]. Этот военный человек был в группе артистов „Березиль" и это мне его познакомило с ним не помню. Кроме артистов и этого военного человека в этой же группе артистов было еще двое в штатском, познакомил ли меня с ними военный или кто-нибудь из артистов, не помню.

В компании упоминавшихся Якубова и Новака я тогда была этому знакомому и сделала намеки на свою деятельность.

У меня сразу осталось впечатление, что он не прочь „поболтать" со мной.

Тут же я узнала, что он служит в одной из авиационных частей Московского военного округа, в г. Харьков приехал по делу.

Расставались в этот вечер мы условившись встретиться завтра. В строгой последовательности.

В Харькове после нашего с ним знакомства

Бутырова

он пробыл 7-8 дней и мы встречались с ним ежедневно. Обычно место встреч было в кафе и затем у меня на квартире, по Чистопрудному бул. в д. № 10.

К этому времени он с Зоей [illegible] разошлись и она жила в квартире одна.

Из последующих бесед я узнала, что зовут его Григорием Ивановичем, по фамилии Герасенко. Ему было 29-30 лет, по национальности русский, холост, жил в Москве по Тверскому бул. в д. № не помню у своей замужней сестры.

Герасенко увлекся мною.

В беседах с ним на разные темы я стала затрагивать и военные вопросы в таком разрезе, что мне мол нравятся военные люди, [illegible] что перед войной в Харькове произвели на меня колоссальное впечатление и стала просить его рассказать о парадах в Москве.

Герасенко вначале с энтузиазмом начал рассказывать Вр. Крымов смотре, а парады войск Московского гарнизона в особенности. Я стала задавать более конкретные вопросы о количестве танков, самолетов и т.п. Этому Герасенко вдруг резко прекратил [illegible] и строго — почему это меня интересует. Я отделалась фразой о простом женском любопытстве и затем замяла этот вопрос совсем. Я поняла, что перешла дозволенные [illegible]

Куприянова

Немедленно.

За эти 7-8 дней пребывания Сталина в Харькове мне не удалось создать почву для привлечения его к работе в пользу Чешской разведки. Но голову ему я показать все-таки успел. Я предполагал что он много узнает.

Уезжая в Москву он обещал приехать снова в Харьков через 4-5 недель.

Приблизительно через этот срок он действительно приехал снова в Харьков — в этот раз пробыл здесь лишь 2 суток.

В первый свой приезд в Харьков Сталин остановился в гостинице „Спартак", а во второй приезд в гост. „Интурист".

Во второй свой приезд, как и в первый Сталин был у меня на квартире.

Я постарался внушить ему доверие, а Сталин по разному старался вызвать к себе доверие, прежде всего за то, что он не в состоянии удовлетворить мою крайне низкую любопытность.

В процессе дальнейшей нашей с ним работы я как-то раз предложил ему написать „диссертацию" о комплектовании и пополнении самолетов и танков.

В ответ на это Сталин сказал, что если я интересуюсь военными сведениями не из простого любопытства, а по-

Немецкая, то я его не один раз уже спасал.
И тут Гене, боясь не обидеть меня, сел за стол
и на 1½ страничках бумаги собственноручно
написал удивительно — по его признанию,
сведения о количестве военных самолетов
танков и о их системах в РККА. Кратко
изложил некоторые данные о противохимической
обороне.

В соответствии с полученными в Праге ин-
структивными, меня интересовал вопрос о на-
строениях кругов из рабочих и крестьян и какая
точка зрения существует об отношении этих
двух сил к войне в будущем.

На это Гене сказал мне, что, по-
скорее, что рабочие больше хотят в будущей
войне, поскольку они воспринимают ее
в будущей войне меньшей степени вероятности. Это-то,
по его мнению, нельзя сказать о крестьянстве,
в отношении которого необходимо учитывать
некую будущую крестьянскую" (показания Гене
Елизаветы Сушенко)

С Сушенко знал, что я русский — эмигрант
и являюсь гражданкой Чехословакии. О том,
что я являюсь агентом Чехословацкой раз-
ведки ему я не говорила, т.к. не видела в
этом, что он этими моими сведениями будет
заинтересован.

Через день после встречи Сушенко уехал в Москву,

и приблизительно в декабре м-це [illegible] снова приехал и снова мы с ним встречались.

Немецкая школа по приезде в Харьков на этот раз была, убедившись лично в невозможности перехода в Москву, где я была прописана. Не пускали меня на юг.

От поездки с ним в Москву я отказалась, хотя он был крайне недоволен.

В Харькове я была связана деловыми отношениями по работе с Москвой [illegible] с другими [illegible] разрешения на право выезда поездку в Москву невозможной.

М. Ивановна и Ефросинья Ивановна уволились с работы, ибо они [illegible] а впоследствии в категорической форме, грубо требовали моего отъезда в Москву.

После этого я с Ефросиньей больше не встречалась.

Третья моя поездка из Харькова в Москву состоялась летом 1930 года.

Как я уже указывала выше, я в 1929 году в силу сложных [illegible] отношений была разлучена с Москвой, несмотря на то, что Эйхе в частной беседе мною интересовался на работе, тем более, что Молотов категорически возражал.

Деловая наша связь с ним не прекращалась. Не прекращалась также связь с Тарханом, Кацнельсоном и Сорокой.

При выезде в Прагу Тарханов [illegible]

Серова

Задания для передачи Якубцу. Материалы собрали в самостоятельной разведывательной организации.

Я обязана была передать Якубцу, что "почва накалилась" и что бы Якубец сейчас не предпринял чрезмерных требований.

Я имею все основания сказать, что установил за собой нашим наблюдением со стороны [illegible]

Об этом я передала Якубцу при встрече с ним, высказав свое мнение, что обстановка позволяет и дальше успешно продолжать, выгодно и нам полученную работу использовать.

В эту же встречу с Якубцом я проинформировала его и о нашем разговоре с Мозолевским.

Якубец этими были крайне недовольны. Все мои доводы по этому поводу были им признаны абсолютно неудовлетворительными.

Якубец категорически предложил мне держать связь с Мозолевским не ослабевая.

Вплоть, Мозолевский, Якубец просил продолжать продолжать работу не ослабляя ее темпов, но одновременно вести себя более осторожно.

По прежнему мне было предложено, поддерживать письменную связь с Ивой и восстановить с ним и устную связь.

В эту же поездку в Киев Якубец была направлена к Новаку, которому подробно доложила о моей связи с Мозолевским, передала записку (сводка о самолетах и танках) поездки. Кутферова

Новак дал такую оценку этим следователям — что успехами они никакими не удостаивались, но как заведено, заглянул к дальнейшему использованию Гершензона — следствие удовлетворительно окончено.

Новак обратил мое внимание на то, что не играет ли со мной Гершензон, как „кот с мышкой", не обрабатывает ли он меня. И дал положительную оценку поведению Гершензона.

Свои выводы по этому делу Новак изложил мне в крайне резкой форме. Он чрезвычайно был недоволен тем, что я не поехала в Москву. Он считал, что мне представилась весьма счастливый случай и что мне надо было просить его и вместе с Гершензоном в Москву. Он недоумевал по этому поводу, просил дать такую резолюцию, что мне за это следовало бы дома посидеть под арестом.

В результате мне было предложено, при возможной встрече с Гершензоном восстановить с ним практическое [illegible] и выехать в Москву. В отрицательном случае — предложено было уклониться от подписания и обработать другого человека из числа военнослужащих.

Приехав в Карлаг 9/VI по указанию Якубова перешла Мозгалевскому.

С Гершензоном больше не встречалась. Знакомых из военной среды у меня больше не было.

Вскоре по возвращении из Караганды я выехала с моим мужем, Солнышкиным Василием — на Кавказ, а по возвращении, в течение 3-х месяцев была.

Весь 1947 год я никакой работы проводила

не писала, т.к. была беременная. В мае 1991 года у меня
родился ребенок.

Стала я отправлять письма в Канск, с тем
чтобы он не волновался за мою судьбу, т.к. причина
моей беременности, а впоследствии беременность и
малого ребенка.

Следующая моя поездка в Прагу состоялась
летом 1992 года.

За две-три недели до выезда из Калуги ко-
рейка передал мне материалы для Якубца. Вы-
ехав со своими материалами он передал мне
и материалы Коромысло и Судака.

Совсем уже перед выездом в Прагу Пичуга
ка был арестован снова. К., Мазепкин, Ко-
ромысло и Судак опять были у нас с обы-
ском.

Мазепкин поручил передать Якубцу с со-
ответствующими пояснениями, подтвердив что он был прав
когда говорил, что „пока чисто". Всем дальней-
шим указаний Якубца.

По приезде в Прагу я передала материалы
Якубцу и обрисовала положение.

Якубец считал, что Пичуга в Канске ничего не
сделает и советовал обставить дело таким
образом, чтоб все заявили об Пичуге.

Я высказала и свое беспокойство по пово-
ду возможного ареста и суда. Якубец успокоил
тем, что меня как иностранку подданную Бель-
гии вряд ли арестуют. Митрофанов

Якубу не приходилось напоминать на моей безопасности, т. к. в Орлове оставались мой ребенок и жена.

Возвращаясь в Орлов Якубу дал указания о том, чтобы внучка меня направила на явку освободит, так чтобы я, получивши Королевский и Сергеев прекратили с ним всякую связь, т. к. по мнению Якубу он может в Гпу перевербовать для разработки всей сети. "А его могут выпустить, как птицу, напоказ чуть видя" — фразовые выражения Якубу.

По возвращении в Орлов я тщательно обдумал положение и составил.

Спустя некоторое время Перелыгина был освобожден.

Согласно указаний Якубу я встретил Перелыгину около ее дома и направился к ней и ей сказал только, что бы она находилась по месту.

Об его мне, которую я встретил у Ефимих я сказал, что в Гпу Перелыгина ни в чем не сознавалась.

Из бесед с Королевым и Сергеевым я узнал что они вели с Перелыгиной беседы.

Последний мне объяснил сказанул, что Перелыгина сказала мне относящейся ее арест.

Из-за этого мнения не создалось, а Королевский и Сергеев отношение по мне с Якубу

Шимом недовольна.

Такое мнение обо мне и Пирожке вскоре сложилось потому, что я избегала с ними встреч.

В тексте книги я написала, на чистом языке сообщила, что "девка Баська" (так было обусловлено называть Пирожку в письмах) – освобождена, на следствии ни в чем не созналась и что дело считается относящимся ко времени.

Об аресте Пирожки, как и многих, своевременно сообщили Жаку.

Жак успокоил всех, сказал мне, что это большое недоразумение и что скоро Пирожка будет по-прежнему работать.

Последняя моя поездка в Прагу состоялась в июне-июле 1933 года.

Я привезла картины [illegible] Собрания Украины и [illegible] о подготовке покушения [illegible] Пирожки.

Я убеждена, что Жак – [illegible] – и потребовал от меня, по возвращении в Харьков, [illegible] сообщить [illegible] и [illegible] работу. Он удивился обстоятельству, что с освобождением Пирожки [illegible] и [illegible] работе.

Антонов

После ареста [illegible] Якубовой была связи чисто
(Связь чисто агентурная)
деловые. Якубова
предать суду фашистской работы со стороны
лицея завербованных Мазоловским. Обещала по-
стоянно поддержать и новую документацию. Чувствовалось,
что Якубова решила перестраховать осуществляющую в
Харькове сеть.

После этого стало несомненным то, что Мазо-
ловский располагал еще одной линией связи с
Якубовой, мне неизвестной.

По возвращении в Прагу, в августе 1933 года,
я дважды встречался с Коромысским и напом-
нил ему о Якубе. Он обещал зайти по мне
в конце дня, но не зашел.

Встретился с Мазоловским, с которым дого-
ворились встретиться в следующий раз с ним
в Сердюкове, в сквере что по ул. Свердлова воз-
ле музыкального института.

Встреча состоялась. Сказал о поездке, что
Прага требует активной работы. Договорились,
что работу надо активизировать. Мазоловский
взял на себя обязанность переговорить с Пер-
фильевой и Коромысским.

В сентябре начались аресты. Был арестова-
ван Мазоловский, а затем Перфильева. Это обстоя-
тельство заставило меня законспирироваться и
прекратить всякую работу.

4 [illegible] ноября я был также арестован.

Вопрос: Каким образом и через кого осуществля-
лась связь

Чем финансировались поездки Вашей семьи в Харбин?

Ответ: Финансирование моих поездок в Харбин производилось по разным направлениям, но в основном все деньги шли из Ухты от Коми, так через мою приемную из Ухты в Москву.

Выше я указывал, что Мозжухин и Сердюк давали мне поручение передать в Ухте письмо Сотадиса фактически так: „Гонорар весь необходим". Это означало, что вся должна была явиться к Якуду и привезти от последнего не только документы, как я указал выше, а основное — деньги для всей сетки.

Знаю что Сотадис привез тогда из Якуда большую сумму денег, но сколько не знаю.

В конце 1928 года или в начале 1929 года Мозжухин привез из Ухты от Якуда 1.400 долларов.

Я лично получал от Якуда в разное время по 200 до 300 долларов. Первый раз, после поездки в 1926 году я получил 600 долларов с лишком.

От Ухты Коми в нашу Москву с ним в

Москве я получила 3.000 рублей советскими знаками.

Кроме этого существовал видимо еще какой-то источник финансирования. Так в 1932 году мне лично говорил Королевский, что он получил 200 долларов, но от кого не сказал. Позднее мне говорил примерно в 1929-1930 году, что тот же Королевский зарабатывал 120 долларов, точно не помню, мне по работе.

Вспомнила еще такую деталь: однажды Мазлоевский проговорился мне, что был в Москве, не желая объяснить причины своей поездки туда. Я написала об этом Лиду. Последний мне ответил, что о поездке Мазлоевского в Москву ему известно. Из этого я делаю вывод, что Мазлоевский посещал Чехо-Словацкое посольство в Москве.

Записано с моих слов правильно, мне прочитано в чем и расписываюсь.

Куперова

Допросил: Уполн. АО-ГПУ
Жер

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

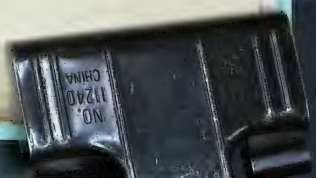
[illegible]

[illegible]

[illegible]

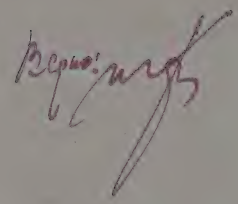
[illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [


NO.
1240
CHINA

NO.
11240
CHINA

NO.
11240
CHINA



Дополнительный протокол допроса
арестованной Куперфельд Эрнины Эрвиновны
от 15-го февраля 1934 года.

187

Вопрос: В Ваших предыдущих показаниях Вы указали лишь о Ваших встречах в Праге, в период эмигрантского пребывания из СССР — с Комиссаром чешской политической полиции Якубцем и его заместителем Новаком.

С кем еще, из видных политических или иных деятелей ЧСР, Вы имели встречи в период Вашего приезда в Прагу из СССР?

Ответ: Приезжая впервые из СССР в Прагу я, кроме Якубца и Новака встречалась еще и со следующими лицами, имевшими прямое или косвенное отношение к правительству ЧСР.

1. Бенеш Эдуардо — министром иностранных дел, а впоследствии премьер-министром правительства ЧСР.

В первые познакомилась с ним в 1925 году в бытность моего первого мужа дипломата.

В 1926 году, незадолго до моего отъезда в СССР, Бенеш представил меня президенту ЧСР — Масарику.

Встречалась с Бенешем в свои поездки в Прагу в 1928 и 1932 году.

Хорошо знакома с женой Бенеша — Сашкой Бенеш.

2. Грубан, имени не помню — председателем сейма.

Встречалась с ним в каждый мой приезд из СССР в Прагу.

Куперфельд.

3. Крамарж Карлом — председателем Народно-демократической партии, в бывшее время и текстильным фабрикантом.

К приезду своему пребывания в Праге не приглашал. Встречались с ним 2 раза.

4. Заборам, имени не помню — епископом Страговского монастыря, лидером клерикально-националистической организации „Людова Страна". Последнее оказывает большое влияние на правительство ЧСР. Заборам часто бывает в гостях у президента Чехословакии — Масарика.

Встречались с Заборамом 4 три своих поездки из СССР в Прагу.

5. Керлик Рамунек — доктором философии, доцентом Пражского университета, видным деятелем клерикально-националистической организации „Людова Страна". В последней партии занимает второе место после Заборама.

Встречались с ним в свои поездки в Прагу в 1932 и 1933 году.

6. Прайс Ярослав — доктором прав, бывшим генеральным директором Живностенского банка, самого крупного банка в Чехословакии. В бывшее время Прайс — лидером социал-демократической организации „Живностенска Страна".

Встречались с ним в свои поездки в Прагу в 1928, 1929 и 1932 году.

7. Костицкий Карлом — генеральным директором Живностенского банка в бывшее время.

Встречались с ним в 1928, 1929 и 1932 году.

Куприянов

9. Гловачек, имени не помню — секретарем народно-демократической партии, бывший директором Чехословацкого банка в Париже.

Встречалась с ним в мои приезды из СССР в Чехословакию в 1929, 1932 и 1933 году.

9. Тилат, имени не помню — генеральным директором Народного банка.

Встречалась с ним в периоды моего пребывания в Праге по приезде из СССР в 1928, 1929, 1930 и 1932 году.

10. Кержичка Чеком — членом пражского городского совета, по профессии — стоматолог-протезист.

Встречалась с ним в мои посещения в Праге в 1928 г.

11. Бакса Карлом — председателем пражского городского совета.

Встречалась с ним в 1928 и 1929 году.

12. Светлана Франо — генеральным консулом Чехословакии в УСР. В данное время генеральным консулом Чехословакии в Гамбурге.

Встречалась с ним в мои посещения из СССР в Чехословакию в 1928 и 1929 году. Переписка была поддерживала с ним из СССР до 1931 года включительно.

До 1926 года, т.е. до моего отъезда вместе с Мазоревичем из Чехословакии в СССР я имела еще много знакомых, занимавших видные посты в чехословацком аппарате УСР, но в свои приезды из СССР в Чехословакию, я с ними не встречалась.

Шутерова

Из числа знакомых этой категории считаю необходимым указать следующих:

Богомолова, имени не помню — бывшего первого посла УСР во Франции. В данное время он, кажется, работает послом УСР в Голландии.

Воска, имени не помню, бывшим организатором чешских легионов в Канаде и Соединенной Америке. В данное время — помощник, кажется на сахарном заводе в Збраславе.

Вопрос: Расскажите о характере Ваших встреч с Бенешем.

Ответ: В мой приезд в Прагу из СССР в 1928 году я, со своей замужней сестрой Шаламовой Ирушкой посетила курорт Яхимов.

К нашему приезду туда, там находился, проездом на несколько дней — Бенеш со своей семьей.

Зная их некоторое время знакомство. Помимо личных вопросов общего характера Бенеш задал мне вопрос о театральном искусстве в СССР вообще и в частности в УСР.

Кончив он мне задал вопрос — в какой мере в СССР все виды театрального искусства являются средством политической агитации. Я дала положительный ответ.

Далее он интересовался о театральном искусстве в Ленинграде и в УСР вообще, где именно проявляется большая активность к политической агитации, есть ли контакт между русским и украинским театрами и проявляется ли. Почему я интересуюсь не остановилась к украинскому театру, или последний превосходит сам себя.

В то время я не была еще вполне [illegible]

Антонова

компетентна в этих вопросах и потому удовлетворить его своими ответами я полностью не смогла. Помню, что сказала о том, что на Украине все виды театрального искусства имеют более национальный, этнографический характер, чем в России.

В основном Берия интересовался вопросами взаимоотношений, по линии театрального искусства, между украинским и русским театрами.

Немало его интересовали вопросы взаимоотношения актерского состава и много-ли среди украинских театров имеется иностранных актеров, в частности французов и французенок. Интересовался национальностью и честностью работников театрального искусства.

За время моего пребывания у Берии не встречалась с Берией второго раза. Разговоров на эту тему в эти наши встречи с ним не было.

Следующая моя встреча с Берией состоялась в 1932 году при следующих обстоятельствах: приехав в Прагу я однажды посетила „Representační dům města Prahy", где в то время состоялся большой концерт.

Здесь я, в антракте, встретилась с Берией, который пригласил меня к себе в свою ложу.

Поздравив меня с приездом он поинтересовался сначала — совсем ли я приехала сюда в Прагу или только в гости. Получив ответ, что я снова вернусь в СССР он выразил удивление, как меня не тянет и не тянет больше домой. С этого момента он начал интересоваться вопросами экономического состояния Украины. Я должна сказать по справкам недостатков как в продуктах питания, так и в промышленных товарах. Я подчеркнула что была в Москве. Он интересовался столь-ко-нибудь подробностей. Снова расспрашивал о театральном искусстве, особенно в Киеве и Харькове. Культурно-

Расспрашивал о работе индустрии СССР, о том какой вещевой вид имеет город Ревель и на Украине. Интересовался и тем, имеем ли в Харькове кинотеатр чехов.

На все его вопросы я давала исчерпывающие ответы не предвещавшая и не предполагая действительного положения.

Когда я на его вопрос о чехах сообщила, что приехала в Харьков всего около года, больше сказал: „Чехи на Украине были и будут."

Вопрос: Знал ли Бенеш о вашей работе на территории СССР в пользу Чехо-Словакии?

Ответ: Думаю, что нет. В разговоре со мной он не давал мне ни малейшего повода к тому, что бы проявить свою компетентность в моей работе в пользу Чехо-Словакии. С другой стороны он не получал никаких сведений о том, что я чехия на территории СССР могу остаться советским человеком. Ко мне он всегда видел чешку, крепкую патриотку.

Вопрос: Расскажите о характере ваших встреч с Фрубаном?

Ответ: В первый я познакомилась с Фрубаном на курорте в Подебрадах в 1925 году. В то время он был видным деятелем национально-политической организации „Любовь Отчизны".

В первый май приезд в Прагу из СССР (1934 г.) Фрубан был уже председателем сейма. Фрубан пригласил меня познакомить моей дочери Шаманковой.

Через несколько дней после моего первого приезда в Прагу я пошла к Фрубану в сейм. К этому времени он уже знал о моем приезде, через посольство.

Ирма Дерер.

Принял меня очень любезно. Засыпал целым рядом вопросов о СССР. Больше всего он интересовался коллективизацией. Подробно расспрашивал, как к ней относится крестьянство, нет ли тенденции к росту коллективизации или розничному торговцу.

Затронул вопрос о коллективизации, он очень интересовался общим настроением крестьянства, их материальной обеспеченностью, их реагированием на мероприятия партии и Советской власти по отношению к селу. Интересовался насколько крестьянство воспринимает и воспринимает советскую литературу и в частности антирелигиозную. Спрашивал меня – можно ли в данное время в крестьянстве продвинуть те или иные религиозные учения. Подробно расспрашивал об отношении крестьянства к здравоохранению, суду и т. д. и т. п.

Я рассказал ему что крестьянство настроено не против коллективизации, что никаких не дает никаких признаков к росту, о что есть массовое желание перехода сразу к индивидуальному хозяйству и о том, что вообще крестьянство настроено враждебно к Советской власти, получив последний сокрушительный отпор. Говорил также и о сильном религиозном духе крестьянства, несмотря на бешеную антирелигиозную пропаганду и разные ухищрения. При участии крестьянства в управлении государством я также высказался отрицательно указав на то, что для рабочего открыты все дороги, а крестьянство находится в загоне.

Кроме этого Сурдам интересовались наличием

Кутберов

в магазинах и вообще на рынке золота и никакой возможности публика покупать половое и носить например, золотые вещи.

Распространяться подробно о магазинах бытовых описаниях вообще и в частности в сёлах.

В свою поездку в 1928 году я видимся с Грубаном только один раз.

Никаких поручений он мне не давал. Просил не забывать о нем и при случае приехать к нему.

Я свои показания дал добросовестно. Записано с моих слов правильно, мне прочитано, в чем и подписываюсь.

Г. Кутафьев.

К сему: Помощник ст-ка 1 отд
Угро Фомичев

2. ГРУБАЙ, имени не помню – председателем сейма. Встречалась с ним в каждую мою поездку из СССР в Прагу.

3. КРАМАРЖ Карлом – председателем народно-демократической партии, а в данное время тенденциальным фабрикантом.

В периоды своего пребывания в Праге по приезде из СССР встречалась с ним 2 раза.

4. ЗАБОРАЛЬ, имени не помню – епископом Стрегомского новосвятия, лидером клерикально-националистической организации "Людова Страна". Последняя оказывает большое влияние на правительство ЧСР. ЗАБОРАЛЬ часто бывает в гостях у президента Чехо-Словакии – МАССАРИКА.

Встречалась с ЗАБОРАЛЬЮ в три своих поездки из СССР в Прагу.

5. ШРАМЕК Рудольф – доктором философии, доцентом Пражского университета, видным деятелем клерикально-националистической организации "Людова Страна". В последней занимал второе место после ЗАБОРАЛЬ.

Встречалась с ним в связи поездки в Прагу в [illegible] гг.

6. ПРАЙС прозвищем – доктором прав, бывшим генеральным директором Живностенского банка, самого крупного банка в Чехо-Словакии. В данное время ПРАЙС – лидер клерикально-демократической организации "Словенска Страна".

Встречалась с ним в свои поездки в Прагу в [illegible] гг.

7. ПОСПИШИЛ Кирилл – генеральный директор Пльзеньского банка в данное время. Встречалась с ним в [illegible] г.

8. ГЕЙЛАЧЕК, имени не помню – секретарем народно-демократической партии, банкир, директор чешско-французского банка в Праге.

Встречалась с ним в мои поездки по СССР в Чехословакию в [illegible] г.

9. ПАЛЕЦ , имени не помню – генеральный директор Пражского банка.

Встречалась с ним в периоды моего пребывания в Праге во время моих поездок по СССР в [illegible] годы.

10. [illegible] Чешский – чешский архитектор городского совета, по профессии строитель-архитектор. Встречалась в [illegible].

11. ЛАНГА Кирилл – председателем пражского городского совета.

Встречалась с ним в поездку в [illegible] г.

12. СВОБОДА Франц – генеральный консулом Австро-Венгрии в СССР. В данное время генеральным консулом Австро-Венгрии в Гамбурге. Встречалась с ним в мои поездки по СССР в Чехословакию в 1936 и 1937 году. Письменную связь поддерживала с ним по СССР до 1941 года включительно.

До 1936 года, т.е. до моего отъезда вместе с [illegible] из Австро-Венгрии в СССР, я имела еще много [illegible], являющихся нашими гостями в дипломатическом аппарате СССР, но в силу отъезда из СССР в Чехословакию я с ними не встречалась.

В наших беседах этой поездки стало возможным узнать следующее:

[illegible] – много не пишет, больного перенёс операцию [illegible] в Одессе. В данное время за границей работает [illegible] в Германии.

[illegible], много не пишет, больной эрителенгерзы [illegible] работает в Польше и живёт в Северной Америке. В данное время [illegible], живет по собственной воле в Израиле.

[illegible]: Работает в кинотеатре больших городов в [illegible].

[illegible]: В 1961 приехал в Одессу из СССР в 1969 г. и со своей женой [illegible] Одесской Румынии известная артистка живут плохо.

[illegible] живёт в Израиле, [illegible] работает на заводе со своей женой. Живут по-прежнему [illegible]. После нескольких операций живет плохо. [illegible] имел разговор с театральным искусством в СССР [illegible] и с евреями в СССР.

Тут он же как сказал [illegible], видел он, что в СССР как вид национального искусства является средством [illegible] культуры. У него положительный опыт.

Также он интересовался театральным искусством в [illegible] и СССР вообще, где можно организовать [illegible] постановку с политической критикой, есть ли какая-нибудь [illegible] и украинским театрам и хранится ли [illegible] [illegible] из жизни в украинскому театру, или [illegible] [illegible] на это.

В то время я не была еще в достаточной степени компетентна в этих вопросах и потому удовлетворить его своими ответами я полностью не смогла. Помню, что оказалось в том, что на Украине все виды театрального искусства более насыщенный агитационно-пропагандистский характер, чем в России.

Он живо интересовался вопросами взаимоотношения на сцене театрального искусства, между русским и украинским театрами.

Кроме его интересовались вопросами квалификации актерского состава и может ли в труппе украинских театров состоять иностранные актеры, в частности француженки и француз. Интересовался материальной обеспеченностью работников театрального искусства.

За время моего пребывания в Киеве встречались с ним два раза. Разговоров на другие темы в эти два раза не было.

Последняя моя встреча с ним состоялась в 1919 году при следующих обстоятельствах: приехав в Прагу я посетила кафе "Театральный дом города Праги", где в то время состоялся большой концерт. Здесь я в антракте я встретилась с ним, который пригласил меня к себе в свою ложу.

Разговор мой о приезде, он интересовался сначала, своем ли я приехала в Прагу или только в гости. Получив ответ, что я скоро вернусь в СССР, он выразил удивление, как меня не пугает и не гонит отсюда голод. С этого момента он начал интересоваться вопросами экономического состояния Украины, в данный момент, не скрывая

[illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] [illegible] [illegible] [

В первый мой приезд в Прагу из СССР в 1928 г. ГРУНАЙ был уже председателем Сейма. ГРУНАЙ является хорошим знакомым моей сестры ЖИЛИНСКОЙ.

Через несколько дней после моего первого приезда в Прагу, я зашла к ГРУНАЙУ в Сейм, с кем время он уже знал о моем приезде через мою сестру.

Принял меня очень любезно. Затронул целый ряд вопросов о СССР. Больше всего он интересовался коллективизацией. Подробно расспрашивал как к таковой относится крестьянство, имеется ли тенденция к росту коллективизации или развалу таковой.

Указывая вопрос о коллективизации, он очень интересовался общим настроением крестьянства, их материальной обеспеченностью, их реагированием на мероприятия партии и Советской власти по отношению к селу. Интересовался насколько крестьянство воспринимает и воспринимает Советскую агитацию вообще и в частности антирелигиозную. Спрашивал меня можно ли в данное время в крестьянстве пробудить те же старые религиозные чувства. Подробно расспрашивал об участии крестьянства в управлении государством и т.п. и т.д.

Я рассказала ему, что крестьянство настроено против коллективизации, что таковая не дает никаких признаков к росту, а что есть массовые случаи перехода снова к индивидуальному хозяйству. Говорила и о том, что вообще крестьянство настроено враждебно к Советской, поскольку последней воспринимает отрицательно. Говорила также и о сильном религиозном духе крестьянства, несмотря на

большую антисоветскую пропаганду и закрытие церквей. При участии крестьянства в управлении государством в таких выражалась откровенно, указав на то, что для рабочего открыты буквально все дороги, а крестьянство находится в [illegible].

Кроме этого, ГРУЗИН интересовался наличием в магазинах и вообще на рынке золота и имеет ли возможность публика покупать таковое и носить, например, золотые вещи.

Расспрашивал подробно о материально-бытовых условиях населения вообще и в частности в городах.

О свою поездку в 1938 году я виделась с ГРУ- [illegible] только один раз.

Никаких поручений он мне не давал. Просил не забиться с ним и при вторичном приезде заходить к нему.

Дальнейшие показания дам дополнительно.

Записано с моих слов правильно, мне прочитано, в чем и подписываюсь.-

[illegible]

ДОПРОСИЛ:

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ОО УГБ и ГПУ НКВД - СЕРЕБРЯКОВ.

2 дополнительный протокол допроса
арестованной Купферовой Эрнестины Эрнестовны
от 16-20 февраля 1941 года.

Вопрос: Расскажите о характере Ваших дальнейших встреч с председателем сейма Дубаком?

Ответ: Мой второй приезд из СССР в Чехо-Словакию состоялся летом 1929 года.

Как я указывала в моих предыдущих показаниях, моя сестра Ружена Шаманова, состоящая в коммунистической партии Чехии, близко сошлась в Карлсбаде с Дубаком, который был членом чехословацкого парламента.

Вскоре по моем приезде в Прагу Шаманова пригласила меня, что Дубак очень хочет меня видеть и просит в такое то время придти в кафе „Золотой Орел".

В условленное время я пошла к Дубаку. Встретив меня, последний, после взаимных приветствий и поздравлений завел речь на тему вопросов о СССР. Основными из них следующие:

1. Как обстоит дело с коллективизацией, и каково к ней отношение крестьянства;

2. О национальной политике Советской власти и о положении с нацменами на территории СССР. Какая разница в национальной политике между царской Россией и объединенными в Союз Советских Республик. Какова привилегированность прав последних перед первыми.

3. Как велика заработная плата промышленных рабочих. Какова цена на промтовары и продукты питания. Об обеспеченности [illegible] рабочего, его про-

Купферова.

политический минимум.

На все эти вопросы я дала примерно следующие ответы:

1. Дело с коллективизацией благодаря целому ряду мероприятий компартии и Советской власти очень медленно, но все-таки подвигается вперед. Крестьянство, его основная политическая часть его, настроено в этих вопросах большинством враждебно. Общее настроение крестьянства плохое, в колхозы не желают идти долго и бедняки.

В связи с коллективизацией Грубан и в этот раз тесно увязывал с вопросом о религии и о дальнейших мероприятиях компартии в этом направлении. Я ответила, что религиозные пережитки крестьянства в основном изжиты партией довольно высокими.

2. По второй группе вопросов я информировала ответами не могла, ввиду моей неосведомленности в этом. Сказала, что вообще нашего сближения слишком большие, особенно на политическую часть крестьянства.

Грубан упрекнул меня в том, что я в отношении политического вопроса слабо ориентируюсь.

3. В отношении 3-ей группы вопросов я объяснила так: Заработная плата промышленных рабочих высока с точки зрения действительного покупателя. На самом же деле цены на продукты питания настолько высоки, что зарплата рабочего не обеспечивает его прожиточного минимума.

С моей приезд 1929 года встречалась с Грубаном один раз. Прощаясь со мной Грубан вторично поинтересовался, что в следующий мой приезд в Прагу я привезу с собой с Запада большинство новостями о СССР.

В следующий свой приезд в 1930 году я с Грубаном не виделась, видимо, потому что к моему приезду умер его сын.

В 1931 году я в Праге не была вовсе. Летом 1932 года

Н. Петрова

Шапошников снова мне предлагал, чтобы в удобном месте, в определенное время меня будет ожидать Грубан, который очень хочет меня видеть.

В сентябре я выехал в Прагу на „Бременские". Я пригласил со своей сестрой.

Вместе с Грубаном мы заехали к инженеру Чукеру Карлу, сигарозаводчику в г. Пльзень на Погорже. С Чукером я и сестра были знакомы по Ялте.

Грубан, как всегда, встретил нас очень гостеприимно. В разговоре выяснилось, что не зря возникали вопросы меня в мой приезд в Москву, после нескольких обменов разговоров снова начал меня подробнейшим образом расспрашивать о СССР.

По отношению вопросов, заданных мне Грубаном в бытность в сентябре, приложил следующее:

1. Сплошная коллективизация и ликвидация кулачества. Имеются ли на самом деле настоящие участники в коллективизации или это только „коллективизация на бумаге"? Что сталось с кулачеством. Меры применяемых к ним репрессий к ним. Реакционная противодействия в ответ на применяемые репрессии к кулачеству. Настроения крестьянства. Есть ли сдвиг в сторону улучшения или к ухудшению материального и морального состояния крестьянства в связи с последними мероприятиями Компартии и Советской власти по отношению к селу. Сдвиг в настроениях рабочих — как результат полного планирования Советской власти или как саботаж крестьянства. Компартийная масса на селе.

2. Индустриализация промышленности. Привлечение иностранных специалистов. Имеется ли тенденция к уменьшению числа таковых или наоборот — к увеличению. Какова тенденция к росту своих, советских кадров. Должен ли Советский аппарат без иностранных специалистов. Материальная обеспеченность последних.

Крутовой

3. Настроения промышленных рабочих Киева с новостями продуктов питания и промышленных товаров. Имеются ли сами фактические отзывы рабочих с которых взяты компании в своих докладах или эти отзывы получены второго рода информации. Авторитет компании в среде промышленных рабочих. Авторитет КП(б)У среди указанного населения в целом.

4. Как влияют на происходящие процессы в окраинах Киева враждебная вообще, в частности сторона интеллигенция. В каком виде городского населения — как одет, питается ли тенденция к улучшению материально-бытового положения интеллигенции.

Ну вот и все относительно состояния сахарной промышленности на Сов. Украине.

Как и в предыдущие разы я, старался удовлетворить своими ответами Центра не стесняясь, однако не скупился в антисоветских формулировках, при освещении того или иного, затронутого мною вопроса.

В основном мои ответы были таковыми:

1. Стопроцентная коллективизация есть принудительный метод компании и Совласти к обездоливанию колхозного строя, подкапывающихся, враждебных элементов. Враждебность идет в колхозы не потому, что хорошо воспринимают колхозы компании, а потому что боятся репрессий. Методом террора запугивают крестьянство и в колхозы загоняют всех подряд — единоличников и некоторую часть середняков. Этот метод не годится, т.к. даже и бедняки добровольно в колхозы не идут.

Антисоветская пропаганда представляла собой самую отвратительную, безчеловечную картину: человека

совсем обрабочт, заберут все что у него осталось, а потом отбракуют его из-за не собственного вина и снова его за что отправляют на завод. Были и отдельные некоторые фактические в работе положительные так только благодаря тому, что не разрешалось крестьянство бегать быть раскулаченным и поэтому идет в колхозы. Настроение крестьянства в общем — письма плохие. Все ждут гибели Советской власти. На этой почве крестьянство саботирует все распоряжения и мероприятия колхозные и правительства.

Совсем отрицательный процент среди молодежи не принимает советскую агитацию полностью. Тенденция к росту среди таких не наблюдается. Авторитет комсомола в целом среди крестьянства отрицательный.

2. Настроенность промышленных рабочих и иностранных специалистов больших, но имеется тенденция к уменьшению такового вследствие роста собственных Советских кадров. В среде рабочих имеются предположения в промышленности авторитет иностранных специалистов быстро падает на убыль. Материальная обеспеченность является удовлетворительная несмотря на общий недостаток в продуктах питания.

3. По следующей группе вопросов я должен сказать исключительно отрицательное мнение. Советской власти с целью материальной обеспеченности промышленных рабочих резко повышается производительность труда и создаются стахановские настроения. Настроений отрицательных наблюдается у молодой части рабочих, среди комсомольцев и др.

Читателев

тийцев. Старые же рабочие кадры работают страха ради. Резко упал авторитет коммунистов среди рабочих вообще и среди промышленных рабочих на Украине в особенности.

4). Кадры старой интеллигенции относятся к происходящим процессам в СССР исключительно отрицательно. Молодая, советская интеллигенция также в основном настроена враждебно ввиду материальной необеспеченности, роста дороговизны, отсутствия некоторых необходимых удобств быта и т.д. и т.п.

Указания специальных поручений по работе на территории СССР в пользу Чехо-Словакии я от Грубана не получала.

О личных моих показаниях дам дополнительно. Записано с моих слов правильно, мною прочитано и собственноручно подписано.

Допросил: Ушаков-Ко. Чко и Дмитриев

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованной КУЛИКОВОЙ Ирины Ефимовны

от 16 февраля 1938 года.

ВОПРОС: Расскажите о характере Ваших дальнейших встреч с председателем Сейма ГРУЗИНОМ.

ОТВЕТ: Мой второй приезд из СССР в Чехословакию состоялся весной 1929 года.

Как я указывала в моих предыдущих показаниях, моя сестра Ружена ПАЛАНОВА, состоящая в эмиграции во Франции при НАНСЕНЕ, близко стоящим к верхушке "Белой стражи" - находилась в самых приятельских отношениях с председателем сейма ГРУЗИНОМ.

Вскоре по моем приезде в Прагу ПАЛАНОВА передала мне, что ГРУЗИН очень хочет меня видеть и просит в такое-то время прийти в кафе "Золотой Гусь".

В условленное время и место я пошла к ГРУЗИНУ. Встретясь с ним, поздоровавшись, после обмена приветствий и воспоминаний, завязался общий разговор вопросов о СССР. Основные из них следующие:

1. Как обстоит дело с коллективизацией, о голоде и о крестьянстве вообще;

2. О налоговой политике Советской власти вообще и в частности о налогах на крестьянство. Какая разница в налоговой политике между крестьянскими хозяйствами отдельными и колхозы и единоличными. Каковы преимущества первых перед вторыми.

3. Как велика заработная плата промышленных рабочих. [illegible] и средства питания. Обеспечивает ли зарплата рабочего, его прожиточный минимум.

На все эти вопросы я дала примерно следующие ответы:

1. Дело с коллективизацией, благодаря целому ряду мероприятий Компартии и Советской власти, очень медленными темпами подвигается вперед. Крестьянство, особенно зажиточная часть его, настроено в общем и целом коллективно враждебно. Обще настроение крестьянства плохое, а колхозы не только идут даже и бедняк.

Вопрос о коллективизации ГРУППЫ и в этот раз тесно увязывал с вопросом о религии и о дальнейших мероприятиях Компартии в этом направлении. Я ответила, что религиозные чувства крестьянства в основном остаются попрежнему сильными.

2. По второй группе вопросов я исчерпывающего ответа дать не могла, ввиду моей некомпетентности в этом. Сказала, что вообще налоги слишком большие, особенно на зажиточную часть крестьянства.

ГРУППА упрекнула меня в том, что я в столь важном политическом вопросе слабо ориентируюсь.

3. В отношении 3-й группы вопросов я ответила так: Заработная плата промышленных рабочих низкая в общем уровне довоенного времени. На самом же деле цены на продукты питания настолько высоки, что зарплата рабочего не обеспечивает его прожиточного минимума.

В мой приезд 1939 года встречалась с ГРУБАНОМ один раз. Прощаясь со мной ГРУБАН выразил пожелание, что в следующий мой приезд в Прагу я приду к нему с хорошими известиями о СССР.

В следующий свой приезд в 1940 году, я с ГРУБАНОМ не виделась, видимо потому, что к моему приезду умерла его жена.

В 1941 году я в Праге не была вовсе. Летом 1942 года ПАЛАНДЕК снова мне передала, что в условленном месте, в определенное время меня будет ждать ГРУБАН, который очень хочет меня видеть.

Встреча состоялась в Праге на "Вацлавске", я пришла со своей сестрой.

Вместе с ГРУБАНОМ мы застали инженера ШУЙЕРА Карла, сахарозаводчика в г.Пшимонде на Мораве. С ШУЙЕРОМ я и сестра были знакомы со этого.

ГРУБАН, как всегда, держался исключительно любезно. Выразив сожаление, что он не имел возможности видеть меня в мой приезд 1940 года, он, после нескольких общих разговоров, снова начал меня подробнейшим образом расспрашивать о СССР.

По основным вопросам заданным мне ГРУБАНОМ в эту встречу, отношение следующее:

1. Сплошная коллективизация и ликвидация кулачества. Имеются ли на самом деле некоторые достижения в коллективизации, или это только "коллективизация" на бумаге". Что сделось с кулачеством. Меры применяемые репрессий к ним. Реагирования крестьянства в целом на применяемые

[illegible] к кулачеству. Настроения крестьянства. Куда он идет в сторону улучшения или ухудшения материального и морального состояния крестьянства в связи с последними мероприятиями Компартии и Советской по отношению к селу. Уровень и отдельных районах - как результат такого мероприятия Советской или как саботаж крестьянства. Рост партийных ячеек на селе.

2. Последствия проведенных предприятий иностранными специалистами. Имеется ли тенденция к увеличению числа таковых или наоборот - к уменьшению. Какова тенденция к росту своих, советских кадров. Может ли Советская обойтись без иностранных специалистов. Материальная обеспеченность прежних.

3. Настроения промышленных рабочих в связи с недостатками продуктов питания и промышленных товаров. Имеется ли на самом деле тот энтузиазм рабочих, о котором кричит Компартия в своих лозунгах и прессе, или этот энтузиазм диктуется страхом быть репрессированным. Авторитет Компартии в среде промышленных рабочих. Авторитет КП/б/ среди рабочего населения в целом.

4. Как реагирует на происходящие процессы в сферах интеллигентная масса, в частности сферы интеллигенции. Внешний вид [illegible] науки - так ли [illegible] ли тенденция к ухудшению [illegible] материально-бытового положения интеллигенции.

[illegible] интересовался состоянием северной промышленности на Сахалине.

Как и в прошлые годы, я, стараясь удовлетворить своими ответами ГРУППА, не стесняясь, верное

не скупились в антисоветских формулировках, при освещении того или иного затронутого им вопроса.

В основном мои ответы были такими:

1. Сплошная коллективизация есть принудительный метод Компартии и Советской власти к об"единению в колхозную базу индивидуальных крестьянских хозяйств. Крестьянство идет в колхозы не потому, что хорошо воспринимает лозунги Компартии, а потому, что боится репрессий. Методом разгрома зажиточных крестьянских хозяйств, Компартия думала сколотить бедноту и некоторую часть середняков. Этот метод не удался, так как даже и бедняки добровольно в колхозы не идут.

Ликвидация кулачества представляла собой самую страшную, бесчеловечную кампанию: человека совсем отработал, забирут все, что у него имеется, а потом выбрасывают его из его же собственного дома и неизвестно за что отправляют на север. Если и имеются некоторые достижения в росте коллективизации, так только благодаря тому, что не раскулаченное крестьянство боится быть раскулаченным и поэтому идет в колхозы. Настроение крестьянства в целом весьма плохое. Все идут гибели Советской власти. На этой почве крестьянство саботирует все распоряжения и мероприятия Компартии и правительства. Совсем незначительный процент сельской молодежи воспринимает советскую агитацию положительно. Тенденции к росту сельских партийных ячеек не наблюдается. Авторитет Компартии в целом среди крестьянства исключительно отрицательный.

2. Рентабельность промышленных предприятий [illegible] большая, но имеется тенденция

к уменьшению текучей в связи с ростом собственных советских кадров. В связи с ростом внимания правительства к промышленности, авторитет иностранных специалистов быстро идет на убыль. Материальная обеспеченность инженеров удовлетворительная, [illegible] качества и уровня продукции низкие.

3. По следующей группе вопросов я давала общую положительно отрицательного порядка. Говорила, что в связи с общей [illegible] обеспеченностью промышленных рабочих резко повышается производительность труда и совершаются серьезные построения. Некоторый скептицизм наблюдается у молодой части рабочих, среди комсомольцев и партийцев. Старшие же рабочие кадры работают старое рвение. Резко упал авторитет Компартии среди рабочих вообще и среди промышленных рабочих на Украине в особенности.

4. Кадры старой интеллигенции относятся к происходящим процессам в СССР исключительно отрицательно. - Молодая, советская интеллигенция также в основном настроена враждебно, ввиду материальной необеспеченности, роста дороговизны, отсутствия некоторых необходимых предметов потребления и т.д.

[illegible] специальных поручений по работе на территории СССР в пользу Чехо-Словакии я не [illegible] на [illegible].

Дальнейшие показания мои дополнительно.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано и собственноручно подписано.

О. КУЛЬПРОВА.

ДОПРОСИЛ: [illegible] (ОПРОШЕННОЕ)

Выписка из протокола

Заседания Коллегии ОГПУ (распорядительное) от „16" [illegible] 193) г. 4

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
1.Ходатайство ГПУ УССР о продлении срока содержания под стражей гр.ИЛЬЕРОВОЙ Ирины Ирвиновны, обвин. по 54/6 ст.УК УССР.	Войти с ход. в През.ЦИК СССР о продлении срока содержания под стражей гр. ИЛЬЕРОВОЙ Ирины Ирвиновны на один месяц.

1092

Секретарь Коллегии ОГПУ

К след. делу № 1005.

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е.

г. Харьков. 1934 г. Февраля 23 дня, я, Уполномоченный ИНО ГПУ УССР ШМАЛЬЦ, рассмотрев материали по обвинению гр. КУПФЕРОВОЙ Эрвины, Эрвиновны, в преступлениях, предусмотренных ст. 54-6 УК УССР,

Н А Ш Е Л,

что КУПФЕРОВА Э.Э. проходит по материалам, как агент чешских разведывательных органов, а потому,

П О С Т А Н О В И Л:

1) Имеющиеся материали в отношении КУПФЕРОВОЙ Э.Э. из след. дела № 1005 из"ять и передать в Особый Отдел ГПУ УССР.

2) Арестованную КУПФЕРОВУ Э.Э., числящуюся за ИНО ГПУ УССР, перечислить за ОО УВО И ГПУ УССР.

3) Копию настоящего постановления препроводить прокурору и УСО ГПУ УССР.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ИНО ГПУ УССР (ШМАЛЬЦ).

СОГЛАСЕН: ПОМ НАЧ ИНО ГПУ УССР (САМОЙЛОВ).

УТВЕРЖДАЮ: НАЧ ИНО ГПУ УССР (КАРЕЛИН).

К след.делу № 1005.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По делу КУПФЕРОВОЙ Эрвины Эрвиновны, обвиняемой в преступлениях, предусмотренных ст.54-6 УК УССР.

Особым Отделом УВО и ГПУ УССР в 1933 году вскрыта и ликвидирована эсеровская к-р.организация, созданная и руководимая заграничным с.р.центром в Праге (Чехо-Словакия).

Организация связана была с Чешским Генеральным Штабом.

В практической деятельности организация проводила широкую повстанческую, вредительскую и разведывательную работу, направленную к свержению Сов.власти и отторжению Украины от Советского Союза путем вооруженного восстания и интервенции.

В качестве обвиняемой в проведении разведывательной работы в пользу Чехо-Словакии привлекается чехо-словацкая гражданка КУПФЕРОВА Эрвина Эрвиновна, находящаяся в деловой связи с рядом членов с.р.организации, также проводивших разведывательную работу.

Арестованная 5/XI-33г. КУПФЕРОВА Э.Э. показала:

По окончании средней и балетной школы выступала как балерина в Праге, Берлине и Париже.

В 1925 г. на Подебрадском курорте КУПФЕРОВА познакомилась и близко сошлась с б.петлюровцем МАЗЮКЕВИЧЕМ Юрием, студентом Подебрадской с.х. Академии, членом "Союза Студентов граждан УССР в ЧСР", уговаривавшем ее ехать в СССР (стр.26).

Спустя некоторое время в том же 1925 г. КУПФЕРОВА была вызвана руководителем политической полиции доктором ЯКУБЦОМ и завербована для агентурной работы в Советском Союзе.

После подготовки КУПФЕРОВА сведена была в политполиции с МАЗЮКЕВИЧЕМ и его другом - председателем "Союза" ХАРУСЕМ, с которыми должна была проводить в Сов.Союзе разведывательную работу.

В задачу КУПФЕРОВОЙ входило: вербовка военнослужащих РККА, наблюдение за работой МАЗЮКЕВИЧА и ХАРУСЯ, установление связи с чешским резидентом в Харькове - ГУШЕКОМ.

> ..."Основным являлось завести знакомство в военной среде и постепенно, изучив подходящего человека из военных, вербовать его для работы в пользу Чехо-Словакии.
> ..."А как чешка должна кроме своей непосредственной работы наблюдать за поведением и связями МАЗЮКЕВИЧА и ХАРУСЯ.
> ..." В Харькове по указаниям ЯКУБЦА и должна была связаться с чехом ГУШЕКОМ - директором Укрлибавка и поступить в его распоряжение"
> (Стр.28,29,30,83).

Через уезжавшего из Праги на Украину ЗАГАРОВа - руководителя художественной частью театра им. ЗАНЬКОВЕЦКОЙ в Днепропетровске, КУПФЕРОВОЙ устроено было приглашение на работу в этот театр.

Для лучшей зашифровки истинной цели пребывания КУПФЕРОВОЙ на Украине, доктор ЯКУБЕЦ выдал ей билет члена компартии Чехо-Словакии. (Стр.28,83).

В октябре 1926 года КУЛЬЕРОВА вместе с МАЗУКЕВИЧЕМ выехала на Украину.

К работе в театре не приступила.

Оформила брак с МАЗУКЕВИЧЕМ, что дало возможность остаться в СССР. Вплоть до ареста проживала в Харькове и работала в театрах и клубах как постановщик балета и педагог. (Стр.30,31).

Практическая разведывательная работа КУЛЬЕРОВОЙ состояла в следующем:

..."1)Поддержании связи с чешским резидентом ГУШЕКОМ и выполнении его заданий.

2) После высылки ГУШЕКА из пределов Советского Союза, связана была с чешским резидентом в Москве "МАКОМ".

3) Вела наблюдение за МАЗУКЕВИЧЕМ и группой связанных с ним чешских агентов-эсеров.

4) При легальных поездках в Прагу в 1928,1929,1930,1932 и 1933 г. отвозила материалы агентуры и привозила инструкции.

5) Занималась самостоятельно разведывательной работой и в частности обработав полученные военные сведения у командира РЯКА ГЕРАЩЕНКО, передала доктору ЯКУБЦУ полученные члена УВО (профессора ЛОЗИНСКОГО).

6) Связана была с секретарем Народно-Демократической партии ГОЛОВАЧЕКОМ (бывшим директором чешско-французского банка в Харькове), информировала его о чехах, живущих в Харькове, выполнила его поручение по передаче письма Алексею (ГАВЛЕ), живущему в Харькове..
(Стр.82-85,44-48,56-63,94,98).

..."По приезде в Харьков (в 1927 году), я согласно указаниям ЯКУБЦА, связалась с ГУШЕКОМ в Украинбанке.

...Летом 1927 года, согласно указаний, полученных на квартире ГУШЕКА от последнего и ДОБРОТВОРСКОГО, я и МАЗУКЕВИЧ внехали в Москву. Я посетила Чехословацкое Посольство и согласно указаний вручила лично послу ГИРСА пакет, данный мне ГУШЕКОМ и ДОБРОТВОРСКИМ.

... я лично (по приезде в Харьков) отправилась в Н.Баварию на квартиру ГАВЕКА и вручила ему письмо ГИРСы.

... В том же 1927 г. ГУШЕК преддожил МАЗУКЕВИЧУ познакомить меня с СЕРДЮКОМ, причем предупредил МАЗУКЕВИЧА не посвящать СЕРДЮКА в том, что я причастна к чешской работе. ГУШЕК мне предложил изучить взаимоотношения МАЗУКЕВИЧА и СЕРДЮКА...(Стр.33,34).

..."Я, как чешка и агент чешских разведывательных органов вела наблюдение за группой связанных между собой украинцев-чешских агентов, как-то: [redacted], ПЫРХАВКО[redacted], СТАДНИЧЕНКО Владимиром и [redacted], сводки результаты наблюдений д-ру ЯКУБЦУ во время своих поездок в Прагу".

...я слушала связью между МАЗЮКЕВИЧЕМ, у которого концентрировались материалы указанных лиц и чешскими разведорганами, коим отвозила собираемые этими лицами материалы. (Ст.93).

..."Категорически предлагалось мне (во время приездов в Прагу), что я как женщина-агент, ни перед чем не должна останавливаться в стремлении к достижению основной цели - вербовки военных.

..." В этом вопросе, как НОВАК, так и особенно ЯКУБЕЦ были требовательны и жестки.

..."По возвращении в 1929 г. в Харьков, мне удалось это основное свое задание выполнить... В результате соответствующего влияния, оказанного мною на ГЕРАЩЕНКО (командир Московского гарнизона) и моей "игры" с ним... ГЕРАЩЕНКО собственноручно изложил сведения (приблизительные по его выражению) о количестве военных самолетов и танков, а также их системах в РККА. Изложил тогда же данные о противохимической обороне"... (Стр.96-98).

...."В 1932 г. ЛОЗИНСКИЙ зная об ожидающемся моем отъезде в Прагу, прямо просил передать ЯКУБЦУ, что в скором времени он пришлет ему материалы. Я согласилась и во время встреси в 1932 г. в Праге с ЯКУБЦОМ, передала ему то, что мне сказал ЛОЗИНСКИЙ. (Стр.72,83).

...." В Июне 1933 г. я выехала в Прагу и о создавшемся положении проинформировала ЯКУБЦА, передав также просьбу МАЗЮКЕВИЧА о даче ЯКУБЦЕМ указании"... (Стр.68).

Активная разведывательная работа КУЗЕРОВОЙ подтверждается показаниями связанных с ней членов укр. с.р. организации - агентов чешской разведки - ПЫРХАВКИ Г.И., КОРОЛИВСКОГО М.Ю., СТАДНИЧЕНКО И.Н., КАНОНЫРА Ю.Н., ЧЕРНОГО И.Н., ДЕДЕКА М.П. (Стр.7,8,9,10,11,12, 13,14,16,20,22,23,24,25,54,107,109,110,111).

На основании изложенного ,-

П О Л А Г А Л - Б Ы:

След.дело № 1005 по обвинению:

КУПЕРОВОЙ Эрвины Эрвиновны, 1899 г.р., УР. г.Космонос (Чехо-Словакия), чешки, подданной Чехо-Словакии, из семьи чиновника, окончивш.среднюю и балетные школы, балерины, в СССР с 1926 г., работавш.в Харькове, в Музыкальном Театральном Институте, члена Союза "РОБОС",

в преступлениях, предусмотренных ст.54-6 УК УССР, направить на рассмотрение Судебной Тройки, при Коллегии ГПУ УССР , с ходатайством о высылке КУПЕРОВОЙ Эрвины Эрвиновны за пределы СССР.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ОО УВО и ГПУ УССР (ХРАПУН),

"СОГЛАСЕН" НАЧ 3 ОТДЕЛЕНИЯ ОО УВО и ГПУ УССР (БЛЮМАН)

"УТВЕРЖДАЮ": НАЧ ОО УВО и ГПУ УССР (АЛЕКСАНДРОВСКИЙ)

СПРАВКА: 1. Арестованная содержится в Спецкорпусе ГПУ УССР.

2. Вещественных доказательств по делу н е т.

П О С Т А Н О В Л Е Н И Е.

Гор. Харьков Мая 19 дня, 1934 года. Я, Врид. Помощника генерального прокурора УССР по специальным делам - КРАЙНИЙ, рассмотрев дело Особого Отдела УВО и ПУ УССР по обвинению КУПФЕРОВОЙ Эрвины Эрвиновны по ст.54-6 УК УССР -

У С Т А Н О В И Л:

что обвинительное заключение Особого Отдела УВО и ПУ УССР по этому делу соответствует материалам и показаниям обвиняемой КУПФЕРОВОЙ Э.Э.

В виду этого П О С Т А Н О В И Л:

Обвинительное заключение У Т В Е Р Д И Т Ь. С предложением Особого Отдела УВО и ПУ УССР о высылке КУПФЕРОВОЙ Эрвины Эрвиновны за пределы СССР СОГЛАСИТЬСЯ.

ВРИД. ПОМ. ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА УССР
по специальным делам

(КРАЙНИЙ)

Ф. 11/УСО

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 54/614

Судебной Тройки при Коллегии ГПУ УССР от " 19" Мая 1934 г.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
1. Дело №-1005/55468-00 УВО и ГПУ УССР, по обв. гр. КУПЕРОВОЙ Эрвины Эрвинэвны, 1899 г.р., ур. гэр. Кэсмэнэс, /Чехо-Слэвакия/, чешки, подд. Чехо-Слэвакии, б/п, балерины. По ст. 54-6 УК УССР.	Возбудить ходатайство перед Коллегией ОГПУ о высылке КУПЕРОВОЙ Эрвины Эрвинэвны ЗА ПРЕДЕЛЫ СССР.

ВЕРНО: Секретарь Судебной Тройки

К следству № 1005/5548

Куприковой Эвелины Эдуардовны

1) Паспорт № 200872

2) фотокарточки

3) 3 кол. обвинит. заключ.

(Вер.: Ульян. Усс

Выписка из протокола

седания Коллегии ОГПУ (судебное) от „ 26“ м а я 1934 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
8.Дело № 13454 по обв.гр. КУПФЕРОВОЙ Эрмины Эрнстовны по 58/6 ст.УК . Дело рассм.в пор.постан. през.ЦИК СССР от 9/6-27г	КУПФЕРОВУ Эрмину Эрнстовну выслать из пределов СССР под конвоем. Дело сдать в архив.

Секретарь Коллегии ОГПУ

3153 1

Купчина 5 1931 г.
За [illegible]

25309

УПРАВЛЕНИЕ КГБ УССР ПО ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛ

Начальнику адресно-справочного бюро _____

В связи с возникшей необходимостью просим проверить:

1. Фамилия Сомсиковой
2. Имя, отчество Александр Павлович
3. Год и место рождения 1900

и сообщить о проверяемом:

1. Адрес его места жительства г. Сумы, ул. Герасима Кондратьева, 6
2. Место работы и должность пенсионер
3. Дополнительные сведения _____

Следователь УКГБ УССР
по Харьковской области

9.08 1989 года.

Запрос проверил:
Сотрудник адресного бюро

Начальник адресно-справочного
бюро

10.VIII 1989 года.

М. П.

25309

г. Харьков

Приложение № 18
к Инструкции

Место для индекса подразделения

Заполнять на машинке или чернилами, при этом фамилию, имя и отчество — печатными буквами.

УКГБ УВД

(наименование органа и подразделения, куда направляется требование)

1. Фамилия КУПФЕРОВА

2. Имя и отчество ЭРВИНА ЭРВИНОВНА

3. Год рождения 1899 4. Место рождения г. Косинос (Чехословакия).

5. Адрес

6. Место работы и должность

7. Какая нужна справка о судимости и отрывке осуждения, хранящихся в архивных УКГБ УССР по Х/б

(наименование органа и подразделения)

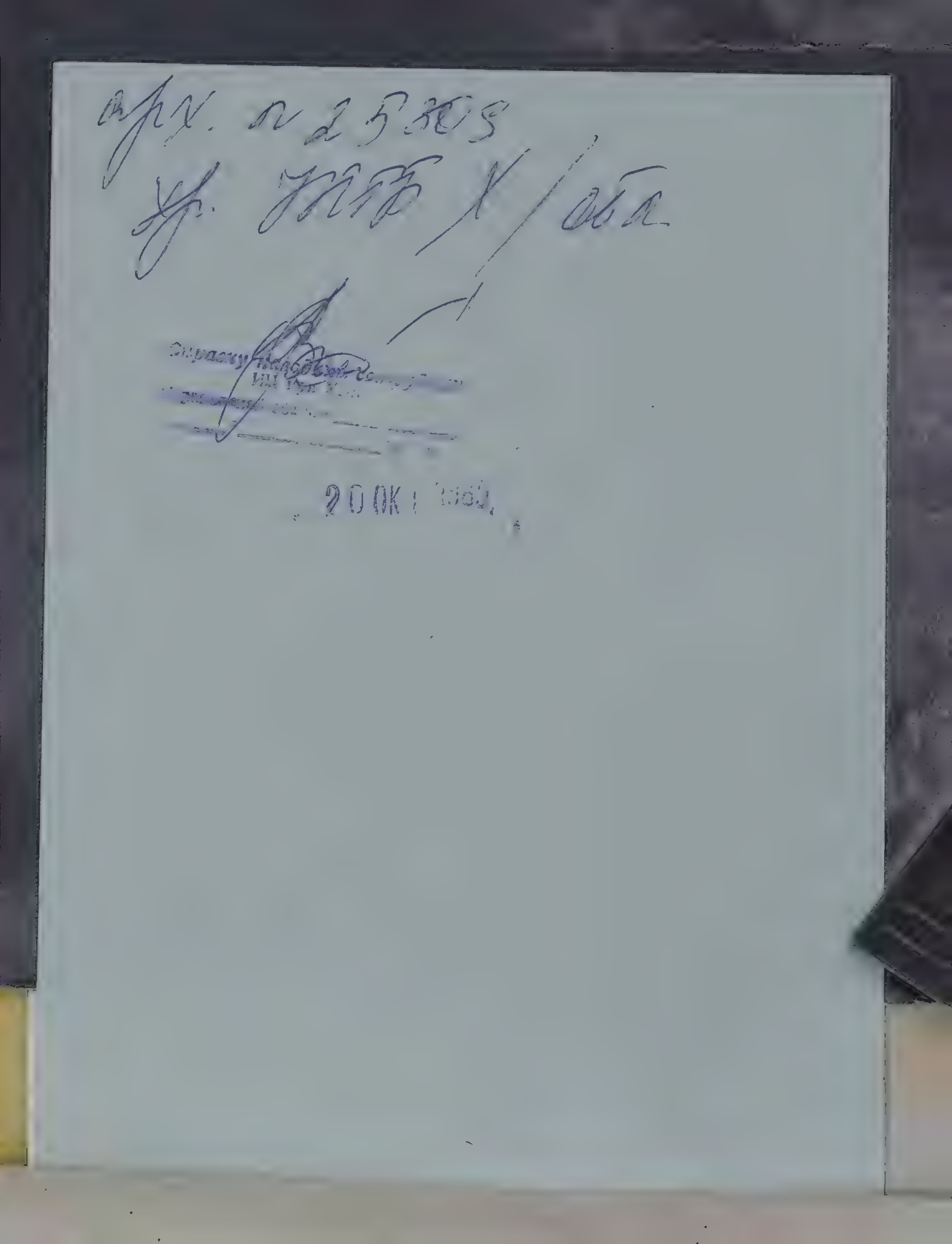
Начальник (должность) И.Н. Мурин (фамилия) (подпись)

«17» октября 1989 г.

Исполнитель Юдин (фамилия)

Телефон

УКГБ Харьков



КОМІТЕТ
ДЕРЖАВНОЇ БЕЗПЕКИ
УКРАЇНСЬКОЇ РСР

УПРАВЛІННЯ
ПО ХАРКІВСЬКІЙ ОБЛАСТІ

КОМИТЕТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
УКРАИНСКОЙ ССР

УПРАВЛЕНИЕ
ПО ХАРЬКОВСКОЙ ОБЛАСТИ

17 ноября 1989 г. № 5с/25300 г. Харьков

Директору Особого архива Главного
архивного управления при СМ СССР
гор. Москва, улица Выборгская, 3.

В связи с пересмотром уголовного дела просим Вашего распоряжения сообщить, не имеется ли сведений о принадлежности к разведывательным и контрразведывательным органам бывшей Чехословакии
относительно

КУПФЕРОВА ЭРВИНА ЭРВИНОВНА, 1899 года рождения, уроженки г. Космонос (Чехословакия), жительницы г. Харькова

Вход. № К-2155
«30» 10 1989 г.
Особый архив
ГАУ при СМ СССР

Который, по имеющимся данным, в 1925 году был завербован в Чехословакии руководителем антисоветской нелегальной резидентуры ЯКУБОВА, выехал на Украину в 1926 году в Харьков поддерживал связь с высылом оттуда Рутковским-директором Гармиданко

Начальник следотделения УКГБ Н.Н.Мурзин

11
1, 2 пр.

Тип. УПД 25. 02. 88 г. з. 602 т. 25000.

1 гр. Исп. Долгих
31.10.89 г.

Особый архив при СМ СССР
В документальных материалах
архива 2 гр.
СВЕДЕНИЙ НЕ ОБНАРУЖЕНО
Исполнитель Марченко
Начальник отдела
„21" 11 1989 г.

219

УТВЕРЖДАЮ
Военный прокурор КВО
генерал-майор юстиции
А.И. Фролов
28 ноября 1939 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

в отношении Куперовой Э.Э.

по материалам уголовного дела (арх. № 25309)

Фамилия, имя, отчество Куперова
Эрвина Эрвиновна

Дата и год рождения 1899 (число и месяц не указаны)

Место рождения г. Космонос (Чехословакия)

Сведения о партийности (в том числе № партийного билета) беспартийная

Место работы и должнос до ареста преподаватель музыки театрального института в г. Харькове

Место жительства до ареста г. Харьков, ул. Жуковская - 4

Данные о родственниках родственники не установлены

Дата ареста, предъявлявшееся обвинение, когда и каким несудебным органом было вынесено решение по делу арестована 5 ноября 1933 года Харьковским ГПУ УССР. Согласно обвинительному заключению Куперова Э.Э. обвинялась в том, что находясь в деловой связи с рядом членов эсеровской контрреволюционной организации, проводила разведывательную работу в пользу Чехословакии.

1 гр. Исп. Фальянис

Практическая разведывательная работа Купферовой состояла в поддержании связи с чешским резидентом и выполнении его заданий, в наблюдении за группой связанных с ним чешских агентов-эсеров. В задачу Купферовой входила также вербовка военнослуживших РККА."

Постановлением Судебной тройки при Коллегии ГПУ УССР от 19 мая 1934 года Купферова Э.Э. по ст. 54-6 УК УССР выслана за пределы СССР.

Возбужденное против Купферовой обвинение основывалось на её непоследовательных и непроверенных показаниях.

Проверкой по Особому архиву ГАУ при СМ СССР данных о её причастности к агентуре и шпионской деятельности в пользу Чехословакии не получено.

Купферова Эрвина Эрвиновна подпадает
(ф., и., о.)

под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов».

Старший помощник
военного прокурора КВО
полковник юстиции И.В. Овчаренко

Начальник следотделения УКГБ УССР
по Харьковской области
подполковник И.Н. Кузин

17 ноября 1989 года

ДЕРЖАВНИЙ АРХІВ ХАРКІВСЬКОЇ ОБЛАСТІ

АРКУШ-ЗАСВІДЧУВАЧ СПРАВИ № 229

ФОНД № Р6152 ОПИС № 6

У справі підшито і пронумеровано 230 (двісті тридцять)

аркушів;

у т. ч.: літерні аркуші: 125а

пропущені номери

+ аркушів внутрішнього опису 1

Особливості фізичного стану та формування справи	№№ аркушів
1	2
Листи аркуші	1(зв) - 4(зв), 7(зв) - 36(зв), 44(зв) - 50(зв), 53(зв) - 65(зв), 71, 72(зв), 83(зв), 95(зв) - 97(зв), 99(зв), 81(зв), 83(зв) - 88(зв), 92, 93(зв) - 101(зв), 104(зв) - 113(зв), 115(зв) - 224(зв), 226(зв).
пошкоджений аркуш	155
конверт без вкладень	224

Державний архів Харківської області
ПЕРЕВІРЕНО
10 11 2020 р.
мол. арх. Бородинська
(посада) (прізвище)

Державний архів Харківської області
ПЕРЕВІРЕНО
13 11 2020 р.
мол. арх. Бородинська
(посада) (прізвище)

Державний архів Харківської області
ПЕРЕВІРЕНО
13 11 2020 р.
мол. арх. Бородинська
(посада) (прізвище)

Державний архів Харківської області
ПЕРЕВІРЕНО
20 р.
(посада) (прізвище)